

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИМЕНИ ПРОФ. В.А. ЛЕБЕДИНСКОЙ

В.А. ЛЕБЕДИНСКАЯ

ИЗБРАННОЕ

Курган 2007

УДК 415.61
ББК 81.2-3
Л 33

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор Челябинского государственного педагогического университета Чепасова А.М.

д-р филол. наук, профессор Челябинского государственного педагогического университета Шиганова Г.А.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета

Л 33 Лебединская В.А. Избранное / Отв. ред. Н.Б. Усачева. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – 155 с.

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук, доцент Усачева Н.Б.,
канд. филол. наук, доцент Кабыш В.И.,
канд. филол. наук, доцент Шведова Н.В.,
ст. преп. Гончарова Н.В.,
ст. лаб. Воронина Т.Ю.

В книгу профессора В.А. Лебединской вошли научные и научно-публицистические работы, отражающие проблематику исследований в области процессуальной фразеологии, функционирования лексических и фразеологических единиц в поэтической и прозаической речи. Самостоятельный раздел книги составили статьи, в которых проводится исследование гендерных проблем языка, анализируется современное состояние русского языка.

Сборник избранных статей адресован широкому кругу специалистов по русскому языку, преподавателям высших и средних учебных заведений, аспирантам и студентам.

ISBN

УДК 415.61
ББК 81.2-3

© Курганский
государственный
университет, 2007

© Усачева Н.Б., 2007

Профессор Валентина Андреевна ЛЕБЕДИНСКАЯ

О ПРОФЕССОРЕ В.А. ЛЕБЕДИНСКОЙ

В настоящей книге – избранные работы Валентины Андреевны Лебединской. При отборе статей мы руководствовались несколькими критериями: во-первых, хотелось представить разнообразие научных интересов этого ученого, во-вторых, сделать доступнее статьи, которые были опубликованы в редких, изданных малым тиражом, книгах, в-третьих, переиздать работы, которые имеют важное значение для развития фразеологии, для дальнейшей работы лингвистов.

В результате сложились два раздела книги, объединяющие научные и научно-публицистические статьи профессора Лебединской. Большую часть своих работ она посвятила исследованию фразеологии, поэтому на первое место мы поставили статьи, посвященные общим вопросам фразеологии: взаимодействие семантических и грамматических факторов во фразеологизмах, феномен фразеологического значения, генезис фразеологических единиц, аспекты их исследования – вот круг проблем, решение которых предложила Валентина Андреевна. Особое место среди научных работ занимает статья «История создания «научного продукта» Челябинской фразеологической школы», написанная для научно-исторического очерка, посвященного школе А.М. Чепасовой. Предлагая написать статью, отражающую становление и развитие научной школы, к которой принадлежала В.А. Лебединская, проф. Чепасова заметила: «Лучше Вас об этом никто не напишет». Рука об руку учитель и ученик, А.М. Чепасова и В.А. Лебединская (первая и, по признанию Антонины Михайловны, лучшая аспирантка), работали на создание направления, изучающего грамматические свойства фразеологических единиц. Их собственная продуктивная научная работа, исследования учеников и последователей, подготовка и проведение конференций, издание сборников, работа проблемной группы по фразеологии при Челябинском государственном педагогическом институте (потом – университете), участие в конференциях различных рангов – все это сформировало школу фразеологов профессора Чепасовой, а ее правой рукой была Валентина Андреевна Лебединская. Непосредственное участие Лебединской во всех мероприятиях школы позволило ей написать полный и последовательный «отчет» о зарождении, развитии и признании Челябинской фразеологической школы.

В.А. Лебединская вошла в историю науки своим глубоким, последовательным анализом процессуальных фразеологизмов, поэтому вторая часть научных статей объединена общей проблематикой исследования процессуальных фразеологических единиц. Помимо трех опубликованных монографий («Процессуальные фразеологизмы современного русского языка» (1987), «Функционирование категории наклонения процессуальных фразеологизмов» (1992), «Семантика процессуальных фразеологизмов» (1999)), этому объекту исследования посвящено множество статей,

малая часть из которых вошла в книгу. Статьи разных лет показывают развитие идей профессора Лебединской, начиная с анализа категории лица процессуальных фразеологизмов и заканчивая сформулированными ею принципами анализа семантики процессуальных единиц.

В третью часть первого раздела включены статьи, в которых рассматриваются особенности функционирования фразеологических единиц в текстах художественной литературы. Эрудированный, прекрасно знающий и любящий русскую литературу человек, Валентина Андреевна наблюдала за особенностями включения фразеологизмов в тексты классических произведений литературы. Тонкие наблюдения, последовательный уникальный анализ позволили ей создать интереснейшие статьи, в которых обобщены особенности употребления фразеологических единиц в романах Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В. Пелевина. В последние годы жизни серьезным увлечением профессора Лебединской стала поэтическая фразеология. С азартом и задором выявляет она поэтические фразеологизмы в стихотворениях В. Ходасевича, О. Мандельштама, А.Ахматовой, К. Бальмонта, В. Высоцкого, разрабатывает методiku их анализа, принципы их научного исследования. Темы по поэтической фразеологии получают многочисленные аспиранты Валентины Андреевны. К огромному сожалению, здесь ей немного удалось сделать, но ее работу продолжают ученики: пишут статьи, готовят и защищают диссертации.

Второй раздел книги представляет статьи, которые мы условно назвали научно-публицистическими. Они отражают гражданскую позицию проф. Лебединской, ее неравнодушное отношение к языку, попытку осмыслить современное его состояние, выявить негативные и позитивные тенденции русского языка на современном этапе. Особый аспект исследования – женский язык и «женское» в языке. Гендерная проблематика стала одним из важных направлений исследования языка в последних работах Валентины Андреевны.

Глубокие и оригинальные научные статьи доктора филологических наук Лебединской, выполненные с большой тщательностью и любовью к языку, вызывают неизменный интерес. Ее публикации получили всеобщее признание, на эти работы ссылаются самые серьезные российские и зарубежные исследователи, для многих аспирантов и студентов ее работы являются основополагающими, необходимыми. Думаем, эта книга будет полезной и нужной всем исследователям фразеологии, каждый из которых найдет в ней что-то свое.

Полный список публикаций проф. В.А. Лебединской и список подготовленных ею отзывов (оппонента, ведущего учреждения, на авторефераты) отражают ее научный путь, дают представление о разнообразии ее научных интересов.

Канд. филол. наук, доцент Н.Б. Усачева

Есть такие люди, которые никого не оставляют равнодушными. Валентина Андреевна Лебединская принадлежит к числу таких людей. Это яркий, творческий человек, глубоко преданный науке. По словам Валентины Андреевны, заниматься фразеологией она начала еще в студенческие годы под руководством Антонины Михайловны Чепасовой, а затем стала ее первой аспиранткой. Любовь к фразеологии Валентина Андреевна пронесла через всю жизнь. Она стала выдающимся ученым, известным и в России, и за рубежом. Валентина Андреевна постоянно участвовала в научных конференциях, в том числе и зарубежных, увлекая своим примером и нас, ее учеников: преподаватели и аспиранты кафедры русского языка КГУ ежегодно принимают активное участие в различных всероссийских и международных конференциях.

Валентина Андреевна была прекрасным оратором, в совершенстве владеющим искусством слова. Ее доклады и выступления всегда были яркими, запоминающимися. Помню фразеологическую конференцию в Туле (2000 г.), где Валентина Андреевна, выступая на заседании «круглого стола», горячо и эмоционально полемизировала с известными фразеологами, отстаивая свою точку зрения.

Как известно, учитель живет в своих учениках. Валентина Андреевна щедро делилась своими знаниями и опытом со своими учениками – студентами и аспирантами, для которых она навсегда останется любимым Учителем. Она всегда была готова прийти на помощь, дать дельный совет, обсудить разные проблемы. Искренняя увлеченность наукой передалась всем ученикам Валентины Андреевны, многие из которых уже защитили кандидатские диссертации и продолжают активно заниматься исследованием русской фразеологии. Для меня Валентина Андреевна стала человеком, определившим мои научные интересы. Именно от нее я впервые узнала, какая это интересная, увлекательная наука. Под руководством Валентины Андреевны я выполнила свою первую научную работу по фразеологии, которая затем переросла в дипломное и диссертационное исследование.

Валентина Андреевна навсегда останется в памяти всех нас, ее коллег и учеников, как человек неординарный, бескомпромиссный, талантливый, являющийся примером преданного служения науке.

Д-р филол. наук, профессор Е.Р. Ратушная

Имя В.А. Лебединской неразрывно связано с уникальным направлением лингвистики – фразеологией. Эта наука отражает творческий потенциал любого языка, делает его богаче, эмоциональнее, ярче... Фразеология привлекает исследователей, обладающих творческим мышлением, интересующихся глубинными свойствами языка.

Валентина Андреевна была серьезным исследователем фразеологии русского языка, раскрывшим роль этого направления лингвистики как

источника научного вдохновения. Ее имя неразрывно связано с вовлечением коллег в исследование фразеологических единиц и ассоциируется с центром фразеологического притяжения. В результате деятельности профессора Лебединской в университете появилась кафедра русского языка и Лингвистическая лаборатория, которые объединяют ученых, занимающих лидирующие позиции в исследовании фразеологии.

Создание Лингвистической лаборатории свидетельствует о продуманной системе работы и дальновидности ученого В.А. Лебединской. Лингвистическая лаборатория является залогом долговременного научного поиска в области фразеологии. В целом, лаборатория – детище Валентины Андреевны – играет чрезвычайно важную роль в укреплении позиций фразеологии, чему было посвящено много времени в ее жизни. Здесь уместны слова поэта Д.Р. Лоуэлла: «То дело – прочно, за которым стоит не множество людей, а один сильный человек».

Всегда можно было рассчитывать на ее реальную поддержку, за что я ей очень благодарна. Внимание и активную энергию ощущали на себе и ее студенты, среди которых была и моя сестра. Среди ее книг я однажды увидел учебное пособие по фразеологии русского языка, разработанное Валентиной Андреевной, с дарственной надписью, гласившей: «Верочке Метельниковой на добрую память от автора-куратора», датированной 24.06.90г. Яркий пример постоянного внимания к своим будущим коллегам.

Канд. филол. наук, доцент Ф.М. Белозерова

Валентина Андреевна... Человек нелегкой, но в то же время счастливой судьбы.

Энергичность, принципиальность, настойчивость, самоотверженность, смелость и широта мышления и поступков, высочайшее чувство ответственности, увлеченность, преданность своему делу.

Но главная ценность – удивительная душевная щедрость.

Валентина Андреевна, непостижимо сочетая научную, преподавательскую и организационную деятельность, упорно шла к намеченной цели ради интересов дела. Важной составляющей ее работы была открытость и готовность к восприятию свежих идей, теорий.

С огромным желанием и отдачей Валентина Андреевна работала в студенческой аудитории. Мы, студенты, ловили каждое слово на ее лекциях и увлеченно работали на практических занятиях.

Она верила в творческий потенциал своих коллег, вселяла в них эту веру, вдохновляя на достижение новых этапов профессионального роста. Щедро делилась накопленным опытом и радовалась успехам своих учеников. Под руководством Валентины Андреевны сложился дружный коллектив единомышленников, ее «вторая семья», в которой она была генератором многих идей.

Профессор Лебединская была человеком, преданным любимой науке о русском языке, искренне стремившимся сделать сокровища и тайны нашего родного языка всенародным достоянием. Общие задачи преподавания современного русского языка определила так: «Мы вырастили поколение языковых гомункулов и теперь им, почти безъязыким, пытаемся вмонтировать в голову всю мировую цивилизацию. Традиционно в русской национальной школе русский язык был первым предметом, развивающим ум, нравственные начала, духовность. Нет, великий и могучий язык не оскудел. В нем заложена огромная (колоссальная!) информационная, духовная, эстетическая ценность» (Боль моя и тревога – русский язык //Наука и образование Зауралья. Вып. 2 (3) .- Курган, 1998.- С. 154 – 156).

Многочисленные труды Валентины Андреевны содействовали повышению речевой культуры школьников и учителей, сохранению и утверждению традиций русской речевой культуры. Она обладала редким талантом человечности, умением не только понимать беды других, но и активно помогать всем, кто нуждался в ее помощи.

Валентина Андреевна ушла из жизни в 2003 году. Однако она осталась в памяти всех, кто знал ее, и особенно тех, кто имел счастье учиться у нее и работать с ней.

Канд. филол. наук, доцент Б.В. Туркина

Удивительным человеком была Валентина Андреевна Лебединская, и чем больше проходит времени, тем чаще об этом думаешь. Каждую свою работу, статью стараешься оценить с ее тоски зрения; думаешь, что бы она сказала; ждешь ее строгого взгляда и даже вспоминаешь ее голос. Когда проходили третьи «Фразеологические чтения памяти профессора В.А. Лебединской», ее дочь, Наталья Борисовна Усачева, включила давнюю запись интервью с профессором: зазвучал неповторимый, такой родной и близкий голос Валентины Андреевны; и было ощущение, что она здесь, что она с нами.

Какой она запомнилась нам, ее студентам?

Первый курс... В аудитории – Она, яркая, эмоциональная, эрудированная, прекрасный Оратор, Учитель, Человек. Про лингвистику рассказывала так, что мы влюбились и в сонорные согласные, и в процессуальные фразеологизмы, и в Бодуэна де Куртене.

Пятый курс... За кафедрой – Она. Талантливая, великолепно знающая свой предмет, обладающая огромной жизненной силой, энергией, желающая «дойти до самой сути. / В работе, в поисках пути, / В сердечной смуте. / До сущности протекших дней, / До их причины, / До оснований, до корней, / До сердцевины». Валентина Андреевна не была «урокодателем», она вкладывала в нас душу, не смотрела на нас свысока, всегда находи-

лась рядом, но звала за собой вперед.

Третий курс аспирантуры... На постели – Она, еще три месяца назад искристая, живая, неунывающая, бодрая, а сейчас умирающая в муках. До последнего своего дня, несмотря на невыносимые страдания, Она консультирует своих учеников. До последней капли Она отдала себя своим «крокодилам, бегемотам, малышам»...

Она навсегда останется с нами, потому что ее труд, ее работа, дело всей ее жизни не прошли даром, не канули в Лету, а продолжают многими учениками и последователями этого замечательного человека. Это и защиты кандидатских диссертаций, темы которых предложила Валентина Андреевна; и создание частных словарей; и работа с картотекой, которую в течение всей своей жизни собирала профессор В.А. Лебединская.

Но главное, чему она научила нас, - это в любой сложной жизненной ситуации оставаться людьми целеустремленными, трудолюбивыми, честными, цельными, осуществить правильный выбор между «быть» или «не быть», «войной» и «миром», «гением» и «злодейством», добром и злом... Этому пути наш Учитель «окончательно и бесповоротно посвятила свою жизнь».

*Канд. филол. наук, доцент Н.В. Шведова,
Канд. филол. наук, доцент В.И. Кабыш*

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ ПРОФЕССОРА В.А. ЛЕБЕДИНСКОЙ

1. Глагольные фразеологические единицы, употребляемые преимущественно в форме первого лица // Вопросы современного русского литературного языка. – Вып. 2. – Челябинск: ЧГПИ, 1967. – С. 65-73.
2. К вопросу об аспектах исследования фразеологизмов // Грамматический строй и стилистика. – Челябинск: ЧГПИ, 1967. – С. 82-86.
3. Фразеологические единицы с глагольным компонентом, застывшим в форме повелительного наклонения // Вопросы современного русского литературного языка. – Вып. 2. – Челябинск: ЧГПИ, 1967. – С. 46-64.
4. О фразеологических единицах, употребляющихся в форме третьего лица // Вопросы современного русского литературного языка. – Вып. 3. – Челябинск: ЧГПИ, 1968. – С. 75-82.
5. Семантическая характеристика глагольных фразеологизмов с полной парадигмой лица (на материале произведений и писем А.П. Чехова) / / Уральская зональная конференция кафедр русского языка вузов Урала: Материалы VIII зональной конференции. – Шадринск, 1968. – С. 43-45.
6. К вопросу о стилистическом использовании форм первого лица глагольных фразеологизмов // Вопросы лексикологии: Материалы VII зональной конф. кафедр русского языка вузов Урала. – Сб. 97. – Свердловск, 1969. – С. 45-50.
7. Категория лица глагола-компонента фразеологических единиц (на материале произведений и писем А.П. Чехова): Дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 1969. – 231 с.
8. К вопросу о категории лица глагольных фразеологических единиц / / Вопросы современного русского литературного языка. – Вып. 5. – Челябинск, 1971. – С. 59-67.
9. Об использовании оценочных глагольных фразеологизмов в произведениях В.И. Ленина // Вопросы семантики фразеологических единиц (на материале русского языка). – Ч. 1. – Новгород, 1971. – С. 310-312.
10. К вопросу о структурно-семантических особенностях безличных глагольных фразеологизмов // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. – Пермь, 1972. – С. 269-272.
11. К вопросу об изучении морфологической специфики фразеологических единиц // Труды СамГУ им. А. Навои. Новая серия. – Вып. 219. – Вопросы фразеологии. – Ч. 2. – Самарканд, 1972. – С. 114-116.
12. Оценочные процессуальные фразеологические единицы в произведениях В.И. Ленина // Вопросы фразеологии современного русского языка. – Челябинск, 1975. – С. 113-124.
13. Программа специального курса «Фразеология современного русского литературного языка» и изучение ее в школе. – Курган, 1975. – 17 с.
14. Изучение лингвистической терминологии в курсе «Введение в язы-

кознание» // Гуманитарные науки: Тез. докл. науч. конференции. – Курган, 1976. – С. 96-101.

15. Над чем работают фразеологи Челябинска // Вопросы фразеологии. – Вып. VII. – Самарканд, 1976. – С. 263-265.

16. О постановке спецсеминара по фразеологии русского языка // Гуманитарные науки: Тез. докл. науч. конференции. – Курган, 1976. – С. 139-142.

17. Опыт проведения спецсеминара по фразеологии современного русского языка // Фразеологическая система языка. – Челябинск, 1976. – С. 26-31.

18. О структуре категории лица процессуальных номинативных единиц языка // Фразеологическая система языка. – Вып. IV. – Челябинск, 1978. – С. 20-29.

19. Заголовок в газете (обзор областных и районных газет). – Курган: Курганская областная организация союза журналистов СССР, 1980. – 21 с.

20. Искусство волновать массу (лексический анализ языка районных газет). – Курган, 1982. – 22 с.

21. Методические рекомендации по введению в языкознание (для студентов 1 курса факультета русского языка и литературы). – Курган, 1982. – 42 с.

22. Методические разработки к семинарам, практическим и лабораторным занятиям по разделу «Фразеология». – Челябинск, 1984. – 66 с. (редактирование).

23. Структура и содержание специального курса «Фразеология современного русского языка» // Лексико-фразеологические связи в литературном русском языке и народных говорах. – Курск, 1984. – С. 207-214.

24. Переходность-непереходность и категория залога процессуальных фразеологизмов // Семантико-грамматические свойства фразеологизмов русского языка. – Челябинск: ЧГПИ, 1985. – С. 79-87.

25. Леонидова М.А. Проблема структурно-семантической типологии болгарских и русских фразеологизмов. – София: Народна просвета, 1986. – Рец.: Slavia, Rocnik 57 (1988), Císlo 4. – С. 422-423.

26. Бурмако В.М. Отвлеченные понятия курса «Современный русский язык» в графических образах. – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 84 с. (редактирование).

27. Методические рекомендации по НИРС и УИРС (спецкурсы, спецсеминары и курсовые работы по фразеологии русского языка). – Курган: КГПИ, 1987. – 156 с.

28. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка: Учебное пособие по спецкурсу. – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 80 с.

29. Свод фразеологизмов современного русского языка. – Челябинск, 1987. – 180 с. – Депонировано в ИНИОН АН СССР № 32045 от 09.12.87. В соавторстве с А.М. Чепасовой и др.

30. Системные отношения процессуальных фразеологизмов // Материалы к заседанию ученого совета института по вопросу «Итоги научной работы (1981-1987)». – Курган: КГПИ, 1987. – С. 233-236.

31. Эмирова А.М. Коммуникативная фразеология. – Ташкент: Фан, 1988. – 92 с. – Рец.: Slavia, Roipik 59 (1990) Iislo 4. – С. 430-432.

32. Вопросы контрпропаганды в преподавании лингвистических дисциплин // Реализация школьной реформы в вузовском преподавании лингвистических дисциплин. – Курган: КГПИ, 1988. – С. 111-114.

33. Изучение процессуальных фразеологизмов русского языка в НИРС и УИРС // Реализация школьной реформы в вузовском преподавании лингвистических дисциплин. – Курган: КГПИ, 1988. – С. 110-111.

34. Семантика процессуальных фразеологизмов с компонентами «входить – выходить» // Фразеологическое значение в языке и речи. – Челябинск: ЧГПИ, 1988. – С. 32-43.

35. Коммуникативная значимость форм процессуальных фразеологизмов // Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур / Текст. Коммуникация. Перевод: Тез. научно-практической конф. – Ч. 2. – Казань, 1989. – С. 144-146.

36. Модели процессуальных фразеологизмов с компонентом-именем в форме родительного падежа // Синтаксические модели фразеологизмов. – Челябинск: ЧГПИ, 1989. – С. 85-89.

37. Роль компонентов в создании фразеологического значения // Системные связи и отношения фразеологизмов. – Свердловск: СГПИ, КГПИ, 1989. – С. 131-140.

38. Самостоятельная работа студентов по повышению грамотности // Индивидуальная и самостоятельная работа в условиях перестройки высшего образования: Материалы выступлений на областной межвузовской научно-практической конференции. – Курган, 1989. – С. 43-45. В соавторстве с Б.В. Туркиной.

39. Системные связи и отношения фразеологизмов. – Свердловск: СГПИ, КГПИ, 1989. – 162 с. (редактирование).

40. Внешняя форма фразеологизмов как объект компьютерной фразеологии // Фразеологические словари и компьютерная фразеология: Тез. сообщений школы-семинара 13-17 ноября 1990 г. – М., 1990. – С. 110-112.

41. Проблема тождества и различия процессуальных фразеологизмов с компонентом НЕ // Проблема тождества фразеологических единиц. – Челябинск: ЧГПИ, 1990. – С. 57-64.

42. Система работы по введению в языкознание на заочном отделении // Совершенствование качества подготовки учителей гуманитарных специальностей через систему заочного обучения. – Уфа, 1990. – С. 61-62.

43. Банк методических идей. – Вып. 1. – Курган: КГПИ, 1991. – 102 с. (редактирование).

44. Изучение терминов в курсе «Введение в языкознание» как состав-

ная часть воспитания речевой и информационной культуры студентов // Банк методических идей. – Вып. 1. – Курган: КГПИ, 1991. – С. 43-45.

45. Классификация фразеологизмов в разных концепциях // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. – Вып. 1. – Ч. II. – Харьков, 1991. – С. 452-453.

46. Методические рекомендации по изучению фразеологии в школе. – Курган: КГПИ, 1991. – 26 с. В соавторстве с Т.В. Алейниковой.

47. После международного года грамотности – к делу воспитания грамотности учителя // Банк методических идей. – Вып. 1. – Курган: КГПИ, 1991. – С. 6-8.

48. Студенческая фразеография как материальная база НИРС и УИРС // Банк методических идей. – Вып. 1. – Курган: КГПИ, 1991. – С. 30-32.

49. Фразеологизмы-связки // Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии (на материале славянских, германских и романских языков). – Ч. II. – Новгород: НГПИ, 1991. – С. 51-53. В соавторстве с Н.Б. Усачевой.

50. Банк методических идей. – Вып. 2. – Курган: КГПИ, 1992. – 122 с. (редактирование).

51. Система многоуровневой подготовки учителя-филолога // Банк методических идей. – Вып. 2. – Курган: КГПИ, 1992. – С. 105-118.

52. Функционирование категории наклонения процессуальных фразеологизмов. – Курган: КГПИ, 1992. – 101 с.

53. Эволюция понятия семантико-грамматические классы фразеологизмов // Научные понятия в современном учебном процессе школы и вуза. – Ч.1. – Челябинск: ЧГПИ, 1992. – С. 123-124.

54. Чепасова А.М. Фразеология русского языка. Книга для юношества: Учебное пособие. – Челябинск, 1993. – 215 с. (редактирование).

55. Диалектические процессы во фразеологии. – Челябинск: ЧГПИ, КГПИ, 1993. – 173 с. (редактирование).

56. Русская фразеология как страноведческий объект // Россия и Западная Европа: диалог культур. – Курган, 1993. – С. 82-83.

57. Функциональные признаки формы фразеологизма // Диалектические процессы во фразеологии. – Челябинск: ЧГПИ, КГПИ, 1993. – С. 91-94.

58. Функционирование морфологических категорий процессуальных фразеологизмов // Диалектические процессы во фразеологии. – Челябинск: ЧГПИ, КГПИ, 1993. – С. 14-16.

59. Эволюция понятия «форма фразеологизма» // Научные понятия в современном учебном процессе школы и вуза. – Ч. 2. – Челябинск: ЧГПИ, 1993. – С. 54-55.

60. Банк методических идей. – Вып. 3. – Курган: КГПИ, 1994. – 152 с. (редактирование).

61. Методические рекомендации по введению в языкознание для студентов-заочников. – Курган: КГПИ, 1994. – 21 с.

62. Система многоуровневой подготовки учителя-филолога // Банк методических идей. – Вып. 3. – Курган: КГПИ, 1994. – С. 106-118.
63. Хрестоматия по истории русского языка / Авторы-составители В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. – М.: Просвещение, 1990. – Рец.: *Slavia, Rocnik* (1994), *Cislo* 5. – С. 527-528.
64. Научные, школьные и вузовские лингвистические понятия // Научные понятия в учебно-воспитательном процессе школы и вуза. – Челябинск: ЧГПИ, 1995. – С. 86-87.
65. Программы вступительных экзаменов и рекомендации для абитуриентов. – Курган: КГПИ, 1995. – 46 с.
66. Развитие речи учащихся в процессе изучения фразеологизмов с компонентами-антропонимами // Банк методических идей. – Вып. 4. – Курган: КГПИ, 1995. – С. 51-53.
67. Семантические процессы в современной газетной фразеологии // Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры. – Оломоуц, 1995. – С. 38-40.
68. Семантика процессуальных фразеологизмов современного русского языка // Вестник Челябинского государственного педагогического института. Сер. 3. Филология. – 1995. – № 1. – С. 17-34.
69. Взаимодействие разноструктурных фразеологизмов // Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии. – Волгоград, 1996. – С. 33-34.
70. Взаимодействие семантических и грамматических свойств процессуальных фразеологизмов: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Курган, 1996. – 312 с.
71. Интеръективация процессуальных фразеологизмов // Актуальные проблемы современной филологии. К столетию со дня рождения проф. А.И. Германовича. – Симферополь, 1996. – С. 72-73.
72. Проблемы фразеологического описания процессуальных фразеологизмов // Памяти П.Я. Черных. К 100-летию со дня рождения. – Магнитогорск: МГПИ, 1996. – С. 37-38.
73. Профессор А.М. Чепасова: Биобиблиографический указатель. – Челябинск: ЧГПИ, 1996. – 51 с.
74. Фразеологизмы с компонентом «Бог» // *Frazeologia a religia: Tezy referatow miedzynarodowego sympozjum naukowego*. – Opole, 1996. – С. 76-77.
75. Лексико-фразеологические тематические поля славянской мифологии // Сергеевские чтения. – Вып. 1. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 1997. – С. 7-8.
76. О морфологии процессуальных фразеологизмов // Сергеевские чтения. – Вып. 1. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 1997. – С. 5-7.
77. Роль уральской лингвофольклористики в духовном возрождении России // Русский язык как государственный. – М., 1997. – С. 60-64.
78. Сергеевские чтения. – Вып. 1. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 1997. – 135 с. (редактирование).

79. Субкатегории процессуальных фразеологизмов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 3. Филология. – 1997. – № 2. – С. 38-49.

80. Фонетическая транскрипция и фонетический разбор в вузе // Банк методических идей. – Вып. 5. – Курган: КГУ, 1997. – С. 97-99.

81. Фразеологическая разработка процессуальных фразеологизмов современного русского языка // Памяти П.Я. Черных. К 100-летию со дня рождения (1896-1970). – Магнитогорск: МГПИ, 1997.

82. Phraseology, paremiology, winged expression study // Phraseology and paremiology. – Europhras-97. – Liptovsky Jan, 1997. – С. 27-28.

83. Чепасова А.М. Мир русской фразеологии: Книга для юношества. – Челябинск: ЧГПУ, 1998. – 216 с. (редактирование).

84. Боль моя и тревога – русский язык // Наука и образование Зауралья. – 1998. – Вып. 2 (3). – С. 154-156.

85. Изучение понятия «основа» в вузовском курсе русского языка // Вопросы методики формирования понятий при изучении предметов гуманитарного цикла: Тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. «Методология, теория и методика формирования научных понятий у учащихся школ и студентов вузов». – Челябинск, 1998. – С. 5-6.

86. Современное состояние русского языка как государственного // Качество подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием: Материалы научно-практической конф. преподавателей Курганского государственного университета. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1998. – С. 75-78.

87. Фразеологизмы с религиозными компонентами в современном русском языке // Религия, человек, общество: Тез. сообщений Международного научного религиозно-философского конгресса. – Ч. 2. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1998. – С. 44-46.

88. Фразеология частушечно-песенных жанров уральского фольклора // Фразеология в аспекте науки, культуры и образования: Материалы междунар. конф. – Челябинск, 1998. – С. 58-59.

89. Газетный язык во времена социально-политических, экономических и идеологических кризисов // Сергеевские чтения. – Вып. 3. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 1999. – С. 6-8.

90. Динамизм внешней формы процессуальных фразеологизмов // Динамика фразеологического состава языка: Тез. докл. междунар. научн. конф. – Курган, 1999. – С. 42-43.

91. Компьютеризация лингвистических исследований // Применение информационных технологий в научных исследованиях и обучении: Тез. докл. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1999. – С. 13-15. В соавторстве с Н.Б. Усачевой.

92. Микрополе с компонентами БОГ и ЧЕРТ во фразеологической картине современных русских // Этнос. Культура. Текст: Материалы лингвист.

тической научн. конф. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1999. – С. 34-36.

93. Пушкин и Ходасевич // Наука и образование Зауралья. – 1999. – Вып. 3-4 (6-7). – С. 26-29.

94. Пушкин и Ходасевич // А.С. Пушкин и славянский мир: Тезисы докладов и материалы региональной научной конференции. – Сургут, 1999. – С. 68-69.

95. Роль словных компонентов в формировании фразеологических значений // Сергеевские чтения. – Вып. 3. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1999. – С. 25-27. В соавторстве с Е.А. Пермяковой.

96. Семантика процессуальных фразеологизмов: Учебное пособие. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1999. – 186 с. В соавторстве с Н.Б. Усачевой.

97. Сергеевские чтения. – Вып. 2. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1999. – 86 с. (редактирование).

98. Сергеевские чтения. – Вып. 3. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1999. – 97 с. (редактирование).

99. Фразеологизм-связка как языковой знак // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: Тез. докладов Всероссийской научной конференции. – Челябинск, 1999. – С. 53-54. В соавторстве с Н.Б. Усачевой.

100. Фразеологизмы-связки как объект научного и прикладного изучения // Лингвистические, культурологические и методические вопросы обучения русскому языку как иностранному: Седьмой международный симпозиум МАПРЯЛ. – Велико-Тырново, 1999. – С. 125-129. В соавторстве с Н.Б. Усачевой.

101. Фразеологическое значение как лингвистический феномен // Сергеевские чтения. – Вып. 2. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1999. – С. 6-8.

102. Этнофразеология как самостоятельная научная дисциплина // Динамика фразеологического состава языка: Тез. докл. междунар. научн. конф. – Курган, 1999. – С. 43-44. В соавторстве с Н.Б. Усачевой, Е.Л. Цыцаркиной.

103. Компьютерная картотека как материальная база для исследования фразеологии // Сергеевские чтения: Сборник материалов научно-практической внутривузовской конференции. – Вып. 4. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2000. – С. 11-12. В соавторстве с Н.Б. Усачевой.

104. Роль женщины в обществе 21 века // «Женский вопрос» накануне 21 века: Материалы региональной научно-практической конференции (с международным участием). – Курган, 2000. – С. 70-71.

105. Сергеевские чтения: Сборник материалов научно-практической внутривузовской конференции. – Вып. 4. – Курган: Изд-во Курганского

госуниверситета, 2000. – 114 с. (редактирование).

106. Система процессуальных фразеологизмов с компонентом *себя* // Фразеология-2000: Материалы Всероссийской научной конференции «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы». – Тула, 2000. – С. 130-131.

107. Словарь фразеологизмов с компонентом *иметь* // «Frazeografia slowianska. Teoria i praktika, tradycje, terazniejszosc, przyszlosc». – Opole, 2000. – С. 92-94. В соавторстве с Н.Б. Усачевой.

108. Фразеологизмы с компонентами-наименованиями людей по родству // Сергеевские чтения: Сборник материалов научно-практической внутривузовской конференции. – Вып. 4. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2000. – С. 8-10. В соавторстве с О.М. Кобазевой.

109. Фразеология XXI века // Сергеевские чтения: Сборник материалов научно-практической внутривузовской конференции. – Вып. 4. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2000. – С. 12-14.

110. Элементы феминизма в грамматической категории рода // «Женский вопрос» накануне 21 века: Материалы региональной научно-практической конференции (с международным участием). – Курган, 2000. – С. 105-109.

111. Есть ли женский язык? // Социально-просветительский журнал «Я – женщина». – 2001. – № 6. – С. 26.

112. Метаморфозы фразеологической семантики (проблема тождества и отдельности фразеологизма) // Фразеология в аспекте науки, культуры, образования: Тезисы докладов международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию профессора А.М. Чепасовой. – Челябинск: ЧГПУ, 2001. – С. 12-14.

113. Новый старый фразеологизм // Новая фразеология в новой Европе. – Greifswald, 2001. – С. 105-107.

114. Принципы анализа семантики процессуальных фразеологизмов // Фразеологизм: семантика и форма. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2001. – С. 52-60.

115. Проблема гуманизации языковой личности на изломе тысячелетий // Личность в современном мире (социально-психологические проблемы). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2001. – С. 58-60.

116. Словарь фразеологизмов с компонентом *иметь*. – Курган: Курганский гос. университет, 2001. – 165 с. В соавторстве с Н.Б. Усачевой.

117. Сущность перехода свободных синтаксических образований во фразеологические единицы языка // Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков (Вторые Жуковские чтения): Материалы международного симпозиума. – Великий Новгород, 2001. – С. 36-37.

118. Концепт «роза» в поэтической фразеологии К. Бальмонта // Семантика русских фразеологизмов: Сборник научных трудов. – Курган, 2003.

– С. 42-46. В соавторстве с М.И. Лебединской.

119. Лингвистические основы новой учебной дисциплины // Преподавание и изучение русского языка и литературы в контексте современной языковой политики России. – Нижний Новгород, 2002. – С. 135-136.

120. «Научный продукт» Челябинской фразеологической школы // Челябинская фразеологическая школа (Итоги и осмысление пути). Научно-исторический очерк. – Челябинск, 2002. – С. 230-250.

121. Предметный мир в поэзии К. Бальмонта // МАПРЯЛ 2002: Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в начале XXI века. – Болгария, Велико-Тырново, 2002. – С. 173-176. В соавторстве с М.И. Лебединской.

122. Сила русского слова // Сергеевские чтения: Сборник материалов научно-практической внутривузовской конференции. – Вып. 5. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2003. – С. 61-67.

123. Сергеевские чтения: Сборник материалов научно-практической внутривузовской конференции. – Вып. 5. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2003. – 154 с. (редактирование).

124. Фразеобразовательная активность прилагательных // Сергеевские чтения: Сборник материалов научно-практической внутривузовской конференции. – Вып. 5. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2003. – С. 57-61. В соавторстве с Т. Калиевой.

СПИСОК ОТЗЫВОВ, ПОДГОТОВЛЕННЫХ ПРОФЕССОРОМ В.А. ЛЕБЕДИНСКОЙ: ОТЗЫВЫ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

1. О докторской диссертации Шигановой Галины Александровны «Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке».
2. О кандидатской диссертации Нестеровой Людмилы Юрьевны «Структурно-семантические и функциональные свойства фразеологизмов предикативной семантики».
3. О кандидатской диссертации Куныгиной Ольги Владимировны «Структурные и семантические свойства и отношения класса фразеологизмов-частиц».
4. О кандидатской диссертации Чепуренко Анны Анатольевны «Принципы квалификации фразеологизмов (на материале русского языка)».
5. О кандидатской диссертации Гендлер Ирины Васильевны «Лексико-семантическое поле «поэтическая символика» в русском языке (на материале древнегреческой и русской антологической поэзии)».
6. О кандидатской диссертации Шаймергеновой Карлагаш Аманбаевны «Русские лексические заимствования в системе формирующейся казахской экономической терминологии».
7. О кандидатской диссертации Халитовой Надежды Рэнатовны «Лексико-семантическое поле «Жители страны ГУЛАГ в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова (особенности структурно-семантической организации)».
8. О кандидатской диссертации Коваль Милены Леонидовны «Структурно-семантические свойства и функционирование процессуальных фразеологизмов в художественном тексте (на материале субкатегории психофизического состояния мыслительной деятельности лица)».

ОТЗЫВЫ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

1. О диссертации Гашевой Людмилы Петровны «Позиция процессуальных фразеологизмов в предложении (семантико-грамматический и коммуникативный аспекты)».
2. О диссертации Гараниной Елены Анатольевны «Языковые средства выражения комического в детской литературе».
3. О диссертации Демидова Олега Витальевича «Речевые приемы обвинения (на материалах судебных выступлений А.Ф. Кони)».
4. О диссертации Варлаковой Татьяны Вячеславовны «Многочленные омонимические фразеологические ряды в структурном и семантическом аспектах».

5. О диссертации Иваненко Галины Сергеевны «Структурно-семантические и функциональные свойства фразеологизмов модели простого двусоставного предложения».

6. О диссертации Гараевой Ларисы Анваровны «Устойчивые словесные комплексы древнерусских воинских повестей 12 – начала 17 веков (структурный и идеографический аспекты)».

7. О диссертации Бакшеевой Марины Геннадьевны «Топонимическая конверсия географических апеллятивов» (Тюмень, 2001).

8. О диссертации Габрик Елены Федоровны «Структурно-семантические свойства фразеологических единиц с фразообразующим компонентом-именем в форме предложного падежа» (Челябинск, 1998).

9. О диссертации Даниловой Натальи Викторовны «Семантико-функциональная структура антропонимии в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон».

ОТЗЫВЫ ОБ АВТОРЕФЕРАТАХ

1. Алещенко Елены Ивановны «Русская поэтическая фразеология (на материале произведений В.М. Гаршина и Н.С. Лескова)».

2. Бахваловой Татьяны Васильевны «Лексические и фразеологические средства характеристики человека в русском языке (на материале орловских говоров)».

3. Золотых Лидии Глебовны «Фразеологическое значение и его смысловая реализация в речи».

4. Каменской Ирины Вадимовны «Глаголы размещения в лексической системе русского языка (лексикографический аспект)».

5. Озеровой Елены Григорьевны «Сложные слова в детской речи».

6. Пугач Веры Николаевны «Межуровневая деривация в сфере фразеологии современного русского языка».

7. Чекалиной Натальи Геннадьевны «Художественно-изобразительная архитектоника лирических произведений М.И.Цветаевой».

8. Востряковой Натальи Анатольевны «Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка».

9. Прокофьевой Александры Викторовны «Текстообразующие функции фразеологических единиц в поэзии В.С. Высоцкого».

10. Лютиковой Веры Дмитриевны «Языковая личность: идиолект и диалект».

11. Холманских Ирины Владимировны «Компаративные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом (на материале русского и болгарского языков)»

12. Ивченко Анатолия Алексеевича «Фразеология украинских народных говоров: ономаσιологический, ареальный, этимологический аспект».

13. Аль-Дукейла Махфуда Ахмеда Салема «Структурно-семантические

особенности артефактонимов русского языка».

14. Зубаревой Нины Сергеевны «Коммуникативная неудача как проявление деструкции педагогического дискурса».

15. Матузовой Татьяны Александровны «Омонимические отношения и направления процессов перехода внутри призначных фразеологических единиц».

16. Мительской Жанны Зиновьевны «Языковые свойства фразеологизмов модального класса».

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФРАЗЕОЛОГИИ

История создания «научного продукта» Челябинской фразеологической школы

Рассказать просто о публикациях фразеологов Челябинской школы – мало. Речь должна идти о разнообразной научной продукции, созданной в процессе написания отдельных статей, монографий, сборников статей, обобщенной при проведении «своих» научных внутривузовских, всероссийских, международных конференций и при участии челябинских фразеологов во «внешних» конференциях разных рангов – из чего собственно сложились своеобразные география «внешних» конференций и хроника «внутренних» (челябинских, курганских, магнитогорских). Научную продукцию Челябинской фразеологической школы представляют также рукописи кандидатских и докторских диссертаций и обобщенные к моменту защиты в библиографии научные работы молодых кандидатов и докторов наук. Наконец, реализация научных идей, представленная в методических и фразеографических публикациях, завершает представление о «научном продукте», созданном умами, сердцами, нервами фразеологов, сплотившихся в дружную, крепкую фразеологическую семью, во главе которой на протяжении сорока с лишним лет стоит заслуженный деятель науки, академик МАНПО, доктор филологических наук, профессор Челябинского педуниверситета Чепасова Антонина Михайловна, многодетная научная «мама» 28 кандидатов и 6 докторов наук.

Началось создание научного продукта во второй половине славных шестидесятых годов и продолжается по сей день.

«Первой ласточкой» публикаций стала статья А.М. Чепасовой «Словарь фразеологизмов художественных произведений и писем А.П. Чехова», опубликованная в материалах всесоюзной научной конференции «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе». Конференция проходила в Череповце в 1965 г., а материалы ее были опубликованы в Вологде в том же году. Конференция была в своем роде знаменитой: на ней присутствовали корифеи отечественной фразеологии – А.М. Бабкин, Н.Н. Амосова, В.Л. Кунин, В.П. Жуков, В.Л. Архангельский... Жаркие споры, острые дискуссии, непримиримая полемика создали особую атмосферу начавшегося так называемого «дискуссионного» периода в развитии фразеологии. Спорили «стар и млад» (по меткому выражению А.М. Бабкина) о границах фразеологии и статусе фразеологизма, об интегральных и дифференциальных признаках фразеологизма,

о принципах построения и типах фразеологических словарей.

На конференции присутствовали и принимали активное участие в спорах три челябинских фразеолога – А.М. Чепасова, С.Г. Шулежкова и В.А. Рой (Лебединская).

Статья А.М. Чепасовой обобщала коллективную работу челябинцев. Члены фразеологического кружка под руководством Антонины Михайловны создали картотеку фразеологизмов 20-томного (полного) собрания сочинений и писем А.П. Чехова, и в статье были представлены на суд фразеологической элиты принципы составления «Словаря фразеологизмов А.П. Чехова», и структура словарной статьи.

В 1966 году был подготовлен первый выпуск сборника научных статей «Вопросы современного русского языка». И дальше последовали еще пять выпусков (1967, 1968, 1970, 1971, 1973 гг.). Названия выпусков оформились в известную всему Советскому Союзу аббревиатуру – ВСРЛЯ. В ВСРЛЯ печатались статьи А.М. Чепасовой и ее аспирантов – В.А. Лебединской, В.Н. Хмелевой, А.П. Окуневой.

Параллельно с этими сборниками выходят 9 выпусков сборника «Вопросы истории и диалектологии русского языка», в которых регулярно появлялись статьи С.Г. Шулежковой по диахронической фразеологии.

Челябинские фразеологи, прошедшие период «утробного» созревания в регулярно издаваемых сборниках научных статей, выходят на зональную и всесоюзную арену, их статьи, тезисы докладов появляются в Оренбурге (1967 г. – «Материалы шестой научно-методической конференции кафедр русского языка педвузов Уральской зоны»), в Шадринске (1968 г.), в Свердловске (1969 г. – «Сборник материалов седьмой зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала»).

В 60-е годы о результатах своих научных работ челябинцы заявили на трех всесоюзных конференциях: 1965 год – названная выше конференция в Череповце; 1967 год – конференция «Чехов Антон Павлович» в Таганроге; 1968 год – конференция «Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц» в Туле).

В 60-х годах «география» наших публикаций была скромной (Череповец (Вологда) – Челябинск – Таганрог – Оренбург – Тула – Свердловск – Шадринск), а «хроника» публикаций – постоянной и настойчивой (1965, 1966, 1967, 1968, 1969, 1970).

Завершаются «шестидесятые» защитой первой кандидатской диссертации – в МГПИ им. В.И. Ленина защищается в 1969 году В.А. Лебединская – «Категория лица глагола-компонента фразеологических единиц (на материале произведений и писем А.П. Чехова)».

Научная продукция 70-х годов становится разнообразнее и мощнее: продолжается издание сборников «ВСРЛЯ» и «Вопросы истории и диалектологии русского языка», в которых регулярно появляются статьи челябинских фразеологов; по инициативе и под редакцией А.М. Чепасовой

начинается издание серии фразеологических сборников (1973 – «Фразеология – 1», 1975 – «Вопросы фразеологии современного русского языка», 1976 – «Фразеологическая система языка», «Вопросы лексикологии и словообразования», 1978 – «Фразеологическая система языка»).

Регулярные сборники статей по фразеологии насыщаются новыми исследованиями аспирантов А.М. Чепасовой – Хмелевой В.Н., Окуновой А.П., Соловьевой А.Д., Кононовой А.А., Игнатъевой Л.Д., Павловой Н.А., Лебедевой Г.И., Никоновой Ф.И., постоянными авторами статей в этих сборниках остаются Шулежкова С.Г. и Лебединская В.А. и, конечно же, сама А.М. Чепасова. Публикации в этих сборниках отражали содержание защищаемых кандидатских диссертаций. Представление о последних дает хронология защит:

1973 – В.Н. Хмелева «Фразеологические единицы с сочинительными союзами» (МОПИ им. Н.К. Крупской);

1973 – А.П. Окунова «Категория времени фразеологических единиц на материале произведений и писем А.П. Чехова» (МГПИ им. В.И. Ленина);

1974 – А.Д. Соловьева «Фразеологические единицы с фразообразующим компонентом-существительным в форме винительного падежа» (Томский госуниверситет им. В.В. Куйбышева);

1974 – А.А. Кононова «Структура, значение и функционирование фразеологических единиц с фразообразующим компонентом-местоимением» (МОПИ им. Н.К. Крупской);

1976 – Л.Д. Игнатъева «Структурные и семантические свойства фразеологических единиц с фразообразующим компонентом как в современном русском языке» (ЛГПИ им. А.И. Герцена);

1978 – Н.А. Павлова «Структурно-семантические свойства фразеологизмов модели «предлог + (согласуемое слово) + существительное в форме дательного падежа в современном русском языке» (ЛГПИ им. А.И. Герцена);

1978 – Г.И. Лебедева «Категория наклонения процессуальных фразеологизмов в современном русском языке» (МОПИ им. Н.К. Крупской);

1979 – Ф.И. Никоновой Ф.И. «Категория вида фразеологических единиц» (ЛГПИ им. А.И. Герцена).

В кандидатских диссертациях исследуются семантические и грамматические свойства и отношения фразеологизмов разных классов, поднимаются проблемы фразеологической грамматики (создается главное научное детище челябинских фразеологов – фразеологическая морфология), решаются сложнейшие вопросы фразеологической семантики: механизмы формирования целостного фразеологического значения, дифференциация основных типов семантики фразеологизмов.

Выдающимся вкладом во фразеологическую теорию, настольной книгой русских фразеологов становится вышедшая в 1974 году монография А.М. Чепасовой «Семантико-грамматические классы русских фразеоло-

гизмов». Изданная периферийным тиражом 1000 экземпляров, она стала библиографической редкостью, ее экземпляры бережно хранятся в личных библиотеках русских и зарубежных фразеологов, как зеницу ока берегут ее в кабинетах русского языка многих вузов России (самая читаемая книга по фразеологии). Просьбы о переиздании этой монографии приходится слышать на всех фразеологических (и нефразеологических) конференциях. Изменились представления о типах фразеологической семантики, уточнены семантико-грамматические классы (Антонина Михайловна выделила новый класс – призначные фразеологизмы), но фундаментальные основы семантико-грамматической классификации, созданной А.М. Чепасовой, остались незыблемыми.

В 70-х годах XX столетия челябинцы положили начало реализации своих научных идей в методических публикациях. В Курганском государственном педагогическом институте издается в 1975 году программа специального курса «Фразеология современного русского литературного языка и изучение ее в школе». В ней были представлены разделы – «Сведения о фразеологии как отрасли языкознания», «Соотносительность фразеологизма с другими языковыми единицами», «Семантические свойства и отношения русских фразеологизмов», «Грамматические свойства русских фразеологизмов», «Классификации и типологии фразеологических единиц», «Изучение русского фразеологического строя в школе». Составителем программы, реализовавшим специальный курс в течение многих лет, была старший преподаватель кафедры русского языка Курганского пединститута кандидат филологических наук В.А. Лебединская, редактором – А.М. Чепасова.

Теоретическое осмысление актуальных проблем фразеологии челябинцы продолжают на научных конференциях:

1971 год, Новгород. «Вопросы семантики фразеологических единиц»;

1972 год, Пермь. «Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии»;

1972 год, Самарканд. «Труды СамГУ им. А. Навои. Новая серия. – Вып. 219. Вопросы фразеологии»;

1976 год, Самарканд. «Труды СамГУ им. А. Навои. Новая серия. – Вып. 277. Вопросы фразеологии»;

1976 год, Куйбышев. «Актуальные вопросы лексики и грамматики современного русского языка»;

1977 год, Тула. «Проблемы русской фразеологии».

Таким образом, в 70-х годах XX в. научная продуктивность челябинской фразеологической школы стала весомой, зримой и разнообразной.

В 80-х годах XX столетия весомость научной продукции челябинских фразеологов становится еще более ощутимой.

Событием во фразеологическом мире становится защита докторской диссертации А.М. Чепасовой. Прежде всего потому, что это не одна док-

торская, а две. Первую Антонина Михайловна представила на защиту в ЛГПИ им. А.И. Герцена в 1980 г. Зарегистрированная под № УДК 415.61, она называлась «Грамматические категории предметных фразеологизмов» и состояла из двух томов: т.1 – 364 стр. и т.2 – 321 стр. В 1982 году дано было разрешение на печатание автореферата, но перед самой защитой при двух положительных и одном отрицательном отзывах Антонина Михайловна снимает с защиты свое детище. Пройдут долгие пять лет, в течение которых Антонина Михайловна напишет новую докторскую диссертацию «Семантические и грамматические свойства именных фразеологизмов», куда войдут, кроме предметных, еще и призначные фразеологизмы, блестяще защитит ее в том же ЛГПИ им. А.И. Герцена, ни на одну минуту не прервет интенсивную, плодотворную научную и учебную деятельность.

Докторские диссертации в России имеют разные судьбы. Докторская диссертация А.М. Чепасовой обрела трагическую, но все же счастливую судьбу.

В 80-х годах продолжается публикация челябинских сборников и к ним прибавляются курганские и магнитогорские. Летопись сборников такова:

1982 год. «Культура речи в разных сферах общения» (Челябинск);

1984 год. «Функционирование фразеологических единиц в художественном и публицистическом тексте» (Челябинск);

1985 год. «Семантико-грамматические свойства фразеологизмов русского языка» (Челябинск);

1988 год. «Совершенствование формирования научных понятий учащихся школ и студентов вузов» (Челябинск);

1988 год. «Реализация школьной реформы в вузовском преподавании лингвистических дисциплин» (Курган);

1988 год. «Фразеологическое значение в языке и речи» (Челябинск);

1990 год. «Проблема тождества фразеологических единиц» (Челябинск);

1990 год. «Системные связи и отношение фразеологизмов» (Свердловск: СГПИ – КГПИ).

Каждый сборник посвящен нерешенным проблемам фразеологии, все проблемы членами фразеологической школы решаются на огромном, постоянно пополняемом фактическом материале, и все сборники вносят свою лепту в решение самых сложных и запутанных вопросов. В статьях высказываются гипотезы о природе, свойствах, объеме фразеологического состава языка, о системообразующих и системопроизводных признаках фразеологизмов, о единстве семантики и формы русских фразеологизмов разных классов, разрядов, групп. Расчищаются плацдармы для решения новых проблем и подготавливается почва для новых докторских диссертаций. Естественным выражением этого процесса являются публикации обобщающих монографий.

В 1983 г. выходит монография А.М. Чепасовой «Семантические и грам-

матические свойства фразеологизмов», в которой содержание и форма фразеологизмов рассматриваются в их диалектическом единстве при ведущей роли семантики, вводится понятие «семантическая организованность фразеологического состава языка», рассматриваются морфологические категории изменяемых (предметных и процессуальных) фразеологизмов. В первой части книги описаны свойства фразеологического значения (номинативность, сложный состав, цельность, широта и отвлеченность, омонимичность синтаксическому значению нефразеологического словосочетания или сочетания слов), распределенность фразеологического состава по классам (предметные, качественно-обстоятельные, количественные, служебные, модальные фразеологизмы) и субкатегориям (предметные поделены на 3 субкатегории, обозначающие: 1) лица, 2) неодушевленные предметы, место и время, 3) отвлеченные понятия; процессуальные по признаку направленности/ненаправленности на другое лицо или предмет дифференцированы на субъектные и объектные; качественно-обстоятельные разделены на 2 субкатегории – качества и обстоятельства, количественные – на фразеологизмы с положительной и отрицательной количественной характеристикой. Как вид семантической организованности квалифицированы семантические группы фразеологизмов каждого класса.

Анализ грамматических свойств предметных и процессуальных фразеологизмов вскрывает логику расположения морфологических категорий при выражении категориальных значений предметности и процессуальности, их разную значимость у слов и фразеологизмов.

Монография внесла значительный вклад в познание природы и сущности семантических и морфологических категорий фразеологизмов.

В 1982 г. выходит монография С.Г. Шулежковой «Язык одного из демократических направлений русской литературы 2-ой половины XVII столетия (к истории публицистики, созданной писателями – старообрядцами)», в четвертой главе которой описаны именные, глагольные и наречные устойчивые словосочетания, сравнительные обороты, традиционно-книжные афоризмы и выражения пословично-поговорочного характера, встретившиеся в произведениях протопопа Аввакума. В научный оборот вводится диахроническая фразеология, паремиология, афористика, пронизанные духом, мыслями и чувствами неукротимого протопопа: **честь царева суд любит; еще бог по нас, кто на ны!** Терминология принятого деления материала закладывает основания для разделения фразеологии, паремиологии и крылатологии.

В 1987 г. Челябинский государственный педагогический институт издает монографию В.А. Лебединской «Процессуальные фразеологизмы современного русского языка». В первой главе монографии рассмотрены семантические закономерности формирования категориального значения процессуальности, во второй – обобщены сведения о системе форм и

наборе морфологических категорий процессуальных фразеологизмов.

Дифференциация понятий процессуальность, глагольность, сказуемость, вербальность помогает глубже осмыслить процессуальность как категориальное (частеречное) значение глаголов и процессуальных фразеологизмов; анализ роли глагольного компонента во фразеологизмах с процессуальной и непроцессуальной семантикой позволил увидеть закономерности механизма формирования процессуальных фразеологизмов, семантика которых складывается в сложном процессе прекращения автономного существования слова в составе фразеологизма и создания качественно нового языкового знака (фразеологизма) с целостным, очень сложным в иерархическом отношении индивидуальным фразеологическим значением.

В монографии, таким образом, был сделан еще один шаг к построению морфологии фразеологизмов.

Челябинск, опекая своих питомцев, издает их монографии, хотя они уже давно работают в других вузах и готовятся к защите докторских диссертаций. В.А. Лебединская с 1982 года заведует кафедрой русского языка в Курганском педагогическом институте, С.Г. Шулежкова – сначала заведующий кафедрой общего языкознания, а затем проректор по учебной работе в Магнитогорском пединституте. Другие птенцы чепасовского гнезда создают форпосты фразеологии в Шадринске, Тобольске, Омске, Астрахани.

В типографских недрах Челябинского пединститута становится тесно, выход был найден в депонировании: в 1981 году депонировала монографию А.М. Чепасова (Семантическая структура предметных фразеологизмов. – Деп. в ИНИОН АН СССР № 6959 от 24.12.81. – 76 с.), а в 1986 депонируется большая коллективная работа по редакции А.М. Чепасовой (Свод фразеологизмов современного русского языка. – Деп. в ИНИОН АН СССР № 32045 от 09.12.87. – 180 с.).

В составлении «Свода фразеологизмов современного русского языка» принимал участие 21 человек. Свод становится самым большим и представительным собранием фразеологизмов в России. В него включена фразеология всех семантико-грамматических классов, от предметных до междометных, следовательно, в нем отражены и служебные фразеологизмы.

Изредка челябинцы делают прорыв в центральные лингвистические журналы. Так, в 1982 г. А.М. Чепасова публикует в НДВШ статью «Значения падежных форм фразеологизмов» (Филологические науки. – 1982. – №1. – С. 43-50); в 1987 году Шулежкова С.Г. В соавторстве с Сальниковой О.Г. помещает в РЯШ (1987. - №3. – С. 71-75) статью «Крылатые выражения из революционных песен в современном русском языке».

Одновременно с исследованием разных сторон, свойств и отношений фразеологических объектов в поле зрения челябинцев находится внедре-

ние результатов НИР в учебный процесс. Л.Д. Игнатъева составляет учебные задания по курсу «Культура речи» «Ударение в формах глагола в современном русском языке». А.М. Чепасова в соавторстве с коллегами по кафедре создает «Методические разработки к семинарам, практическим и лабораторным занятиям по разделу «Фразеология» (Челябинск, 1984.– 66 с.). Перед каждым заданием излагаются теоретические сведения, необходимые для выполнения упражнений. Всего в методическом пособии разработано 59 творческих заданий, выполняя которые студент усваивает системные знания из высокой фразеологической теории, расширяет индивидуальный фразеологический запас.

В 1987 г. Курганский госпединститут публикует «Методические рекомендации по НИРС и УИРС (спецкурсы, спецсеминары и курсовые работы по фразеологии русского языка» (Курган, 1987. – 156 с.). Автор-составитель В.А. Лебединская выявляет основные принципы построения НИРС и УИРС (модные когда-то термины обозначали очень важные понятия – научно-исследовательская и учебно-исследовательская работа студентов), создает программы двух спецкурсов – «Процессуальные фразеологизмы современного русского языка», «Фразеология русского языка и изучение ее в школе»; разрабатывает тематику докладов для двух спецсеминаров «Актуальные проблемы фразеологии русского языка», «Изучение фразеологии русского языка в школе»; создает «Задания к самостоятельному анализу фразеологизмов» (компонентный состав и структурные модели фразеологизмов, системные связи процессуальных фразеологизмов); предлагает тематику и методику написания творческих курсовых работ. Однако самым ценным в этом методическом пособии оказался словник из 8000 процессуальных фразеологизмов, расположенных в алфавитном порядке. Словник выявил фразеобразующую активность русских глаголов, обнаружил фразеобразовательные связи и отношения процессуальных фразеологизмов, создал фундамент для дальнейшего исследования самого, пожалуй, сложного семантико-грамматического класса. Разумеется, в словнике были недостатки (не выявлялись вариативные возможности фразеологизмов, непоследовательно указывались видовые пары, включались в словник иногда фразеологизмы непроцессуальной семантики). Но лиха беда начало! Студенты и аспиранты до сей поры используют этот словник при подготовке научных сочинений.

Методические рекомендации для самостоятельной работы на практических и лабораторных занятиях по современному русскому языку «Лексические и фразеологические предлоги современного русского языка» подготовил коллектив авторов во главе с А.М. Чепасовой: Т.Г. Голощапова, Г.А. Марина (Шиганова), Н.А. Павлова, Т.Е. Помыкалова, А.Д. Соловьева, В.Н. Хмелева. Предлоги рассмотрены в самых различных аспектах: общая характеристика, взаимодействие предлогов и флексий, роль предлогов в языке и речи, структурные типы и свойства предлогов, значения

предлогов и падежные значения, семантические связи и отношения предлогов между собой и с другими классами слов и фразеологизмов. Приложение к пособию содержит более двухсот фразеологических предлогов.

Расширяется в 80-х годах география контактов челябинских фразеологов с другими городами, в основном, за счет участия челябинцев в научных конференциях или научных сборниках. Хронология контактов представлена в схеме:

1981 год, Горький. «Эволюция и предыстория русского языкового строя»;

1982 год, Орел. «Задачи изучения русской лексики и фразеологии в высшей и средней школе»;

1984 год, Свердловск. «Актуальные проблемы современной и исторической лексикологии»;

1985 год, Горький. «Эволюция и предыстория русского языкового строя»;

1987 год, Минск. «Фразеологизм и его лексико-грамматическая разработка»;

1988 год, Москва. «Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. Актуальные проблемы подготовки и издания словарей»;

1989 год, Казань. «Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур».

Восьмидесятые годы ознаменованы контактом с европейским журналом «Slavia». В 1988 г. В.А. Лебединская публикует в этом журнале рецензию на монографию М.А. Леонидовой «Проблемы структурно-семантической типологии болгарских и русских фразеологизмов» (Rosnik 57, 1988, císlo 4. – С. 422-423).

На 80-е годы приходится защита 5 кандидатских диссертаций:

1985 г. – Шумилова Г.Г. «Семантико-синтаксические свойства фразеологизмов модели не или ни + падежная форма существительного в современном русском языке (Саратовский университет им. Н.Г. Чернышевского);

1985 г. – Помыкалова Т.Е. «Языковые свойства фразеологизмов генитивной модели в современном русском языке» (ЛГУ им. А.А. Жданова);

1985 г. – Гашева Л.П. «Порядок расположения компонентов во фразеологизмах процессуальной семантики в современном русском языке» (ЛГУ им. А.А. Жданова);

1986 г. – Голощапова Т.Г. «Языковые свойства фразеологизмов модели с творительным фразообразующим» (ЛГУ им. А.А. Жданова);

1989 г. – Малафеева Е.Р. «Семантическая структура фразеологизмов с компонентом-зоонимом в современном русском литературном языке» (ЛГПИ им. А.И. Герцена).

В 90-х годах публикации членов челябинской фразеологической шко-

лы поднимаются на качественно новый уровень: резко возрастает количество монографий; защищаются 5 докторов филологических наук, которые открывают аспирантуру по специальности 10.02.01 – русский язык в Курганском, Магнитогорском, Омском университетах. «Дочерние» (по выражению А.М. Чепасовой) аспирантуры исследуют разнообразные аспекты фразеологизмов и подпитывают своими статьями сборники научных трудов, издаваемые в урало-сибирском регионе, в России и за рубежом; создаются фразеологические словари; выходят первые вестники Челябинского пединститута, затем педуниверситета. Научная жизнь протекает бурно, плодотворно, активно.

Серию монографий подготовила в 90-е годы А.М. Чепасова. Среди них – «Семантическая природа предметных и призначных фразеологизмов» (сдана в 1991 г. в Красноярское книжное издательство); «Категория рода, числа, падежа предметных и призначных фразеологизмов» (сдана в 1992 г. в Красноярское книжное издательство); в 1993 году Челябинский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования издаст учебное пособие «Фразеология русского языка: Книга для юношества»; в 1994 г. подготовлена книга «Фразеологизмы в нашей речи»; 1996 год – в Оренбургском книжном издательстве выходит «учебная книга» «Русский глагол» (350 стр.).

1996 год – юбилейный год для Антонины Михайловны. Славные дела юбиляра были обобщены в биобиблиографическом указателе, составленном В.А. Лебединской (Биобиблиографический указатель. Профессор Антонина Михайловна Чепасова. – Челябинск, 1996.- 51 стр.). Указатель состоит из двух статей: биографической (В.А. Лебединской) и автобиографической (А.М. Чепасовой). Список научных и методических трудов дает хронологическое представление о развитии творческой деятельности главы челябинской фразеологической школы. Кроме того, в указателе даны были полные сведения о руководстве и защите кандидатских диссертаций аспирантов А.М. Чепасовой, рецензировании и оппонировании, редактировании сборников научных трудов, монографий, методических работ. Библиографический указатель как особый научный жанр многофункционален. Он не только хранит научную информацию, организует и дифференцирует ее, но и дает пищу для размышлений о поступательном развитии науки, о мощи человеческого духа, о дерзновенности человеческой мысли. И, конечно же, мощный воспитательный заряд для современников и будущих поколений научной молодежи заложен в биографии и автобиографии Антонины Михайловны: твори, выдумывай, пробуй! Я помню, какие непростые советы она давала нам, студентам: будь прост, как ветер, неистощим, как море, и памятью насыщен, как земля. Эта монгольская пословица ласкала слух, тешила душу, будила мысль.

После юбилея результативность научной деятельности не уменьшилась:

1998 год. «Существительные в русском языке».- Челябинск, 200 с.

1999 год. «Таблицы по грамматике современного русского языка». – М.: Высшая школа, 140 с. (В соавторстве с Чередниченко А.П.)

2000 год. «Фразеологизмы в нашей речи (тип словаря)». – Челябинск, 290 с.

Монографии А.М. Чепасовой по фразеологии и грамматике обобщают тонкие наблюдения над языком, творческий опыт преподавания русского языка в вузе, глубочайшие размышления о перспективе и ретроспективе русского языка. В них рождались, неиссякаемым родником были мысли о функционировании языка, складывались теории фразеологизма, рода предметных и залога процессуальных фразеологизмов, концепция фразеологической грамматики.

В 90-х годах в Челябинской фразеологической школе составилась своеобразная «парад монографий». Соревнуясь с учителем, ученики стараются не отставать от него. В 1990 г. публикует свою первую монографию «Омонимические отношения фразеологизмов» Павлова Н.А. (Омск, 1991. – 92 с.). Теория омонимии фразеологических единиц получает существенное развитие в монографиях и статьях Н.А. Павловой (Сениной). Пройдет немного времени, и ею будет представлена к защите докторская диссертация. В 1992 году в Кургане выходит монография В.А. Лебединской «Функционирование категории наклонения процессуальных фразеологизмов». Проблема единства и взаимодействия семантических и грамматических свойств процессуальных фразеологизмов, выверенная на огромном фактическом материале, станет также основой докторской диссертации. Первые докторские диссертации учеников стали предметом особой гордости руководителя и фактором здоровой конкуренции внутри фразеологической школы: начинают готовить диссертации второго, высшего, уровня Гашева Л.П., Соловьева А.Д., Шиганова Р.А., Ратушная Е.Р., Усачева Н.Б. и др.

В 1999 г. после защиты докторской публикует монографию «Позиция процессуальных фразеологизмов в предложении (семантико-грамматический и коммуникативный аспекты)» Гашева Л.П. В монографии рассматриваются вариативные позиции процессуальных фразеологизмов в предложении, выявляются семантические, грамматические и коммуникативные факторы, влияющие на их реализацию. В том же году выходит в свет книга «Семантика процессуальных фразеологизмов» Лебединской В.А. и Усачевой Н.Б. (Курган: КГУ, 1999. – 186 с.)

В 2000 г. Курганский госуниверситет издает монографию Ратушной Е.Р. «Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования» (Курган, 2000. – 223 с.). На материале русских фразеологизмов, обозначающих человека, в ней исследуются механизмы формирования фразеологического значения, общие закономерности функционирования фразеологизмов в языке и речи, системные семантические отношения в выделенном фрагменте семантического поля.

Неутомимо трудится над подготовкой докторской диссертации в Магнитогорском пединституте Шулежкова С.Г. В 1995 году издательство Челябинского пединститута «Факел» выпускает в свет ее монографию «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие», в которой рассматриваются проблемы формирования фонда крылатых единиц современного русского языка из разных источников: библейских, мифологических, фольклорных, литературно-художественных, оперных, песенных, романсных, телевизионных и др. Становление и эволюция крылатики становятся темой докторской диссертации, которая защищается в форме научного доклада.

Как правило, публикация монографий сочетается с защитой докторских диссертаций. С благословения А.М. Чепасовой в разные годы защитили докторские диссертации:

Шулежкова С.Г. «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие». – Санкт-Петербург, 1995;

Лебединская В.А. «Взаимодействие семантических и грамматических свойств процессуальных фразеологизмов». – Орел, 1996;

Павлова Н.А. «Омонимичность отношения фразеологизмов». – Орел, 1996;

Гашева Л.П. «Позиция процессуальных фразеологизмов в предложении (семантико-грамматический и коммуникативный аспекты)». – Волгоград, 1999;

Ратушная Е.Р. «Антропономинирующая парадигма русской фразеологии: семантика. Формирование, функционирование». – Волгоград, 2001.

Особым видом научной продукции в 90-х годах становятся словари. От сводов и словников уральские фразеологи переходят к созданию фразеологических словарей разных типов.

Коллектив авторов под руководством А.М. Чепасовой создает основу для сопоставительного словаря «Русские фразеологизмы: Материалы соответствий». – В 5 т. – Челябинск: ЧГПИ, 1990-1991. – 904 стр. Машинописный вариант словаря был отправлен профессору В.М. Мокиенко для создания славянских параллелей. В 1991 году создается еще один коллективный труд «Структурно-грамматический фразеологический словарь» в 10 томах. А.М. Чепасова пишет «Перспектив структурно-грамматического фразеологического словаря» (48 стр.) и сдает его в Московское издательство «Русский язык». Перспектив был издательством одобрен, но словарь ввиду наступившего смутного времени и «перестроек» не был издан.

В 1993-94 гг. в Магнитогорске и Челябинске выходят 4 выпуска «Материалов к словарю «Крылатые выражения из области искусства»:

Вып. 1. Романсные и оперные крылатые выражения. – Магнитогорск, 1993. – 94 стр.;

Вып. 2. Песенные крылатые выражения. 18 век – Великая Отечественная война. – Магнитогорск, 1993. – 155 стр.;

Вып. 3. Крылатые выражения из песен 2-ой половины 1940-х годов – начала 1990-х годов. – Магнитогорск, 1994. – 132 стр.;

Вып. 4. Крылатые выражения из области искусства. – Челябинск: Факел, 1994. – 162 стр.

В 2000 г. С.Г. Шулежковой в издательство «Русские словари» сданы 2 словаря: «Большой словарь крылатых слов» (в соавторстве с В.М. Мокиенко и В.П. Берковым) и словарь «И жизнь, и слезы, и любовь...» (Крылатые выражения из области искусства).

В 2000 г. словарь для школьников и студентов А.А. Чепасовой «Фразеологизмы в нашей речи» издает Челябинский госпедуниверситет. Этот словарь продолжает серию книг для юношества. В этих книгах молодому поколению даются системные научные знания о фразеологизмах, закладывается основа фразеологического запаса в речи молодых людей, переходящих из второго тысячелетия в третье.

Особый тип словаря со словником, ограниченным одним глагольным компонентом, представляет изданный в Курганском государственном университете словарь В.А. Лебединской и Н.Б. Усачевой «Словарь фразеологизмов с компонентом *иметь*». На суд фразеологической братии представлены 260 процессуальных номинативных и связочных фразеологизмов, обозначающих действие, состояние, отношение как процесс и выражающих рациональное или эмоциональное отношение к действию. Словарь задуман как дополнение и расширение «Свода фразеологизмов современного русского языка» (Челябинск, 1987) и словника процессуальных фразеологизмов, содержащихся в «Методических рекомендациях по НИРС и УИРС» (Курган, 1987). Однако в этом словаре фразеологизмы не только названы, но и семантически истолкованы, проиллюстрированы фактами употребления описываемых единиц в классической и современной русской художественной речи.

Беда всех создаваемых в провинции словарей общая: они или остаются неизданными, или издаются крошечными тиражами – от 100 до 1000 экземпляров. Научная их ценность этим не умаляется.

Сборники, которые издавались уральскими фразеологами, разнообразны по проблематике, статусу и назначению. Издаются они в разных городах, чаще всего в Челябинске, ибо здесь центр фразеологического Урала. Ежегодно выходило от 2 до 6 сборников.

Активно участвует уральские фразеологи в 90-х годах в иногородних научных конференциях. В 1990 году с докладами и сообщениями они побывали на двух конференциях: «Фразеологические словари и компьютерная фразеография» (Орел) и «Совершенствование качества подготовки учителей гуманитарных специальностей через систему заочного обучения» (Уфа).

Орловская конференция – 1990 сделала, несомненно, серьезный шаг вперед в сфере компьютерной лингвистики. На разных секциях обсужда-

лись методы неограниченного описания русской фразеологии в связи с созданием машинного фонда русского языка, методы машинной обработки фразеологического материала в связи с созданием «Автоматизированного фразеологического словаря», вопросы улучшения фразеографирования, а также концепции и структура фразеологических словарей разных типов: диалектных, двуязычных, синонимических, школьных, паремиологических, справочных. Чепасова А.М. выступила с докладом «Синтаксическая характеристика фразеологизмов в словаре». Синтаксическая характеристика фразеологизмов, по ее мнению, состоит из анализа синтаксической организации и синтаксических связей как проявления свойств и функций. Отсутствие сведений о синтаксической природе фразеологизма в словарной статье «резко уменьшает лингвистическую ценность словаря как справочного пособия».

В.А. Лебединская привлекла внимание конференции к форме фразеологизмов: «Внешняя форма фразеологизмов как объект компьютерной фразеографии». Вопрос о внешней форме фразеологизма, считает она, связан с его семантико-грамматической квалификацией. Строгой, непротиворечивой и исчерпывающей классификации фразеологических знаков русского языка пока не существует, и необходимость ее диктуется теперь уже параметризацией фразеологического фонда как объекта компьютерной фразеографии.

В 1991 году челябинцы участвуют также в двух конференциях: «Вопросы семантики фразеологических единиц (на материале русского языка)» (Новгород) и «Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм» (Харьков).

На Новгородской конференции уральскую фразеологию представляли Чепасова А.М., Лебединская В.А., Окунева А.П., Сальникова О.Г.

Программным было выступление А.М. Чепасовой «Степени устойчивости грамматических факторов во фразеологических единицах», в котором была определена последовательность становления фразеологической формы единиц, состоящих из компонентов-имен.

А.П. Окунева связала функционирование форм будущего времени с оценочностью фразеологического значения; О.Г. Сальникова проанализировала приемы преобразования фразеологизмов в трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам». В.А. Лебединская описала особенности использования оценочных глагольных фразеологизмов в произведениях В.И. Ленина.

1994 год. В Пскове состоялся международный симпозиум «Идеографический и историко-этимологический анализ славянской фразеологии». С.Г. Шулежкова, единственный на симпозиуме представитель уральской фразеологии, делает доклад «Крылатые выражения как объект описания в учебном словаре».

В 1995 году посланцы уральской фразеологии побывали в 5 городах:

Санкт-Петербурге, Москве, Тамбове, Владивостоке, Северодвинске:

«Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. К 80-летию Русской северо-западной библейской миссии (1915-1995)». – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1995. (Шулежкова С.Г. делает сообщение «От земли обетованной к небесам обетованным...»);

«Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы». – М.: МГУ, 1995 (Чепасова А.М, делает доклад «Новый взгляд на категорию залога как результат развития грамматики в XX веке и перспективы развития ее в XXI веке»);

Международная лингвистическая научная конференция. 2-4 октября 1995. – Тамбов, 1995. (А.М. Чепасова «Слово во фразеологическом контексте»);

«Семантика слова, образа, текста». – Северодвинск (Архангельская область), 1995;

«Грамматические категории и единицы: Синтагматический аспект». Международная конференция. – Владимир, 1995.

В 1996 году – относительно затишье: поездок на российские конференции нет, зато в 1997 – целых 5 контактов: Москва, Владимир, Нижний Новгород, Екатеринбург:

Москва, международная конференция, посвященная 30-летию МАП-РЯЛ. «Теория и практика русистики в мировом контексте». – 28-31 октября 1997 г.;

Москва, Челябинск, международная конференция «Русский язык как государственный», 1997 г.;

Владимир, «Грамматические категории и единицы». Международная конференция, 1997 г.

Нижний Новгород, «Освоение семантического пространства русского языка иностранцами», 7-9 апреля 1997 г.;

Екатеринбург, «Актуальные проблемы русистики»: Международная конференция в УрГУ, 1997 г.

В 1998 году - 2 контакта: с Ростовом-на-Дону и Могилевом.

«Филология и журналистика в контексте культуры». – Ростов-на-Дону, 1998 г.;

«Валентностная грамматика в структурном и коммуникативном аспектах и ее выразительные возможности в языке и речи». – Могилев, 1998 г.

1999 год – выступление В.А. Лебединской на юбилейной конференции в Сургутском государственном педагогическом институте «А.С. Пушкин и славянский мир» с докладом «Пушкин и Ходасевич».

В 2000 году уральские фразеологи принимали участие в двух конференциях:

«Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы» (Тула),

«Провинция как социокультурный феномен» (Кострома).

Тулская конференция, посвященная памяти В.Л. Архангельского, собралась в своих семи секциях ведущих фразеологов. Обсуждались семантические и прагматические аспекты изучения фразеологии, лингвокультурологический анализ фразеологизмов, грамматика фразеологических единиц, фразеологизмы в дискурсе, развитие и изменение фразеологического состава, специфика фразеологии в разных языках, проблемы фразеографии. Тезисы докладов представили 24 уральских фразеолога из Кургана, Челябинска, Магнитогорска, Шадринска. Секция «Грамматика фразеологических единиц» по своему составу, тематике напоминала лаборатории Челябинского госпедуниверситета. Не случайно Владимир Леонидович Архангельский считал фразеологическую морфологию детищем Челябинской фразеологической школы.

В Костроме, где обсуждались проблемы провинции как социокультурного феномена, выступала Е.Р. Ратушная, обнаружив межкатегориальную омонимию фразеологизмов, обозначающих лицо.

В 2001 году уральские фразеологи таким же дружным десантом посетили Новгород, вторые Жуковские чтения, отдав дань памяти другому фразеологу – Власу Платоновичу Жукову.

90-е годы отмечены активным участием уральских фразеологов в европейских научных симпозиумах. Представление о проблематике этих конференций дает следующий обзор.

1995 год – Международный комитет славистов, Комиссия по славянской фразеологии, и Оломоуцкий университет им. Палацкого проводят Международный симпозиум «Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры». В работе принимали участие С. Андреева (Магнитогорск), Л. Гашева (Челябинск), В. Лебединская (Курган), А. Соловьёва (Челябинск), А. Чепасова (Челябинск), А. Чередниченко (Челябинск), С. Шулежкова (Магнитогорск).

Эстафетную палочку фразеологических конференций в 1996 году принял Опольский университет. Фразеологическая комиссия при Международном комитете славистов и институт восточнославянской филологии Опольского университета провели международный симпозиум «Фразеология и религия». Среди выступавших на симпозиуме – Андреева С. (Магнитогорск), Габрик Е. (Челябинск), Ксенофонтова Л. (Курган), Лебединская В. (Курган), Медведева Н. (Курган), Никоновой Ф. (Магнитогорск), Усачева Н. (Курган), Чепасова А. (Челябинск), Шулежкова С. (Магнитогорск).

В 1997 году Комиссия по фразеологии при Международном комитете славистов, объединившись с европейскими фразеологами («Еврофраз»), проводит конференцию «Фразеология и паремиология» в Словакии, в г. Липтовски Ян. На конференции впервые русский язык не был научным языком общения, что вызывало большое недовольство большинства русистов. С докладами на конференции выступали Лебединская В., Усачева Н. и Ксенофонтова Л. (Курган).

В 1998 году состоялся Седьмой международный симпозиум МАПРЯЛ «Лингвистические, культурологические и методические вопросы обучения русскому языку как иностранному» в г. Велико-Тырново (Болгария). Во фразеологической подсекции прозвучал доклад В. Лебединской и Н. Усачевой «Фразеологизмы-связки как объект научного и прикладного изучения». В нем было дано обоснование выделения в грамматическом классе фразеологизмов-связок, разграничены номинативные и связочные процессуальные фразеологизмы, разработаны методические рекомендации по изучению фразеологических связок для изучающих русский язык как иностранный.

В 1999 году под эгидой МАПРЯЛ и Польского общества русистов в институте российской филологии Познанского университета им. А. Мицкевича была проведена VIII Международная конференция «Европейская русистика и современность». Уральская фразеология была представлена тремя докладами:

В. Лебединская. Семантическое пространство фразеологизмов с компонентом «божий»;

Н. Усачева. Влияние компонентов «бог» и «черт» на формирование фразеологизмов-связок;

А. Соколова. Динамика внешней формы и семантики фразеологизма «умывать руки».

В 1999 году на 9-м конгрессе МАПРЯЛ «Русский язык, литература и культура на рубеже веков» (Братислава) с сообщением «К истории формирования крылатых выражений русского языка 20 столетия» выступила С.Г. Шулежкова.

В 2000 году европейские фразеологи опять собрались в Ополе, отметив в начале конференции особую фразеологическую ауру этого города, созданную благодаря энтузиазму профессора Хлебды и его коллег. На этот раз фразеологическая комиссия и институт восточнославянской филологии Опольского университета направили фразеологические силы на решение проблем славянской фразеографии: «Славянская фразеография: теория и практика, традиции, современность, будущее». Среди докладчиков – Чепасова А.М., Шулежкова С.Г., Лебединская В.А., Усачева Н.Б., Соколова А.А.

Следующая конференция, которая соберет фразеологов в Польском городе Щецине, состоится 6-7 сентября 2001 года. Проблема на сей раз выбрана актуальная – «Новая фразеология в новой Европе». Проводить ее будут Институт славянской филологии Щецинского университета совместно с Институтом славистики в Грайфсвальде, Германия.

Защита кандидатских диссертаций в первой половине 90-х годов идут в Орловском педуниверситете (1991 г. – Иванова Е.Е., Григорьева Е.А., Ермакова Е.Н., 1992 г. – Марина Г.А., Макович Г.В., 1994 г. – Юздова Л.П., Казачук И.Г.), а с 1996 в Волгоградском педуниверситете (1996 г. – Ива-

ненко Г.С., Свиридова А.В., 1998 г. – Усачева Н.Б., 1999 г. – Сомов А.Е., 2001 г. – Куныгина О.В.). В конце 90-х годов, в основном в Челябинском государственном университете, защищаются первые аспиранты Гашевой Л.П. и Шулежковой С.Г.

Публикации 90-х годов обрели особую мощь с началом издания в Челябинском педуниверситете и Магнитогорском университете «Вестников».

В 1995 г. вышел первый номер «Вестника ЧГПИ». В нем опубликованы две «знаковые», как сейчас говорят, статьи А.М. Чепасовой, одна, «В.В. Виноградов», связана с юбилеем выдающегося лингвиста, во второй, «Челябинская проблемная лаборатория», подводились итоги работы уральских фразеологов и намечались приоритетные направления будущих исследований. Кроме того, в этом номере вышли важные для защиты докторских диссертаций статьи В.А. Лебединской и Н.А. Павловой.

Предметом особой заботы в «Вестнике» становятся публикации молодых фразеологов.

В 1996 году выходит «Вестник ЧГПИ» №2, а в 1997 году издание «Вестника» идет уже от имени Челябинского государственного педагогического университета. Каждый номер «Вестника» содержит публикации челябинских, курганских и магнитогорских фразеологов. Жаль только, что финансовые возможности университета не обеспечивают должной регулярности журнала.

В 2000 году выходит первый номер «Вестника МаГУ». Значительную часть журнальной площади занимают статьи магнитогорских фразеологов.

Взаимодействие семантики и грамматики в сфере лексики и фразеологии

Проблемы дифференциации семантического и грамматического в слове и фразеологизме, взаимодействия лексического, фразеологического и грамматического значений остаются актуальными на изломе тысячелетия.

Сущность понятия языковой системы может быть обнаружена лишь через ее осмысление в категориях взаимодействия лексико-семантических и фразеологических факторов с грамматическими. Именно об этом писал в своей последней статье В.В. Виноградов: «Мир значений, запечатленных в формах языка, имеет в разных системах свои законы связей, свои принципы построения» (1,5). Говоря о сложности изучения семантики слова, выдающийся лингвист нашего времени отмечал: «В сущности полное раскрытие смысловой структуры слова, т.е. не только его веще-

ственного отношения, но и целостного «пучка» его значений, всех его грамматических форм и функций, его экспрессивных и стилистических оттенков, строя его «внутренних» форм возможно лишь на фоне всей лексической системы и в связи с ней» (1,7)

Что касается исследования системных связей во фразеологическом фонде того или иного языка, то познать системный характер фразеологических знаков языка можно лишь в контексте изучения системного развития слова, становящегося компонентом фразеологизма. Не случайно фразеологизмы естественным образом продолжают развивать лексические значения слов-компонентов, преобразуя их в семы индивидуальных фразеологических значений.

На конференции, посвященной памяти В.Л. Архангельского, представитель Ростовско-Тульского фразеологического гнезда А.Г. Балакай, отметив, что в период становления фразеологии как науки (50-80 годы) «нужно было развести лексику и фразеологию», показав «не только формальное, но и структурно-семантическое отличие ФЕ от слова», выдвинул актуальную для нашего времени проблему «лексико-фразеологической переходности» и вспомнил в связи с этим понятие, введенное еще В.Л. Архангельским и не получившее до сих пор развития. Это понятие – фразеологическое гнездо. Точкой отсчета для фразеологического гнезда В.Л. Архангельский считал слово, хотя ему и показалось, что в гнездах фразеологизмы объединяются механически. А.Г. Балакай видоизменяет понятие, считая, что «связи слов и ФЕ в лексико-фразеологическом гнезде далеко не всегда механические, их деривационное родство, семантическая взаимосвязь и взаимообусловленность нередко прозрачны» (2, 230). Совершенно справедлива мысль ученого о том, что «...лексико-фразеологическое гнездо позволяет обнаружить закономерности образования ФЕ и слов, выявить их семантические и стилистические связи как в диахронном, так и в синхронном аспектах» (там же).

В сфере лексики взаимодействие лексического и грамматического факторов наглядно иллюстрируется логикой развития полисемии слова: абстрактивация и дифференциация лексических значений, наращивание в семантической структуре слова разных видов переносных значений сопровождается изменениями парадигматических и синтагматических свойств слова, ибо новые семантические потенции слова требуют новых грамматических средств выражения.

Естественным развитием лексической семантики является ее преобразование в качественно иную, фразеологическую, рождающуюся на основе утраты автономности слова как лексической единицы языка. В семантических недрах слова происходит переинтеграция содержания денотативного, сигнификативного и грамматического компонентов значения. При этом качественно новая единица языка, фразеологизм, требует новых, собственных грамматических средств выражения фразеологичес-

кой семантики: морфемные средства выражения лексической семантики уступают место словно-компонентным и структурно-синтаксическим средствам выражения фразеологической семантики.

Дифференциация в языке двух номинативных единиц языка – слова и фразеологизма – формирование лексического и фразеологического фондов завершается созданием единой грамматики слов и фразеологизмов, в которой складываются параллельные взаимодействующие и взаимодополняющие друг друга типы и классы: лексические и фразеологические частеречные разряды, номинативные и релятивные части речи, модальные и междометные типы слов и фразеологизмов.

Закономерности взаимодействия семантических и грамматических факторов в сфере лексики и фразеологии позволяют в полном объеме выявить два семантических пространства – лексико-семантическое пространство слова, продуктивного в образовании фразеологических единиц, имеющего разветвленную семантическую структуру, реально существующего в разнообразных контекстах, а также фразеосемантическое пространство фразеологических единиц, образуемых этим словом. Для исследования этих двух пространств нужны новые современные компьютерные технологии сбора и анализа речевых фактов. Уходят в прошлое на пороге третьего тысячелетия ручные картотеки на бумажной основе, уступая место компьютерным файловым картотекам, извлеченным из электронных библиотек, сидиромных полных собраний сочинений писателей (уже сейчас выпущены диски, выводящие на монитор современного исследователя полные собрания сочинений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова).

Современная теоретическая и прикладная лингвистика нуждается в таких картотеках нового типа, учитывающих все лексические и фразеологические контексты того или иного слова. Изучение системного синхронного состояния лексического и фразеологического пространства слова может быть продуктивным лишь при современной компьютерной технологии учета всех его употреблений в разнообразных в жанровом отношении текстах. На наш взгляд, при таком подходе к отбору и анализу материала было бы чрезвычайно полезным понятие лексико-фразеологического гнезда, которое можно по-разному интерпретировать (см. приведенные выше интерпретации В.Л. Архангельского и А.Г. Балакая). Мы предлагаем лексико-фразеологическим гнездом считать все лексические употребления свободного слова, которые дадут исследователю материал для построения семантической структуры слова, и все фразеологические применения данного слова, которые выявят как количество фразеологизмов с данным словом-компонентом, так и частотность их употреблений в электронных текстах, подвергнутых картографированию. При этом все нюансы синхронного функционирования семантической структуры фразеологизма, например, «проходить красной нитью» могут выявить лексико-фра-

зеологические гнезда всех трех слов, входящих во фразеологизм. Компьютерная выборка материала лексико-фразеологического гнезда со словом «проходить» дает возможность выявить все сформировавшиеся и нарождающиеся лексические значения глагола, обнаруживая при этом тончайшие оттенки узального и окказионального его употребления, взаимодействие того или иного значения (употребления) с грамматическими формами и их значениями. Создание в компьютере файловой картотеки фразеологических единиц с этим словом-компонентом позволяет выявить объем его фразеологического применения, частотность использования того или иного фразеологизма в речи, речевые метаморфозы его семантики и формы. Разумеется, интерпретация границ между лексическим и фразеологическим пространством слова, семантической структуры слова и фразеологизмов с этим словом, закономерностей взаимодействия лексических и фразеологических значений с грамматическими и многого другого зависит не от компьютера, а от лингвиста, уровня его лингвистического мышления, богатства его исследовательского опыта.

В лингвистической лаборатории Курганского государственного университета созданы и постоянно пополняются файловые картотеки слов разной частеречной принадлежности: глаголов (брать, взять, делать, приходиться-уходить, входить-выходить, иметь и нек. др.), существительных (бог, черт, крест, душа, дух, слеза, голова, сердце, рука, честь и мн. др.), прилагательных (белый, черный, красный, большой, маленький, великий, новый, старый и др.). На материале этих картотек пишут курсовые и дипломные работы студенты, статьи, кандидатские и докторские диссертации, монографии - преподаватели и аспиранты.

Файловая картотека фразеологизмов с компонентом «иметь» послужила основой для создания экспериментального фразеологического словаря (3, 165). В словарь вошли лишь 266 из 2000 зафиксированных в картотеке единиц. Словарные статьи фиксируют индивидуальные значения фразеологизмов с учетом их обусловленности многими грамматическими и семантическими факторами. Прежде всего разграничиваются в толковании два типа процессуальности – номинативный и релятивный. Устанавливается взаимосвязь значения с тремя субкатегориями номинативных (деятельность, состояние, отношение) и двумя субкатегориями релятивных процессуальных фразеологизмов (эмоциональность, рациональность). Эти взаимосвязи можно проиллюстрировать словарной статьей «иметь власть» (3, 45-46). У фразеологизма выделены три номинативных и одно релятивное значение:

1. Быть сильным, властным, подчинять себе, распоряжаться;
2. Оказывать влияние на кого-либо;
3. Управлять чем-либо, владеть.
4. Мочь, быть в состоянии что-либо сделать.

В первом значении фразеологизм имеет семантику субкатегории со-

стояния (социальное состояние), во втором – отношения, в третьем – состояния (психическое состояние). Релятивный (связочный) фразеологизм имеет семантику субкатегории рациональности. Выделенные значения легко обнаруживаются в контекстах:

Еще в прошлом году, когда собирался я вместе с ляхами на крымцев (тогда еще я держал руку этого неверного народа), мне говорил игумен Братского монастыря, - он, жена, святой человек, - что антихрист имеет власть вызывать душу каждого человека; а душа гуляет по своей воле, когда заснет он, и летает вместе с архангелами около Божией светлицы. *Н.В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки.*

Зато во сне, когда она не имела власти над своими мыслями, ее положение представлялось ей во всей безобразной наготе своей. *Л.Н. Толстой. Анна Каренина.*

Но почему же? - Вронский назвал несколько имеющих власть людей. - Но почему же они не независимые люди? *Л.Н. Толстой. Анна Каренина.*

Мисс Корморант не может решить, имеет ли Долли исключительную власть над своими эмоциями или же сама всецело находится под их властью. *В. Набоков. Лолита.*

Такую имеют власть в Испании народные обычаи! *Н.В. Гоголь. Записки сумасшедшего.*

Большую роль в дифференциации значений имеет субъектно-объектная отнесенность процессуальной семантики: в первом значении фразеологизм является двусубъектным, сочетаясь с субъектом-лицом и субъектом-предметом, безобъектным: во втором – он характеризуется объектной направленностью (второй член семантики отношения выражен одушевленным существительным в творительном падеже: иметь власть над кем); в третьем значении он характеризуется как субъектно-личный объектный, при этом объект выражается неодушевленным существительным в творительном падеже: иметь власть над чем.

Включение в состав фразеологизма обязательного компонента – предложно-падежной формы возвратного местоимения «над собой» привело к образованию нового фразеологизма:

Милый, я знаю, что удерживает тебя здесь. Но имей над собою власть. Ты немного опьянел, отрезвись. *А.П. Чехов. Чайка.*

74 вспомогательных словарных статьи фиксируют результаты фразеологической деривации: образование релятивных фразеологизмов от номинативных (ср.: иметь власть и иметь власть распоряжаться, иметь возможность и иметь возможность уехать, иметь свойство и иметь свойство улетучиваться и др. под.); образование структурных вариантов фразеологизма (иметь сведения – сведения имеются, иметь данные – данные имеются, иметь возможность – возможность имеется и под.); образование антонимичных и неантонимичных фразеологизмов с компонентом «не» (иметь цену – не иметь цены, иметь понятие – не иметь понятия, иметь

голос – не иметь голоса, иметь смысл – не иметь смысла); образование новых фразеологизмов за счет изменения формы числа именного компонента (иметь предел – иметь пределы, иметь мысль – иметь мысли, иметь недостаток – иметь недостатки, иметь основание – иметь основания).

Итак, изучение взаимодействия и взаимовлияния лексико-фразеологических и семантико-грамматических факторов в лексико-фразеологическом фонде языка остается актуальным в третьем тысячелетии, но для оптимизации научных исследований необходимо привлекать современные компьютерные технологии.

Литература

1. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // В.В. Виноградов. История слов. - М.: АЗЪ, 1999.- 1138 с.
2. Балакай А.Г. Фразеологическая единица как единица лексико-фразеологического гнезда // Фразеология-2000: Материалы Всероссийской научной конференции «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы».- Тула, 2000.- С. 229.
3. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. Словарь фразеологизмов с компонентом *иметь* / Под ред. В.А. Лебединской. – Курган: КГУ, 2000. – 165 с.

Фразеологическое значение как лингвистический феномен

Фразеологизм как языковой знак, подобный слову, существующий в языке параллельно со словом и функционирующий в речи наравне со словом, имеет фразеологическое значение.

Феномен фразеологического значения признается многими языковедами. Мысль о неравенстве фразеологического значения сумме значений компонентов фразеологизма стала общепризнанной, тривиальной и на некоторое время отвлекла исследователей от детального изучения качественной специфики фразеологического значения как языковой реальности.

Фразеологическое значение характеризуется многоаспектностью, зависимостью от соотносительности фразеологизма с представлением или понятием, с называемой реалией объективной действительности, с другими лексическими и фразеологическими знаками языка. Определенное место в структуре фразеологического значения занимают коннотации, содержащие субъективные аспекты вербализованного восприятия человеком окружающего мира. В качестве коннотативных сем обычно называют эмоциональность, оценочность, экспрессивность, стилистическую маркированность и образность, входящие в состав фразеологического значения, образуя в нем коннотативную сферу, коннотативный компонент значения.

Значением фразеологизма следует считать результат отражения действительности, закрепленный за тем или иным фразеологическим (нео-

днословным) знаком языка. Так, фразеологическим значением (можно также сказать: индивидуальным значением) процессуального фразеологизма является результат отражения человеком реальных действий, состояний, отношений, протекающих во времени, имеющих не только пространственную, но и временную протяженность, и соотносенных так или иначе с субъектом, который производит действие или является носителем состояния или отношения, и объектом.

Природа фразеологического значения двойственна, так как фразеологизм, с одной стороны, - знак реалии, которая создает основу фразеологического значения, а с другой стороны, - член фразеологической системы языка, которая детерминирует его положение в данной системе, создавая ему определенный «вес» в системе, «значимость» (Ф. де Соссюр).

Фразеологи назвали многие существенные и несущественные признаки фразеологического значения: денотативность, сигнификативность, системно-иерархический семный способ организации, целостность, семантическую напряженность и диффузность, абстрактность, оценочность, образность, антропоморфичность, наличие внутренней формы.

Специфику фразеологического значения пытаются определить разными путями.

Одни ищут особые, «собственные», главные, дифференциальные признаки, свойства фразеологического значения.

Другие, опираясь на статус фразеологизма как языкового знака, существующего в языке наряду со словом, утверждают, что необходимо у каждой единицы вычленять три типа значений –

у слова:	у фразеологизма:
1) лексическое	1) фразеологическое
2) грамматическое	2) грамматическое
3) словообразовательное	3) фразеологическое

Фразеологи неоднократно подчеркивали, что структура лексического и фразеологического значений состоит из одних и тех же компонентов, то есть, иными словами, то и другое является значением, сущностью, создаваемой человеческим мозгом в процессе отражения реальной действительности и выражения результатов этого отражения в особых языковых знаках. А.А. Потемкин считал языковые значения «способом представления внеязыкового содержания». Определяя значение слова, Л.С. Выготский писал: «Значение есть путь от мысли к слову».

Внешняя форма фразеологизмов как объект компьютерной фразеографии

Одна из проблем, которую предстоит решить составителям фразеологического подфонда Машинного фонда русского языка, связана с различными свойствами, сторонами формы фразеологической единицы как языкового знака. Нет сомнения в том, что никакие «операционные ответы» на вопросы, возникающие при решении этой проблемы, не могут сравниться с теми выводами, которые получают сейчас исследователи, наблюдая многочисленные факты живого функционирования фразеологических единиц языка в различных стилях современной русской речи.

Вопрос о форме фразеологизма связан прежде всего с семантико-грамматической классификацией фразеологического фонда. Как известно, плюрализм мнений фразеологов по этому поводу достиг апогея. Стратификации фразеологического подфонда даются самые различные, но ни одна из них не соответствует трем главным «машинным» принципам: полноты, простоты и непротиворечивости. Машина, сколь умной она ни была бы, не справится ни с вводом, ни с выводом материала без классификации, отвечающей этим принципам. Современные классификации фразеологизмов (В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, А.И. Молотков, М.А. Леонидова, А.М. Чепасова, А.М. Эмирова и др.) можно рассматривать только как подготовительный этап к созданию строгой, непротиворечивой и исчерпывающей системы, иерархическая структура которой берет в себя все фразеологические единицы во всей их противоречивой сложности.

Все ли семантико-грамматические классы русских фразеологизмов выделены? Думается, что нет. Сошлемся хотя бы на отсутствие описания так называемых грамматических фразеологизмов, которые можно было бы назвать фразеологическими связками (имею желание ответить, имею счастье видеть, имею намерение поселиться и т.п.). Все ли выделенные классы в различных стратификациях достаточно аргументированы и обладают внутренним языковым единством? Как соотносятся между собой глагольные и глагольно-пропозициональные фразеологизмы (А.И. Молотков), что представляют собой как стратификационный объект «фразеологические единицы с предикатным значением» (А.М. Эмирова)? И наконец, не решен ставший уже «вечным» вопрос о соотношении слов-частей речи и «частеречных» фразеологизмов.

Для трактовки понятия «форма фразеологизма» весьма важным является понимание и описание синтетических и аналитических форм фразеологизмов того или иного класса. По всей вероятности, как синтетические грамматические формы следует классифицировать, например, формы лица, времени, наклонения следующего типа: *приношу извинения, бьет баклуши, бил баклуши, дай ответ, и, напротив*, как аналитические – формы тех же категорий типа: *я пришел к выводу, бил бы баклуши, будет приносить*

пользу, пусть дает ответ. По сравнению с вариантно­стью формы слова вариантно­сть формы фразеологизма гораздо выше. Так, гипотетическая вариантно­сть аналитической формы сослагательного наклонения процессуального фразеологизма зависит и от порядка компонентов фразеологизма, и от места частицы бы. Учет только этих двух моментов дает несколько десятков вариантов формы. Совершенно ясно, что ввод таких фразеологизмов в Машинный фонд русского языка может быть осуществлен только с учетом этих вариантов. Не менее сложен вопрос о вариативности форм фразеологизмов других семантико-грамматических классов.

Требует эмпирического исследования один из сложнейших вопросов функционирования формы фразеологизма – вопрос о парадигматической дефектности. Исследование причин и типов парадигматической дефектности представляется необходимым этапом в разработке фразеографии вообще и компьютерной фразеографии в частности.

Морфологическая недостаточность слова и фразеологизма – явление неизбежное для языка. В системе языка функционируют только семантически полнокровные, непротиворечивые благозвучные грамматические формы процессуальных фразеологизмов. Если какая-либо форма подвергается семантической инфляции, не сочетается с групповым или индивидуальным значением фразеологизма, оказывается неблагозвучной, она утрачивается, парадигма форм становится дефектной. Неполнота парадигм – естественное языковое состояние: языковой механизм не действует вслепую, формально, а подчиняется строжайшей гармонии взаимодействия содержания и формы.

К вопросу об аспектах исследования фразеологизмов

Общепризнанным является мнение о возможности исследования фразеологических единиц русского языка в различных аспектах¹. Эти аспекты исследования дали жизнь различным классификациям, самые распространенные из которых приведены в книге Шанского Н.М.² Не вдаваясь в подробный анализ работ, ведущих исследование в различных аспектах, выскажем некоторые соображения о необходимости и плодотворности многоаспектного изучения фразеологизмов.

¹ В кандидатской диссертации А.Ц. Акоюн «Основные структурно-семантические и грамматические особенности фразеологических единиц модели «Глагол + имя существительное (объекта) в современном русском языке». (М., 1965, стр. 2), названы следующие аспекты исследования: а) семантика фразеологизмов, б) их лексический состав, в) структурно-грамматические свойства, г) стилистическая окраска, д) особенности становления.

² Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. - М., 1963.

Прежде всего необходимо уточнить содержание понятия АСПЕКТ, включенного в структуру сложного слова «многоаспектный». Представляется правильным и нужным вложить в это понятие более определенный и точный смысл. Вообще слово «аспект» обычно понимается как подход к теме, любой, всякий³. В результате смешиваются различные явления: становление фразеологических единиц, их характеристика на различных языковых уровнях, наконец, их стилистическое применение в речи. Такое смешение нежелательно для фразеологии как науки.

Термином «многоаспектное исследование фразеологических единиц» лучше называть исследование фразеологизмов на различных языковых уровнях. В таком случае слово «аспект» становится синонимом слова «уровень».

Многоаспектное исследование фразеологических единиц предполагает их изучение с точки зрения иерархического соотношения с другими уровнями языка⁴. Это соответствует пониманию фразеологизма как языковой единицы, обладающей разнообразными взаимозависимыми системными характеристиками. Как всякая языковая единица, фразеологизм может и должен получить в науке полное семантическое, грамматическое и стилистическое описание.

На чем зиждется твердая уверенность лингвистов-фразеологов в том, что фразеологизмы имеют специфические, отличные от слова черты? Прежде всего на том, что фразеологизмы имеют двойственную, лексико-синтаксическую природу. Несомненно, что эта природа должна проявлять себя во вновь созданной языковой единице. Своеобразное переплетение лексико-синтаксических свойств компонентов фразеологизма накладывает свой отпечаток на грамматические и стилистические особенности употребления. Нельзя эти особенности **приравнивать** к особенностям слова, словосочетания или предложения. Их можно только **сравнивать** с последними. Подтверждение этих мыслей мы находим в работе Г.Ф. Булгаковой: «Всякая языковая единица, в том числе устойчивое сочетание, является прежде всего лексико-грамматической единицей. Поэтому для отграничения устойчивых сочетаний от свободных словосочетаний и отдельных слов должны быть определены не только лексические, но и грамматические признаки фразеологических единиц»⁵.

Игнорирование какого-либо аспекта исследования, предпочтение од-

³ См. указ. соч. Аюпян А.Ц. (1).

⁴ Понимание фразеологии как особого уровня языка выдвигается В.Л. Архангельским. См.: Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы фразеологии. -Ростов н/Д.:Изд. Ростовского ун-та, 1964; его же: Соотношение и взаимодействие единиц фразеологического уровня с единицами других уровней современного русского языка. // Уровни языка и их взаимодействие: Тез. докл. науч. конференции I МГПИИЯ.-М., 1967.

⁵ Булгакова Г.Ф. Именные устойчивые сочетания в современном русском языке. – Алмата, 1966. – С. 21-22.

ного в ущерб другому неблагоприятно сказываются на общем развитии фразеологии как науки. Указанные недостатки ведут к нечеткости, расплывчатости прежде всего основного понятия фразеологии «фразеологическая единица». На наш взгляд, во фразеологии бытует не выраженное, правда, четко и определенно мнение о том, что фразеологическая единица – явление специфическое только в семантическом плане. При этом априорно утверждается, что в грамматическом плане она не имеет никакой специфики⁶.

Говоря о семантических преобразованиях во фразеологизме, многие исследователи игнорируют тесную связь между содержанием и формой фразеологизма. Получается, что изменения семантические (содержание) совершенно или почти совершенно не влияют на форму фразеологической единицы (структуру, морфологические категории компонентов). Такая постановка вопроса неправомерна ни в принципе, ни при анализе конкретного материала. Далеко еще не решенный вопрос – как отвечает форма фразеологизма на внутренние семантические изменения фразеологизирующегося сочетания. Нам кажется, что нельзя фразеологизацию понимать только как семантический процесс. Фразеологизация – сложное явление, состоящее из различных взаимосвязанных и взаимообусловленных моментов: семантических, грамматических и стилистических. Естественно, главным в этом ряду будет семантический момент.

Явно выраженный приоритет семантического аспекта тормозит дальнейшее продвижение вперед фразеологической науки. Грамматическое исследование фразеологизмов до сих пор находится на низком уровне. Нельзя не согласиться с мыслью о правильном сочетании различных аспектов исследования: «Несмотря на то, что каждый из существующих аспектов в изучении фразеологии имеет несомненные достоинства, так как способствует углубленному изучению языковых фактов, познать сущность устойчивого сочетания и определить характерные его свойства можно только при всестороннем, то есть семантическом, грамматическом и стилистическом анализе»⁷.

⁶ Ср. след. высказывания: «... устойчивые сочетания в грамматическом отношении не имеют специфических особенностей, которые можно было бы рассматривать в качестве отличительного признака при разграничении их со свободными сочетаниями». Иванникова Е.А. Об основном признаке фразеологических единиц // Проблемы фразеологии. - М.-Л., 1964, стр. 76; «Главное слово большинства глагольных фразеологизмов может быть в личной форме, формах инфинитива, причастия и деепричастия; способности вступать в словосочетания в качестве главного и зависимого компонента у глагольного фразеологизма те же, что и у глагола вообще». Валюсинская-Донскова З.В. Глагольные фразеологизмы в качестве главного компонента словосочетания // Совецание языковедов юга России и Сев. Кавказа по вопросу о связи слов в словосочетании и предложении: Тез. докл. - Ростов-на-Дону, 1961, стр. 42; или: «Глаголы в составе глагольных подчинительных фразеологизмов имеют все формы словоизменения глагола...». Тараненко Т.П. Структурно-грамматические особенности фразеологических единиц в русском языке. - Сумы, 1965, стр. 157.

⁷Булгакова Г.Ф. Указ. соч., стр. 24-25

Исследования на морфологическом уровне вообще еще почти не проводились фразеологами. Грамматическая специфика, грамматические особенности изменяемых фразеологизмов приравниваются к грамматическим особенностям слов в свободных словосочетаниях. Лишь специфика неизменяемых, в основном так называемых наречных фразеологизмов нашла свое далеко еще не полное освещение в некоторых исследованиях⁸. При этом количество неизменяемых фразеологизмов, то есть фразеологических единиц с «дефектами», ограничениями в формоизменении, незаслуженно сужается фразеологами⁹.

Многоаспектное изучение фразеологического материала даст возможность в новом свете представить многие проблемные вопросы фразеологии (о границах и объекте фразеологии, о степени спаянности компонентов фразеологических единиц, об основных свойствах фразеологизма, о классификации фразеологического материала).

Роль компонентов в создании фразеологического значения

Смысловая роль компонента в процессуальном фразеологизме может быть выявлена только при постоянном учете того факта, что фразеологизм — целостное семантическое образование, обладающее семантически неделимым, идиоматическим значением.

Всякая попытка найти у компонента фразеологизма какое-либо значение нецелесообразна, поскольку она игнорирует главное сущностное свойство фразеологизма — его семантическую целостность, «целостность номинации».

Такой безуспешной попыткой представляется, например, методика семантического анализа фразеологических единиц, предложенная в работах А. М. Мелерович. Суть методики сводится к тому, что каждому компоненту приписывается автономное значение. Так, у компонентов фразеологизма **ложка дегтя портит бочку меда** вычленяются абстрагированные значения: «малое плохое портит хорошее большое». Производится некий искусственный семантический перевод, достаточно интуитивный и субъективный, с языка «фразеологического» на язык «лексический». Вот еще

⁸ См. кандидатские диссертации: Орлова Л.В. *Неразложимые словосочетания, употребляющиеся в современном русском языке в роли обстоятельства*. — М., 1951; Шавкунова О.В. *Особенности структуры и функционирования незамкнутых предикативных фразеологических единиц*. — М., 1961 и нек. др.

⁹ Г.П. Тараненко, исследуя структурно-грамматические особенности глагольных фразеологических единиц, пишет: «Только в **единичных случаях** (подчеркнуто мной. — В.Л.) этот вид фразеологизмов имеет неизменяемую форму». Тараненко Г.П. *Структурно-грамматические особенности фразеологических единиц в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук.* — Сумы, 1965, стр. 13.

примеры таких переводов: собаку съел — «опыт накопил», делать из мухи слона — «представлять что-л. незначительное значительным» [5, с. 19]. Поскольку такому анализу явно противоречит тезис о семантической целостности фразеологизма, автор концепции ищет обоснования для членимости фразеологического значения.

«Фразеологическое значение, — пишет А. М. Мелерович, — может рассматриваться как целое, поскольку оно не распределено между компонентами формы, но подобная целостность не исключает членимости на семантические элементы, аналогично семантической членимости слов, независимо от их морфемного состава» [4, с. 21]. И далее, вопреки ранее высказанным утверждениям, членение фразеологического значения на элементы связывается с компонентным составом фразеологизма, т. е. значение попросту распределяется между компонентами.

Неверной нам представляется и еще одна посылка: «Значение фразеологизма нельзя рассматривать как сумму преобразованных (подчеркнуто мною. — В.Л.) лексических и грамматических значений его генетического источника. Фразеологическое значение — это сложный органический сплав «разнородных семантических элементов, закрепившихся за определенным словесным комплексом» [4, с. 21].

Остается неясным, откуда все же берется фразеологическое значение? Оно, безусловно, не сумма значений компонентов, составляющих фразеологизм. На наш взгляд, фразеологическое значение есть результат преобразования (трансформации, деактуализации) исходного источника фразеологизма, т. е. нефразеологического словосочетания, сочетания слов или предложения, на базе которых создана фразеологическая единица. При этом надо иметь в виду, что исходным источником фразеологизма может также быть одно слово с фразеологически связанным значением, формирующимся на основе его семантических потенций.

Фразеологизм нельзя рассматривать как простую сумму нетрансформированных лексических значений компонентов, — ибо последние подвергаются разнообразным преобразованиям. Трансформация лексических значений компонентов в процессе фразеологизации так называемого свободного словосочетания приводит прежде всего к тому, что они исчезают как факт автономной номинации, превращаясь в один или несколько семантических элементов сложного по своей семантической структуре фразеологического значения.

Во фразеологической единице происходит редукция, интеграция и переинтеграция семантических элементов, заложенных в исходном источнике — свободном словосочетании; эти семантические элементы формируются на базе отдельных компонентов и всей грамматической структуры словосочетания.

Так, компоненты процессуальных фразеологизмов претерпевают разнообразные преобразования, приводящие к конечному результату фразе-

ологизации — созданию устойчивого соединения слов с целостным номинальным фразеологическим значением. Преобразования, которые при этом происходят с глагольными и именными компонентами, различны.

Грамматически стержневой глагольный компонент может сохранить или утратить категориальное значение процессуальности. Во фразеологизмах с процессуальной семантикой, равных глаголу, он сохраняет ее, придавая процессуальное значение всему фразеологизму в целом. Такое явление мы наблюдаем во фразеологизмах типа **водить за нос, втоптать в грязь, выдавать за чистую монету, бряцать оружием, отделаться легким испугом, отправиться к праотцам, обходить за три версты, играть в бирюльки, испить чашу до дна, задеть за живое, зайти в тупик, держать в черном теле, дать знать, идти своим чередом, толочь воду в ступе, твердить зады, утереть нос, сжить со свету, согнуть в колесо, сжечь корабли.**

Во фразеологизмах с непроцессуальной семантикой глагольный компонент утрачивает категориальное значение процессуальности. Вместе с процессуальностью утрачиваются и морфологические категории, ее оформляющие, лицо, время, наклонение, вид и залог, фразеологизм становится неизменяемым [см.: 3]. Это наблюдается во фразеологизмах с количественной (шаром покати, сколько влезет, сколько хочешь), атрибутивно-предикативной (на мякине не проведешь, рукой не достанешь, вырви глаз, как в воду опущенный, мешком прибитый), качественно-обстоятельственной (хоть коромысло вешай, хоть плюнь, очертя голову, рукой подать), модально-междометной семантикой (честь имею, держу пари, прости господи, будьте добры, милости просим). Синтаксические функции таких фразеологизмов способствуют фиксации их в одной форме и полностью соответствуют их новой семантике. Ср.: Швырченко, подначивая, кивнул ему: милости просим! (А. Кривонов); А там сосновый бор — ищи-свищи нас, если охота (В. Карпов); В одном сходились — петь любили, гулять им — хлебом не корми (В. Золотухин); Порushат лес и никакого сада не посадят. Как пить дать — не посадят (М. Алексеев). Глагольный компонент может в составе процессуального фразеологизма сохранить или утратить, приобретя взамен другое, групповое значение [7, с. 9 и след.]. Сохранение групповой семантики наблюдается гораздо реже, чем ее изменение. Так, сохраняют принадлежность к одной семантической группе глагол **кликнуть** и фразеологизм **кликнуть клич**, глагол **думать** и фразеологизм **думать думу**, глагол **чувствовать** и фразеологизм **чувствовать себя**, глагол **говорить** и фразеологизм **говорить речь**. Но чаще глагольный компонент утрачивает принадлежность к своей прежней семантической группе, подчиняясь целостному фразеологическому значению. Именно поэтому глагол **выходить** принадлежит к семантической группе глаголов движения, а образованные им процессуальные фразеологизмы относятся к разным семантическим группам: они могут обозначать психи-

ческое состояние субъекта-лица (выходить из себя, выходить из терпения, выходить из равновесия), социальное поведение и деятельность субъекта (выходить в отставку, выходить в люди, выходить сухим из воды), социальные взаимоотношения (выходить из-под опеки, выходить из повиновения), состояние и изменение в состоянии субъекта-предмета (выходить в свет, выходить из берегов, выходить из поля зрения). В редчайших случаях фразеологизмы с этим глагольным компонентом остаются в рамках семантики движения, ср.: выходить на финиш, выходить на старт. Однако семантика движения не исчезает бесследно, она преобразуется в семантические элементы, обнаруживающие различные фазы состояния или деятельности: начала (выходить в люди, выходить в свет), конца (выходить из терпения, выходить из себя) [1, с. 32].

Следует отметить также, что глагольный компонент в составе фразеологизма утрачивает свое индивидуальное лексическое значение, однако степень и формы его утраты (редукции) различны. Семантическая редукция индивидуального лексического значения глагольного компонента тем сильнее, чем больше процессуальных фразеологизмов им образуется. Особенно она характерна для таких глаголов, как делать, дать, иметь, оказать и др. В некоторых случаях действительно кажется, что эти глаголы уподобляются связке, «вербализатору имени» [2, с. 17].

Семантическим центром фразеологизмов **дать ответ, иметь понятие, делать заключение** является, как правило, именной компонент, возможно, это одна из причин семантического «обесцвечивания» глагольного компонента. Однако не всегда глагольный компонент становится семантически пустым. Явно семантически нагруженными являются глаголы движения в составе процессуальных фразеологизмов: **входить, выходить, приходиться, уходить**. Эти глагольные компоненты находятся в тесном семантическом взаимодействии с параллельными каузативными глаголами: **вводить, выводить, приводить, уводить**.

Сохраняющиеся семантические элементы создают основу для формирования антонимических пар: **входить в апатию — выходить из апатии, входить в долю — выходить из доли, входить в строй — выходить из строя, входить в русло — выходить из русла, выходить из себя — приходиться в себя, входить в доверие — выходить из доверия, входить в берега — выходить из берегов**.

Другие семантические элементы являются основой для формирования пар, находящихся в каузативных отношениях: **входить в круг обязанностей — вводить в круг обязанностей, приходиться в чувство — приводить в чувство, выходить в люди — выводить в люди, входить в азарт — вгонять в азарт, выходить из терпения — выводить из терпения, выходить из головы — выбивать из головы, выходить из апатии — выводить из апатии**.

Глагольные компоненты с одним корнем создают фразеологизмы, раз-

личающиеся смысловыми оттенками: **входить в себя, приходиться в себя, уходить в себя, выходить из себя, находить себя**. Тожество именных компонентов подтверждает, что разные значения приведенных фразеологизмов формируются за счет глагольных компонентов и предлогов.

О сохранении семантических элементов у глаголов свидетельствуют смысловые различия между синонимичными процессуальными фразеологизмами типа **входить в амбицию — впадать в амбицию, входить в немилость — впадать в немилость, выводить из колеи — выбивать из колеи**.

Таким образом, вариантность глагольного компонента, явление весьма распространенное, но еще малоизученное, может обнаружить степень и характер его семантической редукции в составе фразеологизма.

Существенный факт — наличие /отсутствие вариантности глагольного компонента; в этом отношении все глагольные компоненты можно разделить на две группы: допускающие вариативность и не допускающие таковой. К первым следует отнести такие фразеологизмы, как **валить (сваливать, сбрасывать, сталкивать) в одну кучу, валять (ломать, корчить, строить) дурака, валяться (ползать) в ногах, вбирать (вмещать, включать) в себя, взять (вбить, вдолбить, втемшить) в голову, вилять (крутить, вертеть, дергать) хвостом, воротить (щемить, ломить) душу, обращать (уделять) внимание, уходить (погружаться) в себя, играть (представлять, ломать, разыгрывать, удрать) комедию, прятать (упрятать, бросить, посадить, засадить) за решетку, свернуть (сломить, снести, открутить, оторвать, срубить) голову, сетовать (жаловаться, плакаться) на судьбу, ставить (вставлять, бросать, кидать, совать) палки в колеса и др.**

Ко вторым относятся фразеологизмы с неварьируемым глагольным компонентом: **бить баклуши, валить валом, варить суп из топора, сжечь мосты за собой, развести руками, играть роль, таскать каштаны из огня, разводить мосты, бряцать оружием** и т. д.

Вариантность глагольного компонента связана с различными семантическими функциями. Прежде всего, вариативность глагольного компонента приводит к видоизменению образной основы, внутренней формы фразеологизма, ср.: **валять (ломать, корчить, строить) дурака, вилять (крутить, вертеть, дергать) хвостом, выгнать (выбросить) из головы**.

При помощи вариативности глагольного компонента можно выразить разные способы совершения действия, обозначенного фразеологизмом: **садить (сажать, усадить, посадить) в, калошу, хвататься (ухватиться, схватиться) за соломинку**.

Варьирующийся глагольный компонент может выражать различную степень интенсивности действия: **срубить (снести) голову, дать (влепить) леща, попасть (влипнуть) в историю, кричать (вопить) караул** и др. Как показывают наблюдения, вместе с нарастанием степени интенсивно-

сти действия увеличивается экспрессивность фразеологизма, изменяется его стилистическая окраска.

Особый случай представляет собой замена глагольного компонента на связочный глагол быть, ср.: **находиться (чувствовать себя, быть) не в своей тарелке, держаться (стоять, быть) на ногах, оказаться (находиться, быть) в тупике** и др.

С одной стороны, подобная замена обнаруживает предел семантической опустошенности глагольного компонента, с другой стороны, она подготавливает почву для перехода процессуального фразеологизма в другой семантико-грамматический класс, имеющий атрибутивно-предикативную семантику.

Во всех перечисленных выше случаях трудно сказать, имеем ли мы дело с одним или несколькими фразеологизмами, трудно отождествить или дифференцировать процессуальные фразеологизмы с варьируемыми глагольными компонентами. Все подобные замены глагольного компонента влекут за собой семантические модификации фразеологизма, поэтому мы склонны квалифицировать эти случаи как фразообразовательные формы, рассматриваем **кричать караул и вопить караул, вилять хвостом и вертеть хвостом** как отдельные (автономные), но близкие по значению, синонимичные фразеологизмы.

К фразообразовательным формам следует также отнести не синонимичные друг другу, коррелятивные по признаку каузативности пары процессуальных фразеологизмов типа **входить в норму — вводить в норму, приходиться в ярость — приводить в ярость**.

К образованию новых фразеологических единиц приводит также замена невозвратного глагола на возвратный, например **лишить жизни — лишиться жизни, впутать в историю — впутаться в историю** и др.

Существует множество трактовок феномена вариативности компонентов фразеологизма, вычленены объективно существующие и ошибочно выделенные разновидности вариантов фразеологических единиц, возникла продолжающаяся до сих пор дискуссия о синонимии и вариантности фразеологизмов. Зачастую решения этой проблемы предлагаются поспешные, не учитывающие разных сторон такой многоликой, противоречивой сущности, как фразеологическая единица языка.

Иногда к вариантам фразеологических единиц относят формы изменения тех или иных фразеологизмов, особенно часто такой трактовке подвергаются формы лица и числа, времени, наклонения процессуальных фразеологизмов. На наш взгляд, ни фразообразовательные, ни фразоизменительные формы фразеологизма не могут считаться вариантами. Фразообразовательные формы представляют собой отдельные фразеологизмы, а фразоизменительные формы являются регулярными элементами парадигматических систем, воплощающих грамматические модификации одного и того же фразеологизма.

В разных типах фразеологических единиц (имеются в виду сращения, единства, сочетания) глагольный компонент несет разную семантическую нагрузку.

В сращениях типа **собаку съесть, гриб съесть, положить зубы на полку** и других установить семантическую роль глагольного компонента чрезвычайно трудно из-за немотивированности фразеологического значения. Установить, какую смыслообразующую функцию выполнял глагольный компонент при возникновении сращений, могут только специальные этимологические разыскания, помогающие восстановить процесс создания внутренней формы фразеологизма.

В единствах глагольный компонент участвует в создании внутренней формы, мотивирующей фразеологическое значение, ср.: **умыть руки, вить веревки, намылить шею, пересчитать ребра, в трех соснах заблудиться, пожимать плечами** и т. д.

Во фразеологических сочетаниях глагольный компонент имеет более разнообразные функции. Так, он может вносить во фразеологическое значение оттенок каузативности, особенно отчетливо выступающей на фоне коррелятивного некаузативного фразеологизма, например: **дать понятие — получить понятие о чём-л., дать нагоняй — получить нагоняй.**

Глагольный компонент фразеологического сочетания может выражать модально-фазисные характеристики процесса: **входить в возраст, выходить на пенсию, уходить из поля зрения.** При этом глагольный компонент никогда не превращается в связку, он остается компонентом фразеологизма.

Глагольный компонент фразеологического сочетания привносит метафорические оттенки, особенно ощущаемые на фоне несурзных свободных словосочетаний с этим глаголом, ср.: **дать книгу — дать нагоняй, входить в комнату — входить в службу, приходиться в дом — приходиться в себя.**

Семантическая структура процессуального фразеологизма создается под большим воздействием именных компонентов, независимо от того, является ли имя семантическим центром.

Влиянием именного компонента объясняется перемещение семантики процессуальных фразеологизмов в сферу выражения психофизических состояний лица или предмета, преобладание абстрактной семантики над конкретной.

В процессе фразеологизации участвуют как конкретные, так и абстрактные имена существительные, при этом вторые явно преобладают над первыми. Из конкретных имен существительных особенно активны во фразеологизации соматизмы, например: **поднять руку на кого-л., держать ухо востро, задирать нос, положить глаз на кого-л., что-л., надуть губы, хлопать ушами, шевелить мозгами, гнуть спину, пальцем не шевельнуть, расшибать лоб, сидеть на шее у кого-л.** и др. Кроме того, продуктивны в образовании процессуальных фразеологизмов назва-

ния бытовых предметов: сыграть в ящик, выставить за дверь, из одного котла щи хлебать, топтать сапоги, тянуть мочалу, спустить с лестницы и др.; названия животных: вертеться как белка в колесе, не подъехать на козе, брать быка за рога, давить мух, заливаться соловьем, оседлать конька и др.

Абстрактные имена существительные, вовлеченные и сферу фразообразования, в дофразеологическом употреблении имеют самую разнообразную семантику, они обозначают состояния: **ярость, гнев, тоска, меланхолия, восторг и др.**, **мыслительно-речевые процессы:** вывод, мысль, догадка, слово, наказ, речь и др.; социальные явления: **отставка, должность, служба, тираж, положение;** различные абстрактные понятия: **ход, движение, равновесие, покой** и т. п.

Имена существительные при этом вовлекаются в два лингвистических процесса: они утрачивают категориальное значение предметности (возвращение семантики предметности возможно у них лишь в случае преобразования процессуального фразеологизма в предметный, ср.: **показать кузькину мать — кузькина мать, держать в ежовых рукавицах — ежовые рукавицы**); происходит преобразование групповых и индивидуальных значений имен в семантические элементы фразеологических значений.

Групповое значение имен зачастую совпадает с групповым значением образуемых ими фразеологизмов, ср.: **ярость и приходить в ярость, речь и держать речь, ум и приходить на ум.**

Однако такое совпадение наблюдается не всегда. Иногда, входя во фразеологизм, имя утрачивает и категориальное, и групповое значение, внося во фразеологизм элементы своих переносных значений. Так, разные семантические элементы привносятся во фразеологические значения компонентом **голова**, ср.: **вбить в голову, из головы не выходит годовой об стенку (голова — средоточие мысли), поставить с ног на голову, стучать годовой об стенку (голова — часть тела), не носить головы (голова — символ жизни).**

Таким образом, компоненты фразеологизма в процессе фразообразования выполняют разные смыслообразующие функции.

Литература

1. Балут С. Устойчивые сочетания с глаголами движения в русском и польском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. - Л., 1982.
2. Воробьева Г.К. Семантико-синтаксическое описание несвободных объектных словосочетаний русского языка с глаголом «давать»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1982.
3. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. - Ростов-на-Дону, 1977.
4. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. - Ростов-на-Дону, 1979.
5. Лебединская В.А. Фразеологические единицы с глагольным компонентом, застывшим в форме повелительного наклонения // Вопросы современного русского литературного языка. - Вып. 2. - Челябинск, 1967.
6. Мелерович А.М. К вопросу о соотношении фразеологической и синтаксической семантики //Бюллетень по фразеологии. - Самарканд, 1972. - № 1.
7. Мелерович А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. - Ярославль, 1979.

8. Мелерович А.М. Семантическая структура фразеологических единиц в современном русском языке как лингвистическая проблема: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Л., 1982.
9. Мокиенко В.М. Образы русской речи. - Л., 1986.
10. Челасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. - Челябинск, 1974.
11. Челасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. - Челябинск, 1983.

Сущность перехода свободных синтаксических образований во фразеологические единицы языка

Проблема переходности в сфере лексики и фразеологии охватывает огромный круг вопросов, затрагивающих закономерности развития и функционирования фразеологического состава языка, закономерности динамики языка в целом. Фразеология как раздел языкознания оказалась в эпицентре взаимодействия всех языковых уровней. Самые трудные из этих вопросов касаются природы и сущности фразеологизма: является ли фразеологизм языковым знаком и единицей языка, образует ли фразеологическая подсистема особый уровень в языковой системе, какое место фразеологический уровень занимает в системе других уровней анализа языка, в чем сущность перехода свободных речевых синтаксических построений во фразеологизмы. Вот круг «проклятых вопросов» того таинственного перехода количества в новое качество, которое обеспечивает языку возможность рационально-эмоционального членения-построения, познания-освоения реальной действительности.

На наш взгляд, следует различать два типа переходности в сфере фразеологии: с одной стороны, многочисленные переходы, происходящие внутри фразеологической подсистемы, приводящие к количественным изменениям фразеологического объекта, с другой – качественные изменения, приводящие к формированию качественно новой единицы языка - фразеологической. Первые явления обуславливают процессы формирования внутренней и внешней стороны (формы) функционирующей в речи фразеологической единицы языка: это и эволюция формы (становление и изменчивость компонентного состава фразеологизмов, сужение, расширение, контаминация, замены) и диалектика фразеологизма в целом (переход из одного типа семантики в другую, от одной семантико-грамматической принадлежности к другой; развитие многозначности, систематизация семантических отношений синонимии, антонимии и др.)

Качественное преобразование единиц речи во фразеологизм – явление совсем другого порядка.

Первый принципиальный вопрос, который фразеология пытается решить уже в течение нескольких десятилетий, заключается в установлении знаковой природы фразеологизма, в признании для него статуса языковой единицы.

Любопытную интерпретацию «устойчивых словосочетаний» мы находим в монографии В.М. Солнцева «Язык как системно - структурное образование» (М., 1997, с. 186-188). Формируя концепцию односторонности языкового знака, В.М. Солнцев отказывается в знаковости не только устойчивым словосочетаниям, но и фонемам, морфемам, словам: «Основные единицы языка – фонемы, морфемы и слова - не признаются знаками на разном основании» (с. 317). И далее: «Звукоряд, образованный из форм, становится знаком языка – сонемой или номемой – только в составе двусторонней единицы, где он ставится в связь со смыслом (значением), ибо знак вне связи со значением – это только звукоряд». Сложное течение исследовательской мысли сначала стремится к тому, чтобы объявить знак односторонним явлением, лишив его значения, а потом оказывается перед необходимостью связать знак со значением через понятие языковой единицы. Итак, знаки языка – это одно (сонема, номема), и знаки языка - это другое (фонемы, морфемы, слова). При этом «признание языка знаковой системой и отрицание за его основными единицами качеств знаков не является противоречивым» (с. 320).

Отрицание знаковости «устойчивых словосочетаний» происходит на фоне отождествления их со свободными словосочетаниями («по своему грамматическому устройству они не отличаются от свободных словосочетаний – единиц речи»). Единицами языка ученый признает их с большими оговорками: «Единицами языка они являются в силу своего значения». Он готов признать, что некоторые признаки сближают некоторые устойчивые словосочетания с такими единицами языка, как морфема и слово («Они выражают некоторое значение; вычленимы из потока речи; воспроизводимы в готовом виде...») и даже «входят в систему языка через свой уровень» (с. 186-187). Далее предлагается некое половинчатое решение признать устойчивые словосочетания «производными единицами языка, по многим свойствам близкими к слову...» Итак, не знак, но все же «производная единица языка». Как нам представляется, остаются недоказанными оба тезиса: и об односторонности языкового знака, и об ущербности устойчивого словосочетания как единицы языка, выведенной из необязательности («факультативности») уровня свободных словосочетаний и «расплывчатости» уровневых признаков как устойчивых, так и свободных словосочетаний.

На наш взгляд, фразеологизм («устойчивое словосочетание», по терминологии В.М. Солнцева) обладает признаками и языкового знака, и языковой единицы. Думаем, что одно вытекает из другого. Именно знаковость языка обуславливает возможность вычисления уровневой структуры языка и каждый уровень репрезентируется своей единицей.

Знаковость фразеологизма доказывается следующими присущими ему признаками:

1) воспроизводимость в готовом виде (отсюда следствия: а) возможность хранения в памяти, б) возможность хранения в словаре, в) возможность взаимодействия с другими единицами языка);

2) вычленимость как некоторой дискретной единицы (отсюда следствия: а) способность быть одним членом предложения, б) способность быть носителем целостного значения, в) способность быть номинацией);

3) неделимость в пределах своего уровня (отсюда следствия: а) устойчивость формы и содержания, б) двусторонность, в) социальная закреплённость):

4) вариативность в системе инварианта (следствия: а) возможность отождествления вариантов в единой целостной форме; б) возможность отождествления вариантов на базе единого целостного значения;

5) включённость в основную иерархию языковых единиц, иерархичность;

6) субстанциональность (фразеологизм является объективной знаковой реальностью любого национального языка), всеобщность и материальность;

7) уровневая разнообразность в иерархии усложнения формы и содержания знака, создающая качественно новое, по сравнению с предшествующей уровневой единицей, состояние;

8) наличие на фразеологическом уровне языка внутриуровневых единиц (типов фразеологизмов), подобных типам слов (в языке существуют типы фонем, типы морфем, типы слов, типы фразеологизмов, типы моделей словосочетаний, типы моделей предложений), возможность типологизации в пределах единого уровня.

К единицам языка, на наш взгляд, относятся те, которые обладают указанным набором признаков обязательно (не факультативно).

Как единица языка, в силу своей знаковости, фразеологизм обладает интегральными (общими) и дифференциальными (различительными) признаками.

Когда свободное словосочетание в речи приобретает знаковые признаки интегрального и дифференциального характера (социально закреплённое значение, семантическая целостность, выражение единого нерасчленённого понятия, двусторонность, сверхсловность и т.п.) происходит переход накопленного речевого семантического и формального количества в новое языковое качество.

Слова в свободном словосочетании преобразуют свою автономную семантику в целостное, качественно новое семантическое единство – фразеологическое значение, которое выражается новым типом языковой формы, имеющей словно–компонентную структуру. Фразеологическое значение и фразеологическая форма в единстве создают новый (конечно, двусторонний) языковой знак – фразеологизм, который образует последний уровень в языковой структуре (фонема – морфема – слово – словосочетание как модель – предложение как модель – фразеологизм). Весь этот инструментарий позволяет вести полнокровную речь на том или ином языке.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Субкатегории процессуальных фразеологизмов

Все процессуальные фразеологизмы современного русского языка делятся на 3 субкатегории: деятельности, состояния и отношения.

Субкатегория деятельности объединяет процессуальные фразеологизмы, обозначающие разнообразную деятельность субъекта-человека. В Большой советской энциклопедии деятельность определяется как «специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование». «В отличие от действий животного, деятельность человека предполагает определенное противопоставление субъекта и объекта деятельности: человек противопоставляет себе объект деятельности как материал, который сопротивляется воздействию на него человека и должен получить новую форму и свойство превратиться из материала в продукт деятельности».

Семы, из которых складывается семантическая структура фразеологизмов этой субкатегории, следующие: субъект-лицо (человек), который производит деятельность, объект как результат деятельности, цель деятельности, волеизъявление, материал, который превращают в продукт деятельности, виды деятельности: материальная или духовная, трудовая - нетрудовая, творческая - нетворческая, созидательная - разрушительная, профессиональная - общественная.

Исследуемый материал позволил выделить следующие семантические группы внутри субкатегории деятельности:

1) процессуальные фразеологизмы, обозначающие социальную деятельность человека: **бежать впереди прогресса, бежать по кругу, беречь деньги в кубышке, беречь пуще глазу, бить в набат, бить во все колокола, бить отбой, бить рекорды, биться не на жизнь, а на смерть, блистать талантами, блюсти традиции, брать взятки, брать власть, брать на свои плечи, браться за дело, браться не за свое дело, бросать вызов судьбе, бросать деньги на ветер, бросаться в крайность, переходить к делу, браться за гуж** и т.п.;

2) процессуальные фразеологизмы, обозначающие военную деятельность человека: **брать в клещи, брать приступом, брать с бою, брать штурмом, бросаться в атаку, бросаться в бой** и т.п.;

3) процессуальные фразеологизмы, обозначающие мыслительную деятельность человека: **бить в одну точку, бить карту, бить в цель, бить мимо цели, блеснуть эрудицией, брать быка за рога, брать в расчет,**

брать с потолка, бросить взгляд, принимать решение, шевелить мозгами, строить воздушные замки, входить в раздумье, теряться в догадках, делать выводы, искать выход, отдавать себе отчет, раскусить крепкий орешек, завязать на память узелок и т.д.;

4) процессуальные фразеологизмы, обозначающие коммуникативно-речевую деятельность человека: барабанить во все барабаны, напеть в уши, рассказывать басни, бить себя в грудь, болты болтать, делать доклад, нести чепуху, брать свои слова обратно, бросать в лицо обвинение, брать нужный тон, бросать слова на ветер, бросаться обещаниями, давать обет молчания, брать интервью, братья за перо, переливать из пустого в порожнее, горлом брать, драть горло, лыка не вязать, блистать остроумием, сыпать словами, стучать горохом об стенку и др.;

5) процессуальные фразеологизмы, обозначающие поступки, поведение человека: сражаться с ветряными мельницами, гнуть свое, лезть на рожон, искать себе забот, собакам хвосты крутить, плевать в потолок, отдать должное, делать первый шаг, не уронить чести, переть на рожон, делать хорошую мину при плохой игре, не щадить себя, катиться по наклонной плоскости, плыть по течению, плыть против течения и т.п.;

6) процессуальные фразеологизмы, обозначающие перемещение человека в пространстве: делать шаг, летать на крыльях, ползти как черепаха, дать стрелка, дать стрекача, дать деру, делать прыжок, делать скачок, срезать угол, выйти на старт, выйти на финиш, задать лататы, брать высоту, переходить на бег, брать курс, слоны слонять, мерить шагами и др. под.;

7) процессуальные фразеологизмы, обозначающие игровую деятельность человека: играть в подкидного, дать в масть, дать очко, сделать свечку, ставить на кон, делать па, делать двойной тулуп и т.п.

Самый характерный дифференциальный семантический признак таких фразеологизмов - отнесенность процесса к активному субъекту-лицу. Как правило, эти процессуальные фразеологизмы могут иметь полную парадигму личных форм, не могут употребляться в безличных конструкциях и проявляют самую яркую процессуальность.

Объектные характеристики фразеологизмов данной субкатегории разнообразны.

У большинства фразеологизмов прямой объект является частью внешней формы фразеологизма (задать стрекача, делать вывод, вести беседу), поэтому объектная отнесенность процессуального фразеологизма оказывается «снятой», включенной в семантическую структуру его индивидуального значения. На первый план в семантической структуре выступает оценка деятельности.

Небольшое количество фразеологизмов, обозначающих деятельность,

имеет связь с прямым неодушевленным объектом:

беречь пуще глаза - что? (товар, деньги, бумаги);

брать приступом - что? (крепость, город, высоту);

брать в расчет - что? (обстоятельства, условия);

брать с потолка - что? (цифры, факты);

напеть в уши - что? (гадости, слухи);

мерить шагами - что? (комнату, поле, камеру);

ставить на кон - что? (деньги, фишки) и т.д.

Дальнейшее деление семантических групп на подгруппы имеет, как правило, нелингвистический характер и могут быть на разных основаниях выделены разные подгруппы, например: безделие, направленное движение, созидательная деятельность, разрушительная деятельность и т.п.

Представляется более целесообразным внутри группы находить гиперо-гипонимические, синонимические, антонимические, партинимические, каузативные и т.п. отношения.

Вторую семантическую категорию составляют фразеологизмы, обозначающие состояние человека или предмета.

Понятие «состояние» относится к числу недостаточно разработанных в современной науке. Нет этого термина в «Логическом словаре» Н.И. Кондакова.

В Большой советской энциклопедии термин «состояние» получил очень узкую трактовку: «Состояние (status), в семито-хамитских языках грамматическая категория имени...».

Более разработанным оказался семантический объем этого слова в толковых лингвистических словарях. Даны следующие толкования его значений: «1. Положение, в котором кто, что-либо находится. // Физическое самочувствие или настроение, расположение духа человека. // Вид, характер расположения, взаимодействия и движения частиц. 2. Обычно с опред. Устар. Общественное или семейное положение, а также имущество, капитал, собственность. 4. Офиц. - дел. Пребывание, нахождение (на какой-л. службе, в составе чего-л. и т.п.)».

Термин отсутствует в Лингвистическом энциклопедическом словаре.

Попытку осмыслить этот термин сделали психологи: «Состояние (человека) - в самом общем виде С. - это характеристика любой системы, отражающая ее положение относительно координатных объектов среды, Состояние человека может быть внутренним и внешне наблюдаемым». И далее: «Состояние - это зафиксированное сознанием субъекта на определенный момент времени интегральное ощущение благополучия (неблагополучия), комфорта (дискомфорта) в тех или иных подсистемах организма или всего организма в целом».

Реально существующие в действительности состояния выражаются в языке различными способами. Один из них - процессуальные фразеологизмы.

Процессуальные фразеологизмы, входящие в субкатегорию состояния, довольно разнообразны, но отличаются одним общим признаком - пассивностью субъекта процесса. Его пассивность в апогее перерастает в отсутствие, и поэтому семантика состояния ярче всего передается бес-субъективными процессуальными фразеологизмами. Пассивность субъекта может быть связана с тем, что он оказывается неодушевленным предметом. И наконец, даже в том случае, когда субъектом фразеологизмов этой субкатегории выступает лицо, оно оказывается пассивным, ибо лишено возможности проявлять свою волю при выражении непроизвольно (без участия воли человека) наступающих состояний. Таким образом, разнообразие субъектных характеристик фразеологизмов данной категории (наличие/отсутствие субъекта, субъект-лицо и субъект-предмет) оказывается обобщенным в единую характеристику пассивности субъекта.

Как правило, фразеологизмы состояния употребляются с субъектом-лицом, испытывающим то или иное состояние, например; *Конвоиры входили в раж; орала, спускали на длинных поводках собак, били плетьюми* (Н. Горбачев. *Белые воды*). *Перво-наперво родился я, и бабка повитуха моей покойной мамаше доразу сказала: «Твой сын, как в лета войдет, генералом будет»* (М. Шолохов. *Поднятая целина*).

Определенная часть фразеологизмов состояния имеет в качестве субъекта предмет, находящийся в каком-либо состоянии или входящий в то или иное состояние или выходящий из него: бить в глаза, брать за сердце, бросаться в глаза; входить в моду - выходить из моды, входить в строй - выходить из строя, входить в колею - выходить из колеи и т.п.

Субъект в таком случае выражается обычно отвлеченным существительным, обозначающим различные социальные, физические или психические явления, процессы и явления мысли и речи, например: *И чтоб слова вошли в свои права - ты должен сердцем дать им позывные* (С. Островой. *Стихотворения и поэмы*). *Вошло в уличный быт новое слово «ликбез»* (В. Тендряков. *Ночь после выпуска*). *Жизнь Франтишека и Милены вошла в берега* (Ю. Нагибин. *Не дай ему погибнуть*).

Изредка встречается субъект-предмет, выраженный конкретным существительным: *После полета иммельман как фигура высшего пилотажа быстро вошел в моду* (М. Громов. *Через всю жизнь*). *Одновременно с вокзалом в строй действующих вошли командно-диспетчерский пункт и гостиница* (Комсомольская правда, 27.10.74).

Очень часто субъект-предмет, имея обобщенно абстрактное содержание, выражается обобщающими предметными местоимениями *все, это, что*: *Взяли еды, водки, вина, развели два костра, начали жарить шашлык - это тогда в Таежном только входило в моду* (В. Липатов. *Повесть без названия, сюжета и конца*). *Чего трусите-то? Уж Анке что в голову войдет - колом не выбить* (Н. Телешева. *Меж крутых берегов*). *Как обошлось у Антона Николаевича с сердечным приступом, так и*

дальше все войдет в свои берега (В. Перуанская. Кикимора).

В некоторых случаях процессуальные фразеологизмы исследуемой субкатегории обозначают процессы, субъектом которых является как лицо, так и предмет, то есть имеют двусубъектную направленность, ср.: *Новый цех по производству уцененных товаров вошел в строй а городе Энске (Литературная газета, 23.02.72). Коли будешь ежедневне долбить, то твое долбление станет потребностью для з.г. Суворинцев и войдет в колею (Чехов, т. 13, 362). В 1936 году я снова вошел в строй (М. Громов. *Через всю жизнь*). *Приехать в Петербург могу не раньше конца мая или июня, так как все еще я не вошел в колею...* (Чехов, т. 17, 76).*

Семантика состояния присуща также многим бессубъективным фразеологизмам: **отлегло на душе, бросает в жар, звенит в ушах, сосет под ложечкой** и т.д.

Фразеологизмы состояния чаще бывают безобъектными, чем объектными: в них сохраняется диспропорция между объектностью и безобъектностью, присущая всем процессуальным фразеологизмам. Очень редко встречаются переходные фразеологизмы, однако следует отметить такую особенность: фразеологизмы, обозначающие каузируемое состояние, обязательно имеют прямую объектную отнесенность, возникают каузативные пары, регулярно противопоставленные как безобъектные объектным, ср.:

- впадать в ярость - вводить в ярость кого?;
- входить в колею - вводить в колею кого? что?;
- выходить из себя - выводить из себя кого?;
- входить в разум - вгонять в разум кого?;
- входить в меланхолию - вводить в меланхолию кого?;
- входить в практику - вводить в практику что?;
- выходить из терпения - выводить из терпения кого?;
- выходить из колеи - выбивать из колеи кого? что? и т.п.

Сферами реализации семантики состояния могут быть природа, общество и мышление, поэтому можно было бы вычленять фразеологизмы, обозначающие физическое, психическое и социальное состояние, однако эти семы существуют в семантической структуре процессуального фразеологизма, не имея регулярного выражения.

Представляется более рациональным для выделения сущностных признаков семантики состояния разбить фразеологизмы данной субкатегории на следующие семантические группы: 1) фразеологизмы, обозначающие нахождение субъекта в том или ином состоянии (бегать в кусты, бегать мурашками по телу, белены объелся, беситься с жиру, биться головой об стенку, бороться с самим собой, не находить себе места; бить в глаза, бить ключом, бить по карману, бросаться в нос; свербить в ушах, не каплет (над кем-л.), бросает в озноб); 2) фразеологизмы, обозначающие каузируемое состояние (вводить в ярость, вгонять в тоску, выводить

из транс, выбивать из колеи); 3) фразеологизмы, обозначающие начальную или конечную фазу состояния (входить в раж, впадать в амбицию; выходить из кризиса, выбиваться из колеи); 4) фразеологизмы, обозначающие состояния как постоянную характеристику, свойство, качество субъекта: рылом не вышел, всем взяла, каши просят, мышей не ловит, и ухом не ведет и т.п.

Внутри семантических групп выстраиваются синонимические ряды, антонимические пары, между фразеологизмами разных семантических групп возникают каузативные отношения.

Третью субкатегорию составляют фразеологизмы, выражающие те или иные отношения между субъектами-лицами и субъектами-предметами.

Семантический признак «отношение» лишь недавно введен в лексико-семантические классификации глаголов. На наш взгляд, категория отношения выражается в языке не только на лексическом и грамматическом, но и на фразеологическом уровне.

По-разному категорию отношения рассматривают в логике, философии, психологии. В Большой советской энциклопедии отношение трактуется как «философская категория, выражающая характер расположения элементов определенной системы и их взаимозависимости...». Там же отношение определяется как «эмоционально-волевая установка личности на что-либо, т.е. выражение ее позиции» и «мысленное сопоставление различных объектов или сторон данного объекта».

Иногда отношение толкуется как «одна из форм, один из необходимых моментов всеобщей взаимосвязи всех предметов, явлений, процессов в природе, обществе и мышлении...».

В Словаре психологических терминов категории «отношение» дается самое общее философское определение, подчеркивается бесконечное разнообразие отношений и обобщаются классификации отношений а) на уровне социальных общностей (классовые, национальные, групповые, семейные), б) на уровне групп, занятых той или иной профессиональной деятельностью (производственные, учебные, театральные), на уровне взаимосвязей между людьми в группах (межличностные), на уровне эмоционально-волевых установок субъекта по отношению к себе или аффективное отношение к другим (внутриличностное).

В лингвистику категория «отношение» была введена непоследовательно и хаотично. Обобщая разные типы выражаемых языком отношений, Р.М. Гайсина выделила «лексико-семантическое поле глаголов отношения», вычленив в нем глаголы соответствия, равенства/неравенства, зависимости, классификационных отношений, социальных отношений, эмоционального и рационального отношения. К сожалению, она не определила место в этом поле для процессуальных фразеологизмов отношения. Впрочем, это не входило в задачи ее исследования.

Нам представляется корректным выделять не поле отношения (оно,

конечно, может быть выделено на нелингвистических основаниях), а субкатегорию глаголов отношения и субкатегорию процессуальных фразеологизмов отношения.

Процессуальные фразеологизмы отношения характеризуются односубъектной и двусубъектной направленностью, иными словами, они могут обозначать процессы, относящиеся к субъекту-лицу и субъекту-предмету. Абсолютно отсутствуют бессубъектные процессуальные фразеологизмы отношения, ибо для оформления семантической субкатегории отношения необходимы два равновесных субъекта.

По типу субъекта фразеологизмы рассматриваемой субкатегории можно было бы разделить на 2 семантические группы:

- 1) выражающие отношения между субъектом-лицом и другими лицами;
- 2) выражающие отношения между субъектом-предметом и другими субъектами, ср.:

Фразеологизмы I группы	Фразеологизмы II группы
баламутить душу	иметь значение
баловать вниманием	играть роль (в одном из значений)
без мыла в душу влезть	иметь связь
без ножа зарезать	иметь отношения
держаться в ежовых рукавицах	входить в состав
выяснять отношения	входить в число
брать на испуг	входить в противоречие и т.п.

Выделенные семантические группы не равны по объему: фразеологизмы отношения в подавляющем большинстве случаев обозначают действия субъекта-лица. Семантическая диспропорция между субъектно-личными и субъектно-предметными фразеологизмами сохраняет свою значимость и в рассматриваемой категории.

Объектные характеристики фразеологизмов отношения при всем разнообразии могут быть сведены к общему признаку обязательной выраженности объекта в контексте. Обязательный объект может быть лицом, на которое прямо или косвенно направлено действие, и предметом, испытывающим воздействие лица или имеющим отношение к другим предметам.

Большинство субъектно-личных фразеологизмов отношения имеют при себе косвенный объект, выраженный чаще одушевленным существительным в одном из косвенных падежей, например:

- ломать шапку перед кем?
- брать верх над кем?
- подрезать крылья кому?
- развязать руки кому?
- сводить счеты с кем?
- души не чаять в ком?

намылить голову кому?
иметь виды на кого?
вести переговоры с кем?
вступать в контакт с кем?
сочетаться законным браком с кем?

Довольно редко процессуальные фразеологизмы отношения имеют связь с прямым объектом. Объект действия при этом не создается или разрушается, а просто испытывает внешнее воздействие со стороны субъекта-лица, вступающего в ту или иную связь с объектом-лицом, например:

брать в оборот кого? - слесаря, чиновника;
брать на испуг кого? - сестру, соседа;
пустить по миру кого? - крестьянина;
держат в ежовых рукавицах кого? - мужа;
брать в штыки кого? - противника.

При изменении прямого или косвенного объекта на неодушевленный заметно перестраивается семантическая структура фразеологического значения. Так, фразеологизм **сводить счеты**, сочетаясь с объектом, выраженным одушевленным существительным, относится к субкатегории отношения, а сочетаясь с неодушевленным существительным «жизнь», которое, кстати, становится обязательным компонентом фразеологизма, входит в субкатегорию фразеологизмов состояния. Процессуальный фразеологизм **иметь виды** может реализовать связь с одушевленным объектом (на кого?) или неодушевленным (на что?). В первом случае он входит в субкатегорию отношения, во втором — в субкатегорию деятельности.

Фразеологизмов отношения, имеющих связь с субъектом-предметом, чрезвычайно мало, что обусловлено сильной антропоцентричностью фразеологической семантики. Прямой и косвенный объект при таких фразеологизмах может быть выражен как одушевленным, так и неодушевленным существительным.

Субъектно-предметные фразеологизмы составляют всего 7% исследуемых единиц (563 фразеологизма из 8000). 138 из них (1,7%) входят в субкатегорию отношения, 425 (5,3%) — в субкатегорию состояния.

Состояние предметов обозначают такие фразеологизмы, как **бить ключом, брать за живое, брать начало, бросать свет, будить совесть, бытьем порастить, вертеться в голове, заполнить душу, возвратиться на круги своя, выходить в тираж, выходить на первый план, давать трещину, дать о себе знать, жалить сердце, входить в жизнь, застряв в горле, идти ко дну, не идти на ум, лежать мертвым грузом, найти свое место, обливаться кровью и под.**

Обращает на себя внимание отсутствие связи с прямым объектом у фразеологизмов состояния, имеющих связь с субъектом-предметом.

Гораздо реже фразеологизмы с субъектом-предметом входят в суб-

категорию отношения. Отличительной формальной чертой таких фразеологизмов является направленность процесса на объект, выраженный одушевленным или неодушевленным существительным в косвенном или прямом винительном падеже.

Направленность на одушевленный объект позволяет выявлять отношения между субъектом-предметом и объектом-лицом, например: бить по карману (кого?), влететь в копеечку (кому?), воздать сторицей (кому?), выводить из себя (кого?), выпасть на долю (кому?), выйти боком (кому?), давать преимущество (кому?), входить в планы (кого?), входить в число (кого?), идти на пользу (кому?), иметь общее (с кем?), лечь на стол (кому?), находиться в зависимости (от кого?) и др. под.

Связь с объектом, выраженным неодушевленным существительным, позволяет выявить отношения соответствия, уподобления, отличия, контраста между двумя предметами, например, брать начало (от чего?), вести отсчет (от чего?), злечь за собой (что?), внести привкус (во что?), вызывать на свет (что?), входить в противоречие (с чем?), идти в сравнение (с чем?), иметь отношение (к чему?), иметь преимущество (в чем?), иметь связь (с чем?), иметь тенденцию (к чему?), положить начало (чему?), лечь на основу (чего?) и т.п.

Субкатегории деятельности, состояния и отношения позволяют стратифицировать все процессуальные фразеологизмы, выявив для них степень яркости категориального процессуального значения. Самую большую субкатегорию с максимальной степенью процессуальности составляют фразеологизмы деятельности (48%). На втором месте по количеству и степени яркости процессуального значения оказались фразеологизмы отношения (28%).

На периферии категориального значения процессуальности находятся фразеологизмы состояния (24%), которые характеризуются пассивностью субъекта и различными ограничениями в функционировании морфологических категорий лица, времени, наклонения.

О морфологии процессуальных фразеологизмов

Современная наука о языке нуждается в получении и систематизации знаний о морфологических свойствах фразеологизмов. Совершенно справедливо суждение: мысль об абсолютном тождестве фразеологизмов и слов в грамматическом отношении по самому своему существу является отрицанием фразеологизма как особой сверхсловной номинативной единицы в языке, не обладает объяснительной силой, думаем, поэтому не имеет распространения во фразеологии.

В конце прошлого столетия И.А. Бодуэн де Куртенэ говорил о необходимости разделения морфологии как учения о любых формах на морфологию слова (лексическую морфологию) и морфологию предложения (син-

таксическую морфологию), отметив, что в китайском, например, языке есть только синтаксическая морфология. Не вдаваясь в дискуссию о разграничении морфологии и синтаксиса, хотим подчеркнуть плодотворность понимания морфологии как учения о форме самостоятельных значимых единиц языка и правомерность вычленения в наше время морфологии фразеологизмов.

Если в 1976 г. В.Л. Архангельский считал, что «... фразеологическая морфология еще не создана», то теперь положение существенно изменилось. Расширилась проблематика грамматических исследований во фразеологии, накоплены наблюдения над функционированием морфологических категорий фразеологизмов, развернулась дискуссия вокруг выделения семантико-грамматических классов фразеологизмов. Таким образом, к началу 90-х годов «фразеологическая морфология» (В.Л. Архангельский) уже накопила определенный языковой материал, который так или иначе влияет на фразеологическую и общелингвистическую теорию.

Разумеется, лексическая и фразеологическая морфология близки между собой, так как обе изучают формы допредложенческого уровня, обе участвуют в выражении категории человеческого мышления, облекая в языковые формы понятия об элементах реальной действительности, выражая эмоции или точку зрения говорящего лица.

Исследование морфологических свойств фразеологизмов начинается со структурно-семантической квалификации, с так называемого «частеречного» описания фразеологического фонда русского языка. При всех различиях предпринятых стратификаций фразеологического фонда выделяется класс глагольных, а точнее, процессуальных фразеологизмов.

Актуальность морфологического исследования процессуальных фразеологизмов определяется необходимостью получения систематических знаний о взаимодействии их семантических и грамматических свойств. Во-первых, необходимо ввести в обиход фразеологической науки категориальное значение процессуальности, выявить механизм формирования значения процессуальных фразеологизмов современного русского языка, разграничить типы, разновидности процессуальной семантики, описать семантическую структуру процессуальных фразеологизмов как наиболее абстрактную семантическую категорию в сфере процессуальности и семантическую структуру индивидуального значения процессуального фразеологизма. Во-вторых, нужно выявить функциональное взаимодействие между типом категориального значения, его семантической структурой и выражающими это значение морфологическими категориями. Необходимо также установить влияние семантических свойств процессуальных фразеологизмов на систему морфологических категорий, на структуру, значение и функционирование каждой из морфологических категорий, участвующих в формировании процессуальности как общеграмматического значения и наиболее абстрактной семантической категории.

Семантика и морфологические категории процессуальных фразеологизмов, их взаимосвязь и взаимовлияние еще не были предметом специального рассмотрения. Изучались отдельные семантические особенности, морфологические категории, компонентный состав фразеологизмов. Актуальность настоящего исследования обусловлена назревшей необходимостью получения систематических знаний о семантике и системе морфологических категорий одного из самых больших семантико-грамматических классов русских фразеологизмов. До настоящего времени остается неисследованной природа и характер процессуальности как категориального значения, не сформированы принципы исследования семантических и морфологических категорий процессуальных фразеологизмов, не выявлены закономерности взаимодействия их семантики и морфологических категорий, не определена специфика процессуальной семантики и морфологических категорий, ее выражающих и формирующих, по сравнению с таковыми же свойствами глаголов-слов. Полученные в результате настоящего исследования сведения о семантических и грамматических свойствах одного класса фразеологизмов должны стать частью теории грамматики фразеологизмов, расширить наши представления о связи грамматических значений слов и фразеологизмов с индивидуальными, групповыми, субкатегориальными и категориальными лексическими и фразеологическими значениями, о грамматической форме двух главных самостоятельных номинативных единиц языка – слова и фразеологизма, о функционировании морфологических категорий процессуальных фразеологизмов в речи.

Принципы анализа семантики процессуальных фразеологизмов

Существует большое количество научных работ, в которых отбор и анализ процессуальных фразеологизмов осуществляется произвольно-интуитивно, эмпирически, поэтому назрела необходимость обобщения принципов анализа их семантики.

Первый принцип анализа семантики процессуальных номинативных единиц – глаголов и процессуальных фразеологизмов – учет характера (сущности), типа и разновидности субъекта процесса. Характер субъекта процесса зависит от его главной языковой функции – быть носителем процессуального (действенного) признака. Назначение процессуальных слов и фразеологизмов – обслуживать подлежащее как главный член предложения, поэтому в инфинитивной форме таких единиц заложена потенциальная способность выражать процессуальный признак, т.е. изменяющийся, развивающийся во времени и пространстве, в материи как субстанции, вмещающей в себя все сущее, существующее. Это имя процессу-

ального признака объекта как элемента реальной действительности. Оно имеет «вторичную» языковую семантику, которая носит «служебный», обслуживающий по отношению к имени предмета, характер. Соотнесенность предметного и процессуального слова создает главную языковую оппозицию - имени и глагола.

Имя и глагол противостоят друг другу уже потому, что они призваны обозначать в языке реально существующие в действительности предметы и производные от предметов, выделяемые человеком, познающим реальную действительность, процессуальные признаки. Реальная действительность, жизнь во всей ее пространственной и временной протяженности, выражается человеком этой главной языковой оппозицией – противопоставленностью первого имени, имени предмета (слова №1), второму имени, имени действия (слову №2), обозначающему изменяющийся признак предмета. Сущность предметности и процессуальности заключается в их взаимном притяжении друг к другу. Абстракции, заложенные в предметности и процессуальности, выполняют в языке разные семантические функции: функцию обозначения предмета как элемента реальной действительности и функцию обозначения динамичного, диалектически изменчивого признака этого предмета.

Первая функция возникает в ходе элементного членения реального мира на сущности (предметы реальной действительности, становящиеся объектами познания и выражаемые в языке именами существительными и предметными фразеологизмами). Затем говорящим человеком она бесконечное множество раз воспроизводится в речи при обозначении предметов как элементов реальной действительности как мыслительная (логическая) операция, сложившаяся в процессе отражения конкретных (материальных, вещных) предметов, и затем закрепляется в человеческой памяти для обозначения не существующих в реальной действительности, но создаваемых в мышлении абстрактных предметных понятий – всего, что «опредмечивается», т.е. в особой языковой форме предметных слов существует в языковой системе, рождаясь в словообразовательном процессе производства имен существительных от прилагательных (черный – чернь, белый – белизна, странный – странность и т.п.) и глаголов (резать – резь, прилетать – прилет, ходить – ход и т.п.) и во фразообразовательном процессе производства предметных фразеологизмов от фразеологизмов непредметной семантики (играть в кошки-мышки – игра в кошки-мышки, держать в ежовых рукавицах – ежовые рукавицы и т.п.).

Вторая функция, функция обозначения процессуального признака, возникает в ходе познавательной операции отделения признака от предмета и реализуется в речи великое множество раз, обозначая связь предмета с его главным, процессуальным признаком и создавая в языке грамматическую основу предложения, например: человек идет, ходит, идет ва-банк, ходит как в воду опущенный и т.п.

Типы субъектов процесса различаются прежде всего в семантике языкового признака одушевленности – неодушевленности. Процессы, обозначающие признаки субъектов, выраженные одушевленными существительными, отличаются активностью, целеустремленностью, возможностью волеизъявления; а процессы, обозначающие признаки субъектов, выраженные неодушевленными существительными, характеризуются спонтанностью, пассивностью, невозможностью волеизъявления, ср.: человек идет и время идет; дитя смеялось и море смеялось, а также: человек думает и крапива жжется, мужчина женится и трактор сломался.

Разная субъектная направленность семантики процессуальных единиц языка позволяет дифференцировать групповые и индивидуальные значения. Так, в зависимости от типа субъекта могут быть разграничены группы, обозначающие физическую, психическую, социальную деятельность субъекта – лица, и физическое, психическое, социальное состояние субъекта – лица и субъекта – предмета, ср.: **приходить в ужас – приводить в ужас, валить с ног – валиться с ног, входить в голову – вбивать в голову и т.п.** При этом фразеологизмы, обозначающие деятельность, субъектом могут иметь только лицо (одушевленное существительное, обозначающее человека или животное), а фразеологизмы, обозначающие состояние, соотносятся как с субъектом - лицом, так и с субъектом – предметом.

Глаголы и процессуальные фразеологизмы с двусубъектной направленностью семантики - личной или предметной – имеют тенденцию к разграничению разных индивидуальных значений, ср.: **человек идет – платье идет; женщина производит впечатление – вулкан производит впечатление; ты сбиваешь с толку меня – рассуждения сбивают с толку** (См. об этом: 1, с. 75 -79).

Не менее важно различать разновидности субъектов процесса. Так, у одушевленных субъектов следует разграничивать процессы, относящиеся к субъекту – человеку и субъекту - животному (человек говорит, цедит сквозь зубы, собака брешет, заливаается лаем), а у неодушевленных субъектов – процессы, характеризующие состояние конкретных предметов и состояние абстрактных явлений и понятий (ср.: **вулкан производит впечатление – смерть произвела впечатление**).

Среди глаголов и процессуальных фразеологизмов встречается небольшое количество единиц, отличающихся абсолютной несочетаемостью с субъектом, безличных, а точнее бессубъектных. Это такие единицы, как светает, морозит, тошнит; с души воротит, дух захватывает, в голове шумит (1, с. 85-87). Сложная проблема бессубъектности, безличности, разрабатываемая лингвистами на протяжении многих веков тесно связана с проблемой устранения подлежащего в предложениях, в которых предикативным центром является фразеологизм, имеющий структуру предложения и обозначающий, как правило, состояние субъекта – лица, напр.:

тоска, злость, досада берет, поджилки трясутся, мурашки по спине бегут, нервы разгулялись, тоска съедает и др. под. Попытки обнаружения этимологического подлежащего, безусловно, проясняют генезис бессубъектности (2, с. 317-381), но этимологизация безличности не может мешать современной квалификации этих предложений с фразеологизмами как безличных (**злость его взяла**), в которых фразеологизм занимает позицию сказуемого в односоставном предложении.

Следующий принцип анализа семантики процессуальных фразеологизмов – учет объектных характеристик процесса. Следует различать наличие/отсутствие и опущение (утрату, редуцию) прямого или косвенного объекта.

Отсутствие объекта характеризует так называемые безобъектные, непереходные фразеологизмы, которые отличаются самодостаточностью своего значения, не требуют уточнения прямым или косвенным объектом, ср.: бежать, лететь стрелой; спать, давить на подушку; простудиться, хлюпать носом и т.п.

Такие процессуальные номинативные единицы находятся в оппозиции к так называемым переходным глаголам и фразеологизмам (читать что?; иметь в виду кого, что?). Следовало бы уточнить название таких единиц – это прямопереходные глаголы и процессуальные фразеологизмы.

Кроме непереходных и прямопереходных, следует выделить также косвеннопереходные глаголы и процессуальные фразеологизмы: надеяться на кого?, беспокоиться о чем?, душой болеть за что?, не отрывать глаз от кого, чего? и др. под.

Таким образом, объектные характеристики процесса укладываются в градуальную оппозицию, в которой непереходные единицы противопоставляются переходным, в сфере которых следует дифференцировать процессы, направленные на прямой или косвенный объект.

В особых контекстных условиях может «устраняться», редуцировать как прямая, так и косвенная переходность, например:

Он славно пишет, переводит. А.С. Пушкин. После рыбы, которая произвела некоторое впечатление, граф Илья Андреич переглянулся с другими старшинами. Л.Н. Толстой.

Четвертым принципом является полное, «безостаточное», непротиворечивое деление категории процессуальных слов и фразеологизмов на субкатегории. На наш взгляд, таких субкатегорий может быть только три – деятельности, состояния, отношения.

Три субкатегории различаются прежде всего разными квалификациями грамматического субъекта. Грамматический субъект, выражаемый подлежащим, может быть квалифицирован как субъект деятельности, носитель состояния или элемент (член) отношения.

Субъект деятельности активен, характеризуется целеустремленностью, способностью волеизъявления, поэтому глаголы и процессуальные фра-

зеологизмы деятельности используются всегда в двусоставных предложениях, грамматический субъект которых выражен конкретным одушевленным существительным, обозначающим человека:

Но перед тем, как понять значение поговорки я (Пришвин. – В.Л.) пропустил через свою голову довольно сложный поток маленьких дум. Угрожая плетью во все стороны, я надбавил ходу и скоро пролез в открытое болото, и только вошел в те кустики, где вчера поднял выводку, вдруг из-под носа у Ромки вылетел бекасенок. М. Пришвин. Зеркало человека.

Точно так же используются фразеологизмы деятельности с субъектом – животным:

Ромка не только не бросился бежать, но сделал настоящую картинную, по всем правилам стойку. Караульный ворон чуть ли не за километра совершал свой облет. М. Пришвин. Зеркало человека.

Активность субъекта проявляется парадигматически: у таких процессуальных фразеологизмов возможны формы первого и второго лица, формы повелительного наклонения.

Субкатегория состояния включает в себя процессуальные фразеологизмы с широким субъектным спектром, так как может обозначать состояния субъекта – живого существа, и состояния субъекта – предмета, например:

Приходишь в себя, обыкновенно разглядывая какую-нибудь подробность, сущую мелочь, через которую иходишь в тот мир, где «я» делается душой всего (субъект – человек). Ромка положил голову между лапами и глаз не сводит с меня. Там, где, я думал, Ромка не причуял и стоял дураком, слушая кроншнепов или пастухов (субъект – животное). На этих кочках росло много цветов, и особенно мне бросились в глаза Анютины глазки. В Дунине великой силой взялись белые грибы (субъект – предмет). М. Пришвин. Зеркало человека.

Субкатегория состояния организуется несколькими семантическими оппозициями. Первая оппозиция позволяет дифференцировать состояния по месту их реализации: в материальном мире человек обнаруживает физические состояния, в мышлении – психические, а в обществе – социальные.

Вторая оппозиция, характерная только для субкатегории состояния, противопоставляет глаголы и процессуальные фразеологизмы, обозначающие статические и динамические состояния: бить в глаза, брать за сердце – входить в колею, выходить из себя. В динамических состояниях могут быть выражены в частной семантической оппозиции вхождение в состояние или прекращение его, что чаще всего квалифицируется как переход из одного состояния в другое. В этой семантической оппозиции часто складываются антонимические пары: входить в колею – выходить из колеи, входить в моду – выходить из моды, однако они не имеют регулярного характера.

Третья оппозиция, действующая только в данной субкатегории, - противопоставление субъектных процессуальных фразеологизмов бессубъектным. Бессубъектные процессуальные фразеологизмы обозначают самые различные состояния «в чистом виде» – это состояния, аккумулированные в процессуальной единице, отвлеченные от субъектной связи: отлегло на сердце, воротит с души, дух захватывает, под ложечкой сосет и т.п. Бессубъектными не могут быть ни процессуальные фразеологизмы деятельности, т.к. для них необходима связь с активным производителем деятельности, ни процессуальные фразеологизмы отношения, т.к. для реализации их семантики необходимы и субъекты и объекты, которые выступают в контексте как элементы отношения.

Для формирования субкатегориального значения состояния необходима и четвертая оппозиция – объектности/безобъектности процесса. Семантика состояния, в основном, должна реализоваться как безобъектная, ибо состояние, которое распространяется на какой-либо объект, преобразуется в отношение, ср.:

Я люблю. - Я люблю тебя (конфеты).

В первом случае глагол любить обозначает состояние, сконцентрированное в субъекте, поэтому его значение нужно толковать посредством семы «состояние»: «испытывать состояние любви, находиться в состоянии любви»; во втором – тот же глагол выражает отношение субъекта к другому субъекту или объекту и должен быть отнесен к субкатегории отношения. Различие в одушевленности и неодушевленности объекта требует дифференцировать два значения в этом глаголе, ибо любовь к живому существу и вещи (предмету) качественно различны.

Третья субкатегория – отношения – формируется прежде всего потребностью выразить в языке разнообразные отношения между субъектами и объектами в природе, мышлении и обществе. Весь спектр этих отношений можно выразить 16-ю потенциальными логическими оппозициями, в зависимости от выражения субъекта и объекта существительными, обозначающими человека, животное, неодушевленный вещный конкретный предмет (вещь) или абстрактное понятие (понятие): вещь – вещь, вещь – человек, вещь – животное, вещь – понятие; человек – человек, человек – вещь, человек – животное, человек – понятие; животное – животное, животное – вещь, животное – человек, животное – понятие; понятие – понятие, понятие – человек, понятие – вещь, понятие – животное. Функциональная частотность реализации этих оппозиций в речи различна.

Субкатегория отношения складывается из нескольких оппозиций. Первая оппозиция позволяет выделить отношения, складывающиеся в физической, психической и социальной сфере. Вторая, наиболее важная, оппозиция выявляет отношение процесса к объекту, последний может быть выражен одушевленным и неодушевленным существительным. Отнесенность к объекту является обязательным дифференциальным признаком

данной субкатегории, отличающим ее от субкатегории состояния, для которой отнесенность к объекту не обязательна. Прямая и косвенная объектность характерна для субкатегории деятельности и отношения, однако объект деятельности отличается от объекта отношения. Объект деятельности является результатом созидательной или разрушительной деятельности субъекта, субъект выступает здесь как активное, целеустремленное начало, а объект подчинен ему как продукт деятельности. Субъект и объект отношения выступают как элементы отношения, при этом субъект становится пассивным элементом, не проявляющим своего деятельностного начала, а объект становится равноправным элементом семантики отношения, хотя форма объекта остается грамматически подчиненной глаголу или процессуальному фразеологизму. Особый характер прямого и косвенного объекта обнаруживается в конструкциях с безличным (бес-субъектным) глаголом или процессуальным фразеологизмом категории состояния:

Мне пришло в голову, что тот выводок, тот самый первый выводок, из которого ястреб взял одного (бекасенка. - В.Л.), - тот был по ту сторону ржи, этот по другую... М. Пришвин. Зеркало человека.

Таким образом, субкатегории процессуальных фразеологизмов характеризуются прежде всего субъектно-объектными различиями. Субъект выступает то как носитель процессуального признака (субкатегория состояния), то как производитель деятельности (субкатегория деятельности), то как один из элементов отношения (субкатегория отношения). Объектные характеристики субкатегорий сводятся к трем свойствам: субкатегории состояния объект не нужен, в субкатегории отношения он обязателен, а для субкатегории деятельности – факультативен.

Последний принцип анализа семантики процессуальных фразеологизмов заключается в установлении тождества и различий индивидуальных значений. Следует идентифицировать в одном фразеологическом знаке парадигматические формы и варианты одного и того же фразеологизма и квалифицировать синонимы, антонимы, омонимы, каузативные и фразеологические формы как разные фразеологические знаки.

Дальнейший анализ семантики процессуальных фразеологизмов должен выявить границы и взаимодействие разных семантических субкатегорий, групп, подгрупп и отдельных фразеологизмов.

Литература

1. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. Семантика процессуальных фразеологизмов. - Курган, 1999. - 186 с.
2. Потеев А.А. Из записок по русской грамматике. -Т.3. - М.: Просвещение, 1968. - 551с.

О структуре категории лица процессуальных номинативных единиц языка

В современном русском языке функционируют две качественно различные, но одинаковые по назначению номинативные единицы: слово и фразеологизм. Совокупность слов и фразеологизмов образует лексико-фразеологический фонд языка, служащий для построения речи (текстов, высказываний). Значительное место в этом фонде занимают глаголы и процессуальные фразеологизмы [10, 31]. Глагол как лексическая единица и процессуальный фразеологизм как фразеологическая единица имеют много общих грамматических свойств, образуя единую систему процессуальных номинативных единиц.

Процессуальные номинативные единицы, обладая множеством различных грамматических признаков, имеют в языке самую разветвленную систему морфологических категорий. Категория вида, залога, времени, наклонения, лица, числа и рода), имея сложное разнообразное содержание, оформление и функционирование, образуют единый комплекс, в котором наблюдаются различные, разнонаправленные связи более или менее тесного характера.

Особое место в этом комплексе занимает категория лица, центральная морфологическая категория процессуальных номинативных единиц, так как две номинативные единицы – глагол и процессуальный фразеологизм – обозначают процесс, имеющий указание на «действителя», производителя действия.

Категория глагольного лица – одна из тех категорий, которые, на первый взгляд, кажутся простыми и ясными, четкими и непротиворечивыми. Между тем, это одна из наименее изученных категорий, цельная, многоплановая теория глагольного лица до сих пор еще не разработана. Справедливо мнение о том, что «структурная характеристика категории лица находится пока в стадии предварительного обсуждения дискуссионных вопросов, а не в стадии устойчивых и категоричных выводов» [2, 135].

Казалась простой и естественно необходимой система тройственных отношений внутри категории лица, однако теперь тезис о трехчленности этой категории подвергнут сомнению [1, 260].

Исторически складывавшиеся в рамках русского глагола формы выражения категории лица также вызывают споры [2; 6; 7; 9].

Русская грамматическая традиция накопила немало интересных мыслей, фактов, характеризующих содержание и формы выражения этой категории. В разработке теории глагольного лица принимали участие виднейшие русские лингвисты М.В. Ломоносов, А.Х. Востоков, А.А. Потенбя, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов и др. Известный вклад в разработку теории лица внесли и специальные диссертационные исследования последних лет [13, 239-286].

Почти все изыскания в области теории лица проводились применительно к лексическому фонду языка. Лишь в последнее время начато исследование свойств этой морфологической категории на материале процессуальных фразеологизмов [10, 29-56].

Лицо как морфологическая категория глагола представляет собой единство строгой системы грамматических субъектных значений с парадигматически противопоставленными рядами форм номинативных процессуальных единиц языка.

В этой статье освещается только вопрос о количестве членов, образующих категорию лица процессуальных номинативных единиц.

В традиционном русском языкознании сложилось и укрепилось мнение о том, что «лиц в системе глагола столько же, сколько личных местоимений. Здесь сохраняет всю свою силу принцип противопоставления говорящего субъекта (я), автора речи, собеседнику (ты) и кому-то или чему-то третьему (он, она, оно, они)» [3, 360]. В яркой наивно романтической форме становление корреляций в категории лица описывает Г.П. Павский: «Между именами, сотворенными свободно мыслящим умом, первое имя есть Я, которым мыслящее существо назвало себя в отличие от всей окружающей его природы; второе по нем есть имя Ты, т.е. ближайшее не - Я; третье Он, т.е. дальнейшее не -Я» [8, 84].

Строго и лаконично, хотя и на неприемлемой для современного языкознания логицистической основе, фиксирует эту трехчленность в «Грамматических заметках» В. Классовский, выделив главные семантические признаки каждого из трех лиц: «Тройственность лица в глаголах, подразделяемого еще по грамматическим числам, основана на полном круге отношений действителя к окружающим предметам: этим кругом ограничиваются три категории личных признаков: а) признак лица, составляющего суждения; б) признак лица, выслушивающего суждения; в) признак лица, обращенного в предмет суждения. Отсюда в языке, как в органичном отражении мышления, которое, в свою очередь, есть воспроизведение органически существующего мира, должно быть и действительно есть не более и не менее трех лиц» [5, 30].

Эта традиционная точка зрения на «тройственность лица в глаголах» сохранялась и углублялась в трудах последующих лингвистов. Категория лица получала удивительно единодушную характеристику в русском языкознании.

В зарубежном языкознании существует две различные точки зрения на состав компонентов категории лица. Одна связана с традиционным выделением трех лиц в единственном и множественном числе. Другая, пожалуй, более распространенная точка зрения стремится исключить из системы категории форму 3 лица и установить такую систему корреляций, которая бы включала в себя лишь формы 1 и 2 лица. Представители этой точки зрения, как правило, подвергают критике трехчленную систему лица,

строая свои аргументы «на слабости», «невывразительности» 3 лица. Наиболее последовательно и эксплицитно это представлено в монографии Э. Бенвениста.

Считая традиционную теорию глагольного лица «суммарной», «нелингвистической», Э. Бенвенист утверждает: «Выравнивая в неизменном порядке и единстве плана «лица», определяемые положением в ряду и соотносительностью с «сущностями», каковыми принимаются «я», «ты», «он», мы лишь транспонируем в псевдолингвистическую теорию различия лексического порядка» [1, 260].

Э. Бенвенист, взяв за основу метод оппозиций в определении сущности грамматической категории, строит оригинальную, но на наш взгляд, не совсем верную теорию глагольного лица. За отправную точку своей теории он берет определения, употребляемые арабскими грамматистами: 1 лицо – тот, кто говорит, 2 лицо – тот, к кому обращаются, 3 лицо – тот, кто отсутствует. Неоднородность этих трех лиц доказывается, по мнению Э. Бенвениста, прежде всего асимметрией между третьими и двумя первыми лицами. «В первых двух лицах одновременно выражается лицо и то, что говорится об этом лице. «Я» обозначает того, кто говорит и одновременно подразумевает высказывание о «Я»... Во втором лице «Ты» по необходимости обозначает через «я» и не мыслится вне ситуации, предложенной от «я», в то же время «я» высказывает нечто как предикат к «ты»... В третьем лице предикат также выражен, но вне сферы «я - ты», эта форма, таким образом, исключена из отношения, характеризующего «я» и «ты». Исходя из этого, следует поставить под сомнение законность определения этой формы как «лица» [1, 262].

Таким образом, 3 лицо абсолютно исключено Э. Бенвенистом из сферы категории лица, «собственно личный» элемент объявлен отсутствующим у форм 3 лица на том основании, что это «отсутствующее лицо» в арабских грамматиках, что 3 лицо есть лишь «инвариант, присущий любой форме спряжения».

«Следствие этого должно быть четко сформулировано: третье лицо не есть лицо, это именно глагольная форма, функция которой состоит в том, чтобы выражать не лицо», - таково мнение Э. Бенвениста. Для доказательства этого положения привлекаются и некоторые факты. Так, «общезвестным» и «фундаментальным» представляется Э. Бенвенисту факт отсутствия «какого бы то ни было местоимения 3 лица» [1, 262]. Кроме того, аргументом в его теории служит совершенно особое положение третьего лица в глаголе большинства языков (отсутствие флексии 3 лица единственного числа перфекта в семитских языках, нулевая флексия для 3 лица единственного числа в финно-угорских и некоторых тюркских языках, отсутствие постоянства и регулярности для выражения 3 лица в абхазском и черкесском языках и т.д.). Приведенные факты должны, таким образом, свидетельствовать о морфологической ущербности 3 лица.

Неличность формы 3 лица, по мнению исследователя, проявляется в том, что именно эту форму употребляют всегда в безличных выражениях, так как подлинная природа безличности заключается в обозначении процесса «как протекающего вне отношения «я – ты», то есть вне категории, которые только и могут обозначать лица» [1, 264].

Формы 3 лица, считает ученый, лишены таких признаков, как уникальность и взаимобратимость, в то время как формы 1 и 2 лица уникальны и взаимобратимы. Эти признаки не присущи 3 лицу, «так как «он» само по себе не называет ничего и никого..., так как 3 лицо не предполагает никакого лица, оно не может принимать любой субъект или не иметь никакого субъекта, и этот субъект, выраженный или невыраженный, никогда не представляется как лицо» [1, 266].

После этих рассуждений представляется не совсем логичным вывод Э. Бенвениста об оппозиции № 1 в категории лица: третье и первое-второе лицо противопоставлены как члены одной корреляции, «корреляции личности («я – ты» обладают признаком лица, «он» - лишено этого признака). Интересно, что вторую оппозицию «лицо – я» - «лицо – не – я», Бенвенист обосновывает как корреляцию субъективности. В этой корреляции 2 лицо определено как «лицо – не – я», так как назвать абсолютные признаки второго лица Бенвенисту представляется невозможным: чаще всего это лицо, к которому обращаются с речью, но второе лицо можно встретить и в неличном употреблении. «Необходимо и достаточно представить себе какое-то лицо, которое не есть «я», чтобы ему можно было присвоить признак «ты».

Таким образом, это лицо, которое «репрезентируют для себя», это лицо «несубъективное» по отношению к лицу «субъективному» (первому).

В этих рассуждениях о глагольном лице, думается, есть несколько уязвимых мест.

Недоказанным представляется тезис о том, что асимметрия между третьим и первыми двумя лицами исключает третье лицо из системы грамматической категории лица, из сферы личных отношений.

Симметрия компонентов одной грамматической категории вообще, кажется, наблюдается чрезвычайно редко. Она позволяет нам одно и то же лексическое содержание переводить из актива в пассив и наоборот (ср. Ученики пишут диктант. – Диктант пишется учениками). Но такой симметрии мы не найдем ни у вида, ни у времени, ни у большинства грамматических категорий (особенно небинарных). Следовательно, асимметрия лица не свидетельствует о семантической («личной») ущербности 3 лица.

Не совсем справедливо утверждение о полной «неличности» 3 лица, об отсутствии в его семантике собственно «личного элемента». Как известно, семантика 3 лица имеет сложное предметно-личное содержание.

Тезис об абсолютной «неличности» формы 3 лица приводит Э. Бенвениста к неправильным выводам.

Первый вывод – о наличии в парадигме лица «неличных» форм. Между тем, личная парадигма, приняв в себя столь «инородный элемент», не стала от этого менее монолитной, осталась сама собой, т.е. личной парадигмой.

Второй вывод – об исключении 3 лица из сферы я – ты. Возможно, было бы более правильным вычленивать тот семантический элемент, который все-таки удерживает форму 3 лица на орбите «личности». Иначе чем тогда объяснить жесткую формальную связь в парадигме лица именно трех лиц? Очевидно, существует тот семантический инвариант, который делает столь жизнестойкой и непререкаемой эту связь. Интересно, что еще А.А. Потенция указывал на истоки этой семантической общности 1, 2 и 3 лица: «Судя по тому, что до сих пор действия субъекта мы можем выразить, т.е. представить себе только человекообразно (дождь идет, как человек идет, я иду), можно подумать, что и вообще понятие действия, причины возникали так, что наблюдение над нашими действиями перенесено на действия объектов, так что как всякий субъект – подобие нашего Я, так всякое действие – подобие нашего действия» [9, 233]. Эту идею поддержал В.В. Виноградов. Определяя сущность понятия «личный деятель», он писал: «В глаголе, напротив, предмет, являющийся источником действия, грамматически изображается как личный деятель (подчеркнуто нами. – В.Л.). Он подчинен категории лица. Особенно ощутителен этот оттенок грамматического «олицетворения» предметов при сопоставлении таких конструкций: «Оленя ранило стрелой и Оленя ранила стрела» [3, 360]. К сожалению, мысль о грамматическом олицетворении в теории глагольного лица до сих пор остается в тени.

Третий вывод – об отсутствии взаимнообратимости форм 3 и 1-2 лица. Допущение несправедливо, так как эту взаимнообразность мы наблюдаем бесконечное множество раз, например, при переводе прямой речи, содержащей формы 1 лица, в косвенную и, наоборот, в различных диалогических ситуациях, где «он», приняв участие в разговоре, становится «я», а говорящий субъект «я» превращается в «он» и т.д. Ведь 3 лицо – это не обязательно отсутствующее лицо, это лицо, в данный момент максимально пассивное в акте речи, но в каждый из следующих моментов имеющее возможность принять участие в разговоре. (Если, конечно, это 3 лицо – человек или уподобленное человеку любое говорящее существо).

Четвертый вывод – о тождестве «неличности» и «безличности». Граница между этими понятиями теряется в рассуждениях Э. Бенвениста. Однако, по-видимому, ставить знак равенства между ними нельзя.

Таким образом, система трех лиц в категории глагольного лица остается незабываемой и, на наш взгляд, достаточно обоснованной.

Форма 3 лица существенно отличается от форм 1 и 2 лица. В.В. Виноградов характеризовал ее как неличную форму, имеющую «потенциаль-

ное» личное значение. «Ее личное значение только потенциально. Оно обусловлено обязательным наличием или подразумеванием субъекта. Оно целиком синтаксично» [3, 362]. Однако за пределы категории лица В.В. Виноградов выводил только безличные глаголы, в которых происходит действительное «полное устранение субъекта действия».

Для правильного понимания семантической структуры лингвистического термина «лицо», точнее «морфологическая категория лица», не следует отождествлять понятие «лицо» и «человек», и тем более связывать понятие грамматического лица с делением актеров в сценической практике на тех, кто говорит, собеседников и тех, о ком говорят. Не представляется также плодотворным и диалектичным рассмотрение 1 и 2 лица как субъективных, а 3 «лица» как объективного [12, 78-79].

Понятие «грамматическое лицо» может быть правильно осмыслено только при установке основного, самого существенного семантического признака категории лица, который бы определил все три формы лица. Таким семантическим стержнем для категории лица является, на наш взгляд, значение субъекта действия, «действителя», производителя действия.

Семантика трех грамматических лиц понимается грамматистами по-разному. В разных терминах, но более или менее однозначно описывается семантика 1 и 2 лица единственного числа: 1 лицо – это «говорящее лицо», «говорящий субъект», «автор речи», «отправитель информации», 2 лицо – слушающее лицо, адресат, получатель информации. Расхождение наблюдаются в истолковании общего значения 3 лица.

Одни наполняют 3 лицо предметно-личным содержанием. Это традиционная точка зрения, представленная в «Грамматическом учении о слове» В.В. Виноградова и во многих других работах советских языковедов. Другие считают, что 3 лицо вообще лишено какого-либо «личного» содержания и что включение формы 3 лица в личную парадигму, уподобление его формам 1 и 2 лица было осуществлено грамматистами «в силу стремления к симметрии» (Э. Бенвенист). Третьи предпочитают негативное определение содержания 3 лица. Эта точка зрения представлена в двух вариантах. Так, А.В. Исаченко связывает 3 лицо с главным признаком «неучастия в речевом акте». «Общая семантика той глагольной формы, которая традиционно называется 3 лицом, в сущности, определяется чисто негативно: это та форма спряжения, которой обозначается грамматическое «лицо», не принимающая участие в речевом акте» [4, 408]. Кроме того, в работах последних лет чаще дается определение 3 лица как «субъекта, который не является ни говорящим, ни адресатом» [2, 135]. Такая же дефиниция принята в «Грамматике современного русского литературного языка» (изд. АН СССР, М., 1970). Дважды отрицательное определение представляется сторонникам этой точки зрения более последовательным, чем позитивное определение содержания 3 лица как предметно-личного.

Плодотворной представляется попытка выделения в значении грамматических категорий отдельных семантических признаков. В содержании морфологической категории лица можно вычлениить такие семантические элементы, определяющие отношение действия: а) к производителю действия; б) к автору речи; в) к роли в речевой ситуации. В соответствии с этим каждое лицо можно охарактеризовать набором семантических элементов.

Первое лицо а) производит действие, является грамматическим субъектом, б) говорит (сообщает) о действии, приписывая его себе, в) является инициатором речи, максимально активным участником речевой ситуации. Второе лицо а) производит действие, является грамматическим субъектом, б) не говорит о действии, приписывая ему действия осуществляется лицом говорящим, в) в речевой ситуации является минимально активным участником, поскольку обязательно присутствует в речевой ситуации как лицо слушающее. Третье лицо а) производит действие, является грамматическим субъектом действия, б) не говорит о действии, действие приписывается ему лицом говорящим, в) в речевой ситуации является максимально пассивным лицом, поскольку может присутствовать или отсутствовать при осуществлении речевого акта.

Рассмотрение выделенных признаков, в совокупности дающих представление о семантической структуре категории лица, позволяет выделить общий, глобальный признак как 1 и 2, так и 3 лица – соотносительность действия с производителем действия. Дифференциальные признаки всех трех лиц порождаются речевой ситуацией, определяются ролью каждого из трех лиц в речевой ситуации.

Такой подход к морфологической категории лица позволяет считать центром, фундаментом личности, именно 3 лицо. Не случайно, что многие процессуальные номинативные единицы, сохраняя связь с категорией лица, по различным причинам не имеют форм 1 и 2 лица [11, 61]. Очевидно также, что происхождению форма 3 лица древнее форм 1 и 2 лица.

С другой стороны, максимальная активность в речевой деятельности говорящего лица, возрастание в форме 1 лица активной «личности» объясняет традиционную иерархию личных форм, имеющую точкой отсчета, началом, именно форму 1 лица.

Процессуальные номинативные единицы, глаголы и фразеологизмы, имеют полную или сокращенную парадигму личных форм, однако освещение вопросов, связанных с формой выражения лица у глаголов и процессуальных фразеологизмов, не входит в задачи этой статьи.

Литература

1. Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. - М.: Прогресс, 1974.
2. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. *Русский глагол*. - Л.: Просвещение, 1967.
3. Виноградов В.В. *Русский язык*. - М.: Высшая школа, 1972.
4. Исаченко А.В. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. 2*. - Братислава: Словацкая академия наук, 1961.
5. Классовский В. *Грамматические заметки*. - СПб., 1855.

6. Ломтев Т.П. *Белорусский язык*. – М.: МГУ, 1951.
7. Никифоров С.Д. *Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины 16 века*. – М.: АН СССР, 1952.
8. Павский Г.П. *Филологические наблюдения над составом русского языка // Хрестоматия по истории русского языкознания*. – М.: Высшая школа, 1973.
9. Потебня А.А. *Из записок по русской грамматике*. – Т. 1-2. – М.: Учпедгиз, 1958.
10. Челасова А.М. *Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов*. – Челябинск, 1974.
11. Челасова А.М. *Специфика функционирования грамматических категорий во фразеологизмах. Статья вторая // Фразеологическая система языка*. – Челябинск, 1975.
12. Штеллинг Д.А. *Язык как часть человека // Русский язык за рубежом*. – 1972. - № 4.
13. Юдин А.А. *Категория лица глагола в русской грамматической науке // Ученые записки Рязанского пединститута*. – Т. 51. – Вып. 2. – Рязань, 1969.

К вопросу о категории лица глагольных фразеологических единиц

Сложная, в некотором смысле противоречивая языковая единица – фразеологизм – органично входит в систему языка.

Она весьма своеобразно сочетает в себе определенную синтаксическую структуру с единой целостной номинативной семантикой. Подобное лексико-синтаксическое единство имеет под собой определенный морфологический фундамент. Грамматическая форма компонентов фразеологической единицы изменяет свое грамматическое значение, приспособляясь и к более или менее жесткой неизменяемости, и к новой номинативно-экспрессивной семантике, и к специализированной синтаксической функции.

Предметом рассмотрения нашей статьи является функционирование категории лица у глагольных компонентов фразеологических единиц (сокращенно: ФЕ. – В.Л.).

В современной фразеологии нет сложившегося взгляда на эту грамматическую категорию.

Некоторые, иногда очень существенные замечания о рассматриваемой в статье категории были высказаны в работах фразеологов В.П. Жукова [1], Н.П. Ильченко [2], А.К. Кочеткова [3] и др.

Однако в целом эти замечания не могли дать полного представления о характере функционирования категории лица в составе ФЕ.

Как показывают наши наблюдения, категория лица неодинаково функционирует у свободного глагола и омонимичного глагольного компонента ФЕ.

Весьма продуктивными в образовании фразеологических единиц являются глаголы движения. Они дают жизнь фразеологизмам с самой различной семантикой. Вот наиболее распространенные из них с ограничением в образовании форм 1 и 2 лица: **войти в моду, войти в силу, войти в колено, войти в свет, выйти из печати, выйти на славу, пойти в дело, пойти на лад, пойти прахом, пройти через руки, пройти даром, сойти с рук**.

Парадигма лица у глаголов движения не имеет ограничений. Глаголы

«пойти», «выйти», «войти» образуют формы всех лиц. Это свойство они не всегда сохраняют в составе фразеологизмов. Причины, вызывающие морфологическую недостаточность глагольных компонентов ФЕ, различны. Одной из них может являться прикрепленность фразеологизма к тому из значений свободного глагола-омонима, в котором он (свободный глагол) не употребляется в формах 1 и 2 лица.

Так, ФЕ **пойти с молотка** имеет только форму 3 лица, потому что она семантически связана с глаголом «пойти» в 4 значении «начать продаваться, продаться, найти сбыт» [4, 10, 819]. Глагол в этом значении и фразеологизм **пойти с молотка** не употребительны в форме 1 и 2 лица, так как называют процессы, свойственные конкретным предметам. В словаре к этому значению дается характерная лексико-синтаксическая помета: «о товаре». Это значит, что в качестве субъекта действия может выступать то, что продается и покупается: товар, в грамматическом плане – предмет.

Одной главной и основной причиной, обуславливающей морфологическую недостаточность глагола-компонента, является формирование такого значения у фразеологической единицы, которое не может характеризовать человека, а относится к миру предметов, событий, явлений. Морфологическая недостаточность в таком случае обусловлена чисто фразеологическим фактором, она не присуща свободному глаголу ни в одном из его значений. Например, глагол «входить» в свободном употреблении имеет все три лица (имеется в виду первое значение этого слова): я вхожу, тыходишь и т.д., в шестом значении этот глагол также имеет полную парадигму лица: «б. В некоторых составных выражениях (при существительных с предлогом «в») соответствует по значению словам: становиться, делаться каким или чем (по соответствующему прилагательному)» [4, 2, 927]. Фразеологизмы, приведенные под этим значением, можно разделить на 2 подгруппы:

а) не употребляющиеся в форме 1 и 2 лица (входить в моду, в обычай, в жизнь, в привычку, в действие, в силу, в строй);

б) потенциально имеющие форму всех трех лиц (входить в дружбу, в связь, в тело в азарт в спор, в года, в чины, в честь, в доверие, в милость, во вкус).

Общее фразеологическое значение единиц первой подгруппы таково, что не позволяет сочетать их с субъектом-человеком. Субъектами действия при них могут быть конкретные предметы (входить в строй, в действие, в употребление) или события, явления (входить в моду, в привычку, в силу). Вторая подгруппа фразеологизмов называет действия и состояния, свойственные человеку, и поэтому имеет полную парадигму лица.

Как видим, один и тот же глагол при одинаковости синтаксической модели устойчивого сочетания может по-разному осуществлять свои парадигматические возможности. Эти различия обусловлены семантичес-

ким наполнением фразеологизма, которое в большой степени зависит от семантики именного компонента.

С глаголом «входить» мы имеем 2 семантических ряда фразеологизмов: 1) ряд, обозначающий процессы, которые происходят в мире предметов и явлений и 2) ряд, обозначающий действия и состояния человека. Наблюдения показывают, что семантика именных компонентов в этих рядах весьма определена и обладает внутренним единством в каждом ряду. У первого ряда это почти всегда отвлеченные существительные (употребление, мода, обычай, привычка, действие, сила, строй), не связанные с внутренним миром человека, его чувствами, состоянием. Для второго ряда характерны существительные, обозначающие человеческие чувства, переживания, состояние (азарт, честь, доверие, милость, слава, вкус, спор).

Итак, можно с уверенностью утверждать, что грамматическая категория лица не может одинаково функционировать у свободного глагола и омонимичного глагола-компонента фразеологических единиц. Сопоставительный анализ особенностей ее проявления у обеих языковых единиц (лексической и фразеологической) позволяет выявить специфику функционирования категории лица в составе фразеологизмов. В качестве такой специфики выступают «ограничения в выборе переменных» (Архангельский В.Л.).

К глагольным мы относим такие фразеологические единицы, которые имеют в своем составе глагольный компонент. При этом не принимается во внимание, в современной или этимологической структуре выделяется данный компонент. Наряду с фразеологизмами **бить баклуши, делать визит, положить зубы на полку** рассматриваются фразеологизмы типа **милости просим, хоть шаром покати** и т.п.

Проблема парадигматических ограничений глагола-компонента еще не решена в отечественном языкознании. Ограничения в образовании и функционировании отдельных форм парадигмы или всей парадигмы в целом свойственны и отдельным словам и фразеологическим единицам. Однако к вопросу о форме многие лингвисты подходят с заданным, стопроцентным словоизменительным критерием. Как показывают исследования последних лет, глагольные формы такой стопроцентностью не обладают [5]. Тем более не следует считать стопроцентными в этом отношении глагольные компоненты фразеологических единиц.

Особую актуальность приобретает проблема ограничений при исследовании фразеологических единиц с точки зрения языка и речи. Сущность фразеологизмов не может быть познана, если их рассматривать вне контекста, вне их живого функционирования.

Учитывая языковые признаки имеющихся у нас в картотеке фразеологических единиц, а также особенности их употребления в речи, мы предлагаем следующую рабочую классификацию фразеологизмов, имеющих в своем составе глагольный компонент. По степени гибкости глагольного

компонента весь материал подразделяется на 2 группы: 1) фразеологизмы, имеющие в языке полную парадигму лица (дать обет, держать в ежовых рукавицах, вывести в люди, вправлять мозги, стать в позу, ломать дурака и подобные им); 2) фразеологизмы, имеющие форму только одного какого-либо лица (честь имею, милости просим, прошу любить и жаловать, ума не приложу, бьюсь об заклад, с чем и поздравляю, каши не сварить, рукой не достанешь, хоть караул кричи, не приведи бог, будьте добры, не поминайте лихом, войдет в привычку, примет оборот, гроша не стоит, кот заплакал, как бог даст, черт знает, как следует, сколько влезет и подобные им).

Фразеологизмы 1 группы, не имея языковых ограничений в образовании форм лица, в речи используются преимущественно в форме 3 лица. Формально возможны следующие парадигматические ряды: бью баклуши, бьешь баклуши, бьет баклуши и т.д. Однако на употребительность в речи форм 1 и 2 лица таких фразеологизмов влияет прежде всего стилистическая окраска разговорности или книжности.

Фразеологизмы 2 группы можно разделить на следующие подгруппы: 1) фиксированные в форме 1 лица; 2) фиксированные в форме 2 лица; 3) фиксированные в форме 3 лица [6, 7, 8].

Лейтмотивами наших наблюдений над перечисленными выше группами и подгруппами было постоянное стремление увидеть теснейшую взаимосвязь семантики фразеологизма с его формой, показать, как форма реагирует на малейшие сдвиги в семантике и как нарушение формы приводит к разрушению всего фразеологизма.

В процессе изучения наших фразеологизмов мы пришли к следующим главным выводам:

1) Категория лица у глагольного компонента имеет свою специфику по сравнению с той же категорией свободного глагола. Эту мысль можно было бы пояснить на следующем примере. Глагол свободного употребления «бросать» имеет полную парадигму лица: я бросаю, ты бросаешь, он бросает и т.д. Омонимичный ему глагольный компонент «бросать» во фразеологизме **в жар бросает** может иметь только форму 3 лица ед.ч. в безличном значении (невозможно сказать: в жар бросаю, в жар бросаешь и т.д.).

2) Специфика исследуемой категории проявляется в разнообразных ограничениях образования или функционирования отдельных или всех форм лица.

Учитывая возможности образования личных форм, мы выделили среди анализируемых ФЕ два типа:

I. Фразеологизмы, имеющие в плане языка полную парадигму лица (бить баклуши, лезть на рожон и т.п.).

II. Фразеологизмы с фиксированным глагольным компонентом в форме одного какого-либо лица (низко кланяюсь, здоровья желаю, хоть трава не расти и т.п.).

3) Речевое употребление вносит свои коррективы в оба типа ФЕ: у фразеологизмов первого типа сужает возможности функционирования отдельных форм лица, в частности форм 1 и 2 лица; у фразеологизмов второго типа стремится расширить эти возможности. Так, например, ФЕ **в карман за словом не лезет** в речи обычно употребляется в форме 3 лица, хотя потенциально может иметь и остальные формы личной парадигмы (в карман за словом не лезу, в карман за словом не лезешь и т.д.). Повышенная стилистическая окраска ФЕ подобного типа если не запрещает, то, во всяком случае, ограничивает употребление в речи форм 1 и 2 лица. Напротив, фразеологизм **имею честь** в языке известен обычно в форме 1 лица, что не исключает, правда очень редкую, употребительность его в формах 2 и 3 лица. При этом форма 3 лица употребляется для обозначения 1 «авторского» лица. Например: Сотрудники «Будильника», в предупреждение могущих произойти недоразумений, сим имеют честь уведомить, что они будут христосоваться только с хорошенькими... (А. Чехов, т.1, с. 183).

Следует оговориться, что фиксированные фразеологизмы очень редко способны изменить форму лица глагольного компонента. Чаще всего изменение формы влечет за собой разрушение всего фразеологизма (см.: здравия желаю, здорово живешь, будьте добры, хоть караул кричи, сколько влезет и другие подобные им).

4) Способность к фиксации, застыванию в составе ФЕ у разных глагольных форм лица различна. Наименее подвержены фиксации глагольные компоненты в форме 1 лица (14% имеющих в картотеке ФЕ), более распространены ФЕ с глагольными компонентами в форме 2 и 3 лица (соответственно 37% и 49%).

Немногочисленность ФЕ с фиксированным глагольным компонентом в форме 1 лица объясняется тем, что форма 1 лица конкретна, однозначна и поэтому всегда сохраняет семантику глагольности. Фиксация же ФЕ обычно сопровождается утратой последней, что бывает возможно лишь на основе абстрактных, переносных значений формы.

Значение формы 2 лица очень широко. Возможности употребления ее в переносно-отвлеченных значениях гораздо больше, чем формы 1 лица. Это накладывает определенный отпечаток на функционирование ее в составе фразеологических единиц. Глагол-компонент, фиксированный в форме 2 лица, может иметь конкретное и обобщенное значение лица. Абстрагированность обобщенного значения формы 2 лица создает во ФЕ предпосылки для утраты связи с лицом. На смену глагольной в таких ФЕ приходит количественно-качественная или междометная семантика (например: пальчики оближешь, рукой не достанешь, водой не разольешь, хоть пруд пруди, хоть шаром покати, хоть отбавляй, держи карман шире, скажи на милость и другие подобные).

Наиболее многочисленная группа ФЕ имеет фиксированный глаголь-

ный компонент в форме 3 лица. Это объясняется как семантической способностью данной формы обозначать действия, свойственные не лицам, так и абстрактностью формы, допускающей утрату во ФЕ глагольной семантики.

5) Категория лица у фиксированных ФЕ имеет различную степень жизнеспособности. Здесь возможны три случая:

а) глагольный компонент имеет форму только какого-либо одного лица и сохраняет при этом семантику глагольности. Например: низко кланяюсь, бьюсь об заклад, держу пари, милости просим, ума не приложу, будьте добры, будьте здоровы, своих не узнаешь, лежит на чьей-то совести, делает честь, достигнет апогея и т.п.;

б) глагольный компонент имеет форму только какого-либо одного лица, но семантика глагольности вытесняется у этих ФЕ количественно-качественным или междометным значением (натошак не выговоришь, скажи на милость, с собаками не сыщешь, на мякине не проведешь и др. подобн.);

в) глагольный компонент имеет форму только какого-либо одного лица, но значение глагольности этими фразеологизмами утрачено, они приобретают неглагольную, адвербиальную или, чаще, междометную семантику (например: не дай бог, убей меня бог, черт возьми, дай бог каждому, кот заплакал, как бог даст, на чем свет стоит, что есть духу, сколько влезет и т.п.).

Таким образом, фиксированные ФЕ могут удерживать значение данной формы лица, теряя лишь парадигматические противопоставления другим формам лица, и могут утрачивать значение лица вообще, порывая связь с классом глагольных семантических единиц.

В непосредственной связи с этими явлениями находится факт сохранения или утраты глагольным компонентом парадигмы числа. Последняя имеется у ФЕ, приобретших неглагольную семантику (ср.: будь добр – будьте добры, но: каши не сварить).

6) Каковы же причины ограничений в образовании и функционировании личных форм глагольных компонентов ФЕ?

Реализация отдельных форм глаголов-компонентов (чаще всего – форм 1 и 2 лица) не осуществляется из-за повышенной стилистической окрашенности ФЕ (оценочно-разговорной или официально-книжной).

Главной семантической причиной фиксации глагола-компонента в одной какой-либо форме лица является утрата фразеологизмом глагольности, которая может быть полной или частичной.

Частные причины, обуславливающие фиксацию ФЕ, различны:

а) синтаксическая специализация фразеологизма;

б) закрепленность за часто повторяющейся жизненно-речевой ситуацией и некоторые другие.

7) Полученные выводы не имеют, разумеется, категорического значе-

ния, но они отражают некоторые общие закономерности функционирования категории лица глагола-компонента ФЕ в языке и речи.

Литература

1. Жуков В.П. Сказуемое, выраженное устойчивыми словосочетаниями в современном русском языке. – Л., 1953.
2. Ильченко Н.П. Морфологическая характеристика глагола в составе предикативных фразеологических единиц. – Л., 1955.
3. Кочетков А.К. Устойчивые словосочетания с глаголом в современном русском языке. – Куйбышев, 1954.
4. Словарь современного русского литературного языка. – Т. 2, 10, – М.-Л., 1960.
5. Дружинина А.Ф. Глаголы с неполной парадигмой в современном русском литературном языке. – М., 1964.
6. Лебединская В.А. Фразеологические единицы с глагольным компонентом, застывшим в форме повелительного наклонения // Вопросы современного русского литературного языка. – Вып. 2. – Челябинск: ЧГПИ, 1967.
7. Лебединская В.А. Глагольные фразеологические единицы, употребляемые преимущественно в форме первого лица. // Вопросы современного русского литературного языка. – Вып. 2. – Челябинск, 1967.
8. Лебединская В.А. О фразеологических единицах, употребляющихся преимущественно в форме третьего лица // Вопросы современного русского литературного языка. – Вып. 3. – Челябинск, 1968.

Проблема тождества и различия процессуальных фразеологизмов с компонентом не

Семантический анализ классов, разрядов, групп фразеологических единиц подтверждает многообразие содержания и структурной организации фразеологического состава языка, многообразие, которое упорядочивается грамматическими средствами [1]. Каждый отдельный фразеологизм выступает как «малая система», характеризующаяся особыми системными закономерностями. Диалектическое единство набора «малых систем» - отдельных фразеологизмов – формирует фразеологический фонд каждого национального языка.

В нашей статье рассматриваются отдельные стороны процессуальных фразеологизмов русского языка, характеризующие фразеологизм как сложный номинативный языковой знак, в пределах тождества которого возможны разнообразные модификации не только плана выражения, но и плана содержания исследуемой единицы.

Рассмотрим некоторые случаи преобразования процессуальных фразеологизмов современного русского языка, позволяющие глубже уяснить проблему тождества фразеологических единиц языка.

Случаи употребления процессуальных фразеологизмов с частицей **не** и без нее. Прежде всего следует отметить, что каждый процессуальный фразеологизм может быть употреблен как с частицей, так и без нее.

Разумеется, тождество фразеологической единицы языка при употреблении ее с **не** или без **не** не нарушается. Находясь за пределами фразеологического состава компонентов, отрицательная частица изменяет общую

модальность высказывания с утвердительной на отрицательную, но в семантическую структуру процессуального фразеологизма не вторгается.

Достаточно многочисленны случаи, когда отрицательная частица является обязательным компонентом фразеологизма, например: не бояться работы, не брать в рот, не валяться на дороге, не верить своим глазам.

Нами выявлено 379 процессуальных фразеологизмов с частицей не в качестве обязательного компонента. Из них во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Молоткова [9] зафиксировано немногим более ста процессуальных фразеологизмов (нами не учитывались фразеологизмы, равные по структуре предложению типа **рука не поднимается**).

Иногда в составе такого процессуального фразеологизма есть лишь два компонента – частица **не** и глагол: **не везет, не подкопаешься, не разгуляешься, не убудет, не возникай, не пицать**. Обращает на себя внимание преимущественное или фиксированное употребление этих фразеологизмов в одной какой-либо форме, в которой они и приведены в иллюстративном материале.

В редких случаях частица не выступает как приставка при глаголе, трансформируя сему отрицания в целостное значение фразеологизма, ср.: **невзвидеть света, нейти с ума**.

Также редко **не** как отрицательный компонент фразеологизма относится не к глагольному, а к какому-то иному компоненту фразеологизма, например: **садиться не в свои сани, заехать не в те ворота, не к теще на блины собрался, не медовуху пить**.

Возможно ли употребление таких фразеологизмов без **не**? Иными словами, является ли компонент **не** обязательной принадлежностью фразеологизма? На наш взгляд, этот компонент – обязательная принадлежность рассматриваемых фразеологизмов, так как он формирует целостное фразеологическое значение и без него фразеологизм либо разрушается, либо имеет совсем иное значение.

Двухкомпонентные процессуальные образования типа **не разбежишься, не каплет** над кем-либо, очевидно, не все фразеологи признают как фразеологизмы [10, 24-33].

Фразеологизмы **не разбежишься, не разгонишься, не подкопаешься, не разгуляешься** в словаре не выделены, как не зафиксированы и многие другие фразеологизмы такого типа.

Таким образом, можно отличить явную лексикографическую непоследовательность (или неполноту) в фиксации описываемых фразеологизмов.

По формальному признаку в описываемой группе можно выделить следующие подгруппы: 1) фразеологизмы с преимущественным употреблением в форме 3 лица ед. ч. (часть из них безличные: **не везет**, часть – личные: **не чешется**); 2) фразеологизмы с преимущественным употреблением в форме 2 лица ед. ч. повелительного наклонения (**не чирикай, не возникай**); 3) фразеологизмы с преимущественным употреблением в

форме 2 лица ед. ч. будущего времени (**не растаешь, не помрешь**); 4) фразеологизмы в форме инфинитива (**не привыкать**); 5) фразеологизмы с преимущественным употреблением в форме прошедшего времени (**и не нюхал, не вышел, не снился**).

Некоторые из глаголов без частицы **не** не имеют особого значения, сформировавшегося на базе фразеологизмов. Ср.: **не каплет, не клеится, не вяжется, не разгуляешься** и другие подобные. В некоторых случаях образуются антонимические пары фразеологизмов с лексическими единицами (**везет – не везет, горит – не горит, каплет – не каплет, идет – не идет**), при этом велика вероятность, что лексическая единица является производным от фразеологического образования. Аргументировать подобную направленность семантического развития можно тем, что фразеологизмы с **не** более употребительны, более частотны, чем глаголы с соответствующим значением без **не** (ср.: **не каплет** и **каплет**).

Образование двухкомпонентных фразеологизмов из слова-частицы **не** и глагола всегда ведет к нарушению тождества лексической глагольной единицы, ибо нельзя рассматривать фразеологизмы типа **не слиняешь, не возникай, и не нюхал, не убудет** как временные, для данной отрицательной коммуникации существующие объединения двух лексических единиц. Отрицание становится в них обязательным фразеобразующим компонентом. Акт образования фразеологической единицы нарушает тождество глагола как лексической единицы языка.

Многокомпонентные процессуальные фразеологизмы с **не** разнообразятся прежде всего за счет того, что **не** может в составе фразеологизма относиться к глаголу или к другому компоненту (ср.: **не выходить из головы** и **не с той ноги встать**). Рассмотрим первую, наиболее типичную разновидность.

Компонент **не** во фразеологизмах типа **не нюхать пороху** является обязательным. Без него многие фразеологизмы исследуемой разновидности подвергаются дефразеологизации, ср.: **пушкой не пробьешь – пушкой пробьешь, не объедешь на кривой – объедешь на кривой, не стоит мизинца – стоит мизинца, не лезет ни в какие ворота – лезет в ворота** и т.п. Отсутствие **не** ведет к нарушению тождества фразеологизма и к разрушению последнего.

В редких случаях компонент **не** может быть в составе фразеологизма заменен компонентом **еле** или **едва**, ср.: **на ногах не стоять – едва на ногах стоять, не таскать ноги – еле таскать ноги, не передвигать ноги – еле передвигать ноги, не сводить концы с концами – едва сводить концы с концами**. Компоненты **не** и **едва** (**еле**) создают градационные семантические различия между этими фразеологизмами, которые можно было бы квалифицировать как градационные фразеологические синонимы. В таком случае замена одного компонента другим ведет к частичному нарушению семантического тождества фразеологизма.

Наконец, следует отметить возможность употребления некоторых фразеологизмов как с **не**, так и без **не**, например, **не казать глаз / казать глаза, не менять дела / менять дело, не оставить следа / оставить след**.

При этом отсутствие компонента **не** к разрушению фразеологизма не приводит. Между параллельными фразеологизмами могут складываться антонимические отношения (напр.: **за деревьями леса не видеть – за деревьями увидеть лес**), однако они носят чаще всего окказиональный характер. Чаще всего в современном русском языке функционируют два равноправных фразеологизма (с **не** и без **не**) с разными значениями. Иными словами, между такими фразеологическими единицами тождества нет. Ср.: **не отводить глаз** – «пристально, внимательно, неотрывно смотреть на кого/что-либо», **отводить глаза** – «отвлекать внимание кого-либо от чего-либо, вводить в заблуждение, обманывать кого-либо».

Добавим также, что между параллельными фразеологизмами не складываются антонимические отношения.

Не – частица имеет в современном русском языке огромный семантический диапазон. В БАС [11, 688-690] семантически необозримым, лексикографически нерасчлененным оказалось так называемое 7 значение, разделенное на две подгруппы: «7. Входит в различные словосочетания: а) В словосочетания, которые относятся к сложным союзам и союзным словам (далее приведено 20 союзных фразеологических средств. – В.Л.); б) В состав устойчивых словосочетаний: **не в меру, не с руки, не в ладах, не по сердцу, не в духе, не под силу, не по душе, не за горами, не на шутку, и ухом не ведет** (выделено нами – В.Л.), **кому не лень, не в труд, не под стать** и т.п.» [11, 690]. Таким образом, в седьмое значение оказались включенными без какой-либо семантической интерпретации тысячи фразеологических единиц, имеющих непроцессуальную семантику (изучению их посвящена уже достаточно обширная лингвистическая литература, в которой ведущее место занимают работы Г.Г. Шумиловой) [6; 7; 12]. Высказаны мнения о качестве лексикографирования фразеологизмов с компонентом **не** [13].

Отрицание **не** чисто лингвистическая проблема. «... семантика отрицания – это одна из самых старых философских проблем логики, которая имеет ... историю от Платона и Аристотеля до наших дней» [14, 8]. Одной из сфер действия слова-частицы **не** является фразеологический состав русского языка. Среди фразеологизмов с компонентом **не** наименее изученными остаются процессуальные фразеологизмы.

Одной из характерных особенностей многокомпонентных процессуальных фразеологизмов с **не** (так, как, впрочем, и двухкомпонентных) является их преимущественное употребление в какой-либо одной форме. Отметим, что примерно 30 % процессуальных фразеологизмов, согласно статистическим пропорциям в имеющемся у нас материале, не имеют каких-либо существенных ограничений в формоизменении. К ним отно-

сятся: **не смыкать глаз, в грош не ставить, не давать спуску, не сметь дохнуть, не верить глазам своим, не уметь связать двух слов, не пускать на порог, не дать медной полушки, не давать прохода, не знать счета, не лаптем щи хлебать, не тронуть волоска, не миновать глаголя** и под.

Естественной первичной формой для таких фразеологизмов является инфинитив, в котором они и фиксируются в лексикографических работах. В конкретных речевых условиях они могут принимать любые глагольные формы.

Наибольшая часть процессуальных фразеологизмов с не имеет преимущественное употребление в форме 3 лица настоящего и будущего простого времени. Ограничениям подвергается прежде всего личное формоизменение. Часть из них не имеет форм 1 и 2 лица, так как субъект действия не человек, а предмет. Например: **не идет в голову, не идет на ум, не идет из ума, не идет на язык, не идет ни в какое сравнение, не имеет себе равных**.

Формы числа, рода и времени у этой группы фразеологизмов подвижны.

Некоторые из фразеологизмов наблюдаемой группы употребляются только в форме 3 лица, так как имеют безличное значение, например: **не останется следа, не останется живого места, винтиков не хватает, не приходит в голову, не хватает зла** и другие подобные.

Следует выделить довольно большую группу фразеологизмов, употребляющихся преимущественно в форме 3 лица, которые относятся к субъекту-человеку. Отсутствие форм 1 и 2 лица объясняется их оценочностью, характеристичностью. Здесь имеются в виду такие фразеологизмы, **как на ногах не стоит, пальцем не пошевелит, ложку мимо рта не пронесет, двух слов не свяжет, не левой ногой сморкается** и т.д. Нам уже приходилось описывать такой тип фразеологизмов [15].

Процессуальная семантика в таких фразеологизмах отсутствует под давлением атрибутивности настолько, что иногда кажется, что эти фразеологизмы следует отнести к адъективным.

Большой разницей наблюдается в лексикографической подаче этих фразеологизмов и с семантической, и с формальной точек зрения. Так, во «Фразеологическом словаре русского языка» [9] одни из них подаются в заголовке в форме 3 лица ед.ч. (**и ухом не ведет, на ногах не стоит, не стоит выеденного яйца, ни в какие ворота не лезет**), другие – в форме инфинитива (**не видать дальше своего носа, не ударить в грязь лицом, палец о палец не ударить** и т.д.). Думается, что фразеологизмы, преимущественно употребляющиеся в форме 3 лица, следует подавать в заглавии словарной статьи в форме инфинитива, введя специальную грамматическую помету: преимущественно в форме 3 лица. Такая помета не так категорична, как принятие формы 3 лица как заголовочной.

Другая большая группа процессуальных фразеологизмов с **не** употребляется преимущественно в форме 2 лица ед.ч. будущего простого времени; сюда относятся такие фразеологизмы, как **клещами не вытянешь, далеко не уедешь, далеко не уйдешь, на кривой не объедешь, на козе не подъедешь, калачом не заманишь, плетью обуха не перешибешь, против рожна не попрешь** и многие другие. Другая форма, в которой такие фразеологизмы гораздо реже, но все же встречаются в речи, - инфинитивная, например: *Теперь меня **голыми руками не ухватить, понял?*** (Адамов. *Вчерашний круг*).

Обе названные формы передают обобщенно-личное значение, свойственное описываемым фразеологизмам (что, кстати, дает основание предположить, что генетическим материалом для них послужили обобщенно-личные односоставные предложения).

В лексикографической практике принято заголовочный фразеологизм подавать в форме 2 лица ед.ч. будущего простого времени, так как форма инфинитива редко употребляется, а другие формы, как правило, отсутствуют.

Следует отметить, что у этой группы фразеологизмов процессуальное значение также сочетается с атрибутивным, адвербиальным, количественным, модальным. Нередко это заставляет лексикографов выделять у них несколько разных по типу значений. Например, у фразеологизма **пушкой не прошибешь** выделяются следующие: 1. Очень много, в огромном количестве. О большом скоплении людей. ... 2. Кого. Ничем не убедишь, никак не воздействуешь [9, 367].

Модальность семантики характерна для фразеологизмов **ничего не поделаешь, ничего не попишешь, ничего не скажешь**.

Процессуальность в этих фразеологизмах еще сильна, хотя и проявляется в них с разной степенью интенсивности.

Анализ семантических и формальных признаков процессуальных фразеологизмов с **не** позволяет сделать следующие выводы.

1. Отрицательная частица **не** может быть употреблена при любом процессуальном фразеологизме. Не входя в границы фразеологизма, она не нарушает его тождества.

2. Становясь обязательным компонентом процессуального фразеологизма, частица **не** образует в современном русском языке многочисленную группу единиц, находящихся в сложных семантических взаимоотношениях с процессуальными фразеологизмами без **не** и словами-глаголами.

3. Взаимоотношения между глаголами типа **горит, везет** и фразеологизмами **не горит, не везет** можно квалифицировать как нарушение тождества лексической единицы, ведущее к образованию фразеологизма.

4. Фразеологизмы идентичного лексического состава с обязательным компонентом **не** и без него далеко не всегда образуют в языке антонимические пары. Чаще всего они расходятся в значении и существуют в

языке параллельно, без всякой семантической соотнесенности между собой.

5. Для процессуальных фразеологизмов с **не** в современном русском языке чрезвычайно характерно преимущественное употребление в а) формах 3 лица ед.ч. настоящего и будущего простого времени, б) формах 2 лица ед.ч. будущего простого времени, в) формах прошедшего времени, г) формах 2 лица ед.ч. или мн.ч. повелительного наклонения. Преимущественное употребление в тех или иных формах сопровождается в таких фразеологизмах ослаблением процессуальности и усилением атрибутивности. Возможно также сочетание процессуальности с количественной или модальной семантикой, что может приводить к нарушению тождества фразеологизмов.

Литература

1. Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. – Челябинск: ЧГПИ, 1974. – 100 с.
2. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Проспект словаря индивидуально-авторских употреблений фразеологических единиц в современном русском языке // Основные вопросы теории фразеологии / Библиографический указатель по фразеологии. – Вып. 6. – Самарканд: СамГУ, 1987. – С. 153-236.
3. Виноградов В.В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. – М.: Просвещение, 1969. – С. 5-24.
4. Методические рекомендации по НИРС и УИРС: спецкурсы, спецсеминары, курсовые работы по фразеологии русского языка / Сост. В.А. Лебединская. – Курган, 1987. – 156 с.
5. Словарь русского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1985.
6. Шумилова Г.Г. Синтаксические свойства фразеологизмов предикативной семантики модели «не или ни + падежная форма имени существительного» // Фразеологическая система языка. – Вып. 4. – Челябинск, 1978. – С. 40-49.
7. Шумилова Г.Г. Структура фразеологических единиц, включающих в свой состав не и ни // Фразеологическая система языка. – Челябинск, 1976. – С. 73-83.
8. Караулов Ю.Н., Андриященко В.М. Автоматизация лингвистических работ и создание Машинного фонда русского языка // ИАН СССР. Серия Литература и язык. – Т. 47. – № 1. – 1988. – С. 3-12.
9. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Энциклопедия, 1967. – 543 с.
10. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высш. шк., 1985. – 160 с.
11. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1958.
12. Шумилова Г.Г. Семантико-синтаксические свойства фразеологизмов предикативной семантики модели «не или ни + падежная форма имени существительного» в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 1969. – 218 с.
13. Гюльмагомедов А.Г. Частица не как семантический компонент фразеологических единиц русского языка и вопросы лексикографирования с частицей не // Вопросы семантики фразеологических единиц. – Ч.1. – Новгород, 1971.
14. Бродский И.Н. Отрицательные высказывания. – Л., 1973.
15. Лебединская В.А. О фразеологических единицах, употребляющихся преимущественно в форме третьего лица // Вопросы современного русского литературного языка / Грамматический строй и стилистика. Вып. 23. – Челябинск, 1968. – С. 75-82.
16. Алефиренко Н.Ф. Творческие вопросы фразеологии. – Харьков: Высш. шк., 1987. – 135 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Семантическое пространство слова «честь» в идиостиле Ф.М. Достоевского

Языковая картина мира в творчестве Достоевского включает в себя малую подсистему, в центре которой стоит слово *честь*: в полном собрании сочинений и писем писателя это слово в свободных и устойчивых словосочетаниях встретилось более 700 раз. Неравнозначна при этом употребительность отдельных форм. Во всех текстах полного собрания сочинений писателя омонимичные формы именительного и винительного падежей (*честь*) встретились 445 раз, именительного множественного, родительного, дательного и предложного единственного (*честь*) – 223 раза, творительного единственного (*честью*) – 35 раз, родительного множественного (*честей*) – 2 раза.

Писатель втягивает в орбиту размышлений над смыслом этого слова своих героев и читателей: «Слово “честь” значит долг», - утверждает Версиков в «Подростке». «Шпага, сударь, есть честь!» - горячится генерал, когда один из героев заявляет: «Я не понимаю, что такое шпага». Князь Мышкин, философствующий и сомневающийся, говорит Настасья Филипповна: «Я, может быть, смешно очень выразился и был сам смешон, но мне казалось, что я ... понимаю, в чем честь, и уверен, что я правду сказал».

Устами Версикова Достоевский излагает теорию о связи понятия «честь» с «главенствующим сословием» в государстве:

«Когда в государстве господствует главенствующее сословие, тогда крепка земля. Главенствующее сословие всегда имеет свою честь и свое исповедание чести, которое может быть и неправильным, но всегда почти служит связью и крепит землю; полезно нравственно, но более политически. Потерпят рабы, то есть все не принадлежащие к сословию. Чтоб не терпели — сравниваются в правах. Так у нас и сделано, и это прекрасно. Но по всем опытам, везде доселе (в Европе то есть) при уравнении прав происходило понижение чувства чести, а стало быть, и долга. Эгоизм заменял собою прежнюю скрепляющую идею, и всё распалось на свободу лиц. Освобожденные, оставаясь без скрепляющей мысли, до того теряли под конец всякую высшую связь, что даже полученную свободу свою переставали отстаивать».

Насыщенная витиеватыми оборотами, речь Версикова содержит рыхлые и довольно путанные мысли об утрате дворянской чести, об отличиях между русским и европейским типом дворянства, о появлении «собрания

лучших людей», пришедших на смену привилегированной касте дворянства: «Но русский тип дворянства никогда не походил на европейский. Наше дворянство и теперь, потеряв права, могло бы оставаться высшим сословием, в виде хранителя чести, света, науки и высшей идеи и, что главное, не замыкаясь уже в отдельную касту, что было бы смертью идеи. Напротив, ворота в сословие отворены у нас уже слишком издавна; теперь же пришло время их отворить окончательно. Пусть всякий подвиг чести, науки и доблести даст у нас право всякому примкнуть к верхнему разряду людей. Таким образом, сословие само собою обращается лишь в собрание лучших людей, в смысле буквальном и истинном, а не в прежнем смысле привилегированной касты. В этом новом или, лучше, обновленном виде могло бы удержаться сословие».

Тирада Версилова завершается резкой оценочной репликой князя:

«Это какое же будет тогда дворянство? Это вы какую-то масонскую ложу проектируете, а не дворянство».

В 19 веке активно употреблялось слово «честь»: в произведениях А.С. Пушкина зафиксировано 446 его употреблений в форме им.-вин. падежа (соответственно у Ф.М. Достоевского- 445, у А.П. Чехова- 395) Менее частотны, но достаточно активны формы род.-дат.-предл. (честь) и твор. (честью) падежей. В середине 19 в. интенсивность использования слова «честь» и фразеологизмов, образованных с компонентом **честь**, сохраняется. Ф.М. Достоевский, активно использовавший их, чаще употребляет слово «честь» и фразеологизмы с этим компонентом в художественных произведениях и критических статьях. Более разнообразными становятся фразеологизмы с компонентом **честь**: поставить себе за честь, досталась честь, делать честь, считать за честь, приносить честь, посягать на честь, возратить честь, отклонить честь, честь и слава, честь и преуспеяние (ср. у Пушкина: попасть в честь, снискать честь, обидеть вдовью честь, вступить за честь, хвала и честь, отдать честь, забыть честь, гордость и честь, честь и место).

Этикетный фразеологизм «имею честь» встретился в его текстах 77 раз (ср. с пушкинским количеством - 174 раза). К этикетным фразеологизмам **имею честь** (поздравить, быть, кланяться, представить и т.д.) Ф.М. Достоевский почти равнодушен: А.С. Пушкин в начале 19 века и А.П. Чехов в конце использовали их в собственной речи и речи своих героев в три раза чаще. Достоевский как будто пытается расширить смысл этого слова разнообразной сочетаемостью и синонимическими оппозициями с другими словами, ср.: поставить себе за честь, вменить себе в честь, делает честь, считать за честь, приносить честь, поруганная честь, фамильная честь, честь семейства, получить честь, втираться в честь семейств, погубить честь, потребовать честь, проповедовать честь и т.д. и т.п.

Достоевскому слово «честь» представлялось знаковым для России. Несмотря на то, что Россия - «страна деревянная, нищая и опасная (ср.

«Святая Русь, страна деревянная, нищая и... опасная, страна тщеславных нищих в высших слоях своих, а в огромном большинстве живет в избушках на курьих ножках. Она обрадуется всякому выходу, стоит только растолковать. Одно правительство еще хочет сопротивляться, но машет дубиной в темноте и бьет по своим. Тут всё обречено и приговорено. Россия, как она есть, не имеет будущности»). Русские люди в своих поступках любят руководствоваться честью: «Неужели вы думаете, — начал он опять с болезненным высокомерием, оглядывая меня с ног до головы, — неужели вы можете предположить, что я, Степан Верховенский, не найду в себе столько нравственной силы, чтобы, взяв мою коробку, — нищенскую коробку мою! — и взвалив ее на слабые плечи, выйти за ворота и исчезнуть отсюда навеки, когда того потребует честь и великий принцип независимости?»

Тот же Версиков связывает честь с «главенствующим сословием» на Руси: «Когда в государстве господствует главенствующее сословие, тогда крепка земля. Главенствующее сословие всегда имеет свою честь и свое исповедание чести, которое может быть и неправильным, но всегда почти служит связью и крепит землю; полезно нравственно, но более политически».

Глубоки и мучительны раздумья самого Ф.М. Достоевского о том, что есть честь. В дневнике 1875-1876 гг. он пытается найти истоки чести в религии и вере русского православного человека в Христа: «Отделить судьбу мистическую от гражданской. Тут речь вовсе не о том, (...) об чем вы думаете. Хотя элемент веры очень важен в народе. Здесь же, в настоящем случае, элемент веры в живой жизни, есть честь, совесть, человеколюбие, источник всего - Христос. Что ж, вы, что ли, лучше Христа? Я вам не представил ни одной мистической идеи» (Записная тетрадь 1875-1876 гг.).

В том же дневнике писатель, освобождая понятие честь от сословной прикрепленности к дворянству, к аристократам, считает ее признаком, принадлежностью лучших людей: «Лучшие люди. Вопрос, чтоб узнать, что такое лучшие люди...и ставить нельзя: всякая сила, хотя бы и дурная, но что в самом деле лучшие люди? Просто честный человек, христианин. Стало быть, завидовать нечему. Но надо, чтоб и аристократ уважал такого. Надо настроить так общественное мнение. Лучший человек и всегда был так, но не там, где аристократы. Сильные люди. Не сильные лучшие, а честные. Честь и собственное достоинство только сильнее всего» (Записная тетрадь 1875-1876 гг.).

Выяснив, что «не сильные лучшие, а честные», Достоевский продолжает искать идеал чести, честного человека: «ЛУЧШИЕ ЛЮДИ. Главное. Где лучшие люди? Мы не остались при сословии и предрассудке, а лишь при идеале. Литературный идеал - демократ. Народный идеал доброго человека лучше».

На протяжении всех романов Достоевского, всех его дневников и писем, на страницах его публицистических произведений длится нескончаемая дискуссия о чести и бесчестье. Участники дискуссии высказывают самые ортодоксальные теории, тезисы, положения, волнуются о судьбе России, пытаются постичь специфику русской чести, не всегда они озабочены поисками доказательств, часто только высказывают категоричные субъективные мнения. Достоевский, как и полагается русскому политизированному писателю, вкладывает свои мысли в уста своих героев. В «Бесах» спор о чести ведут Ставрогин и Кармазинов.

Петр Степанович Ставрогин, достигший «быстрых успехов» («перезнакомился почти мгновенно со всем городом», «у губернатора... был тоже принят прекрасно», слыл когда-то «заграничным революционером»), не может отказаться от понятия честь:

«Сколько я вижу и сколько судить могу, вся суть русской революционной идеи заключается в отрицании чести. Мне нравится, что это так смело и безбоязненно выражено. Нет, в Европе еще этого не поймут, а у нас именно на это-то и набросятся. Русскому человеку честь одно только лишнее бремя. Да и всегда было бременем, во всю его историю. Открытым «правом на бесчестье» его скорей всего увлечь можно. Я поколения старого, и, признаюсь, еще стою за честь, но ведь только по привычке. Мне лишь нравятся старые формы, положим по малодушию; нужно же как-нибудь дожить век» (Бесы).

Противостоит ему в споре «великий писатель», «тщеславный, избалованный и оскорбительно-недоступный для избранных господин, «почти государственный ум» («умнейший в России человек», по мнению Петра Степановича), «коновод всего тайно-революционного в целой России», «один из самых посвященных в секреты русской революции и имеющий неоспоримое влияние на молодежь, Кармазинов, создавший учение об отрицании чести, потому что «откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь».

Новы, неожиданны, семантически неоднозначны контекстные оппозиции слова честь у Достоевского: честь - шпага, честь - свет, честь - идея, честь - наука, честь - доблесть, честь - долг. Эти оппозиции обогащают смысловое содержание древнейшего русского слова.

В русском языке многие столетия сохраняются многочисленные пословицы и поговорки со словом **честь**: пора и честь знать; была бы честь предложена; береги честь смолоду; честь лучше бесчестья; честь честью, а дело делом; честь и слава законно воюющим; честь ум рождает; чести утрата - большая беда; чести к коже не пришьешь; честь и место; на дурака чести не напасешься; худая честь, коли нечего есть. Меняются времена - меняется жизнь, но некоторые из этих пословиц остаются незбылемыми как заповеди. Помнили их и Пушкин, и Достоевский, и Чехов, в произведениях которых они встречаются довольно часто: пора и

честь знать; береги честь смолоду; честь и место; едина честь на луне, едина солнцу.

Семантическое пространство слова **честь** в идиостиле Ф.М. Достоевского позволяет обнаружить характерные черты российского менталитета середины 19 века и индивидуальное видение мира одним из самых психологичных и острых по эмоциональному восприятию действительности писателей. Наблюдения за функционированием слова **честь** в русском языке позволяют отнести понятие, обозначаемое им, к основополагающим концептам русской культуры.

Компонент «честь» встречается во фразеологических единицах у Достоевского очень часто. При этом фразеологизмы могут иметь разнообразную частеречную семантику, чаще - процессуальную: погубить честь, сделать честь; вести честь; втереться в честь и т.п.; реже - предметную, модальную, наречную, релятивную: честь фамилии, поруганная честь, честь честью, в честь, честь и место и т.п.

Предметные фразеологизмы с компонентом «честь» не так разнообразны по семантическим свойствам: некоторые из них называют людей (рыцарь чести, герой чести и совести, люди чести, ангел чести и добродетели, хранитель чести, судья чести), другие обозначают абстрактные понятия: большая честь, великая честь, поруганная честь, дело чести, пункт чести, чувство чести, чутье чести, защита чести, честь и совесть, долг и честь, честь первого шага, честь первого слова и др. под.

Рыцарем чести называет себя Митя Карамазов: «А вы и не знали! — подмигнул ему Митя, насмешливо и злобно улыбнувшись. — А что коль не скажу? От кого тогда узнать? Знали ведь о знаках-то покойник, я да Смердяков, вот и все, да еще небо знало, да оно ведь вам не скажет. А фактик-то любопытный, черт знает, что на нем можно соорудить, ха-ха! Утешьтесь, господа, открою, глупости у вас на уме. Не знаете вы, с кем имеете дело! Вы имеете дело с таким подсудимым, который сам на себя показывает, во вред себе оказывает! Да-с, ибо я рыцарь чести, а вы — нет!». «Позвольте, отец игумен, я хоть и шут, и представляюсь шутом, но я рыцарь чести и хочу высказать. Да-с, я рыцарь чести, а в Петре Александровиче — прищемленное самолюбие и ничего больше. Я и приехал-то может быть сюда давеча, чтобы посмотреть да высказать».

В дневниках и художественных произведениях Ф.М. Достоевский выявляет разные типы чести, имевшие место в жизни России и вызывавшие дискуссии в разных социальных слоях: женская честь, фамильная честь, своя честь, рыцарская честь, дворянская честь, военная честь, ложная честь, русская честь и т.д.

О фамильной чести рассуждают персонажи в «Бесах»:

«Что это такое значит фамильная честь и незаслуженный сердцем позор?»

И далее: «Это... это, тут было больше вино, Петр Степанович. (Он под-

нял вдруг голову.) — Петр Степанович! Если фамильная честь и незаслуженный сердцем позор возопиют меж людей, то тогда, неужели и тогда виноват человек? — взревел он, вдруг забывшись по давешнему».

В дневниках и записных книжках писателя в разные годы появляются рассуждения о типах чести: «Нравственные же вещи Европы нельзя копировать; мстительность, возмездие, жестокость, честь рыцарская - всё это очень плохо». «Сабуров и Андриянова. Украл 30000 без всякого чувства дворянской чести». «Копейкин, дворянская честь, дворянская шпага, привитая Петром, — всё по боку. А тут западники стали на внешнем изменении. Механически ждут от внешних форм спасения. Это последнее слово западников»». Записная тетрадь 1875-1876 г. «Конечно: это только тупая гордость, это ограниченное чувство воинской чести, но это чувство благородное, смелое; это уже человек, а не раб; стало быть, еще не всё потеряно; разврат и разрушение не охватили еще своим огнем всего, не спалили, не заразили еще всей души общества» (Ответ «Русскому вестнику»).

«В старину у нас европейской чести не было, наши бояре ругивались и даже дирались между собою откровенно, и плюха за большую и окончательную поруху чести не считалась. Но зато у них была своя честь, хоть и не в европейской форме, но не менее чем там священная и серьезная, и из-за этой чести боярин пренебрегал иной раз всем — состоянием своим, положением своим при дворе, даже царскою милостью. Но, с переменою костюма и с введением европейской шпаги, началась у нас новая, европейская честь и — в целые два века не принялась серьезно, так что старое забыли и оплевали, а новое приняли недоверчиво и скептически. Приняли, так сказать, механически, а душевно позабыли, что значит честь, и сердечную потребность в ней утратили, и это, страшно признаться, за весьма, может быть, малыми исключениями» (Дневник 1877 г.).

Достоевского можно считать автором окказионального фразеологизма «условная честь». По его мнению, декабристы были последними носителями дворянской чести, но, увлекшись западническими идеями, они не смогли бы освободить народ. В этот момент в России зарождается новый тип чести — «условная честь»:

«14-ое декабря было диким делом, западническою проделкою, зачем мы не лорды? Русский царь играл тоже в эту игру (с Екатерины начиная). Но Екатерина была гениальна, а Александр - нет. Освободили ли бы декабристы народ? Без сомнения нет. Они исчезли бы, не продержавшись и двух-трех дней. Михаилу, Константину стоило показаться в Москве, где угодно, и всё бы повалило за ними. Удивительно, как этого не постигали декабристы. Необразованность, потребность впутаться, мерзавца, как Пестель, считать за человека, - то же и теперь: члены Земледельческого клуба. Меж тем с исчезновением декабрист<ов> исчез как бы чистый элемент из дворянства. Остался цинизм: нет, дескать, честно-то, видно, не

проживешь. Явилась условная честь (Ростовцев) - явились поэты» (Записная тетрадь 1875-1876 гг.).

Многие предметные фразеологизмы включают в свой состав слово «честь» в форме родительного падежа: дело чести, пункт чести, чувство чести, чуть чести, защита чести, долг чести, законы чести, поле чести, исповедание чести, требование чести, отрицание чести, формула чести, правила чести, обязанность чести и т. л. Бывший родительный определительный привносит в такие фразеологизмы общую сему «имеющий отношение к чести».

Самым частотным по употребительности является фразеологизм чувство чести: «Но я хочу лишь сказать только, что, несмотря на все эти правила, принципы, религии, цивилизации, в человечестве спасается ими всегда только самая незаметная кучка, — правда, такая, за которой и остается победа, но лишь в конце концов, а в злобе дня, в текущем ходе истории люди остаются как бы всё те же навсегда, то есть в огромном большинстве своем не имеют никакого чуть-чуть даже прочного понятия ни о чувстве долга, ни о чувстве чести, и явись чуть-чуть лишь новая мода, и тотчас же добежали бы все нагишом, да еще с удовольствием».

Окказиональным следует признать фразеологизм «пункт чести»: «Я испугался того, что меня все присутствующие, начиная с нахала маркера до последнего протухлого и угреватого чиновнички, тут же увивавшегося, с воротником из сала, — не поймут и осмеют, когда я буду протестовать и заговорю с ними языком литературным. Потому что о пункте чести, то есть не о чести, а о пункте чести (*point d'honneur*), у нас до сих пор иначе ведь и разговаривать нельзя, как языком литературным. На обыкновенном языке о «пункте чести» не упоминается» (Подполье).

Таким образом, на формирование предметных фразеологизмов с компонентом «честь» оказывают влияние синтаксические структуры подчинительного словосочетания и сочинительного сочетания слов (чувство чести, долг и честь), на базе которых создается предметная фразеологическая семантика двух разновидностей: наименования людей и обозначения абстрактных понятий.

Некоторые из рассматриваемых предметных фразеологизмов превратились в архаизмы: рыцарь чести, герой чести и совести, люди чести, ангел чести и добродетели, хранитель чести, судья чести, рыцарская честь, дворянская честь, поле чести, исповедание чести, требование чести, отрицание чести, формула чести и др.

Процессуальные фразеологизмы с компонентом **честь** более широко представлены в исследуемой подсистеме. Слово «честь» имело разнообразную сочетаемость с глаголами абстрактной и конкретной семантики, создавая при этом процессуальные фразеологизмы трех семантических субкатегорий – деятельности, состояния и отношения.

Номинативные процессуальные фразеологизмы с компонентом **честь**

чаще всего характеризуют такое состояние субъектов, которое имеет то или иное отношение к понятию «честь»: **попасть в честь, считать за честь, получить честь, знать честь, марать честь, не стоить чести, понимать честь, потерять честь, приносить честь, уберечь честь, удостоиться чести, укрепить честь, затронуть честь, сохранить честь, бояться за свою честь, позорить честь семейства** и под.

Весьма точно описывает Достоевский изменение состояния одного из героев романа «Село Степанчиково и его обитатели», Фомы Фомича Опискина:

«Теперь представьте же себе, что может сделаться из Фомы, во всю жизнь угнетенного и забитого и даже, может быть, и в самом деле битого, из Фомы, втайне сластолюбивого и самолюбивого, из Фомы — огорченного литератора, из Фомы — шута из насущного хлеба, из Фомы в душе деспота, несмотря на все предыдущее ничтожество и бессилие, из Фомы-хвастуна, а при удаче нахала, из этого Фомы, вдруг попавшего в честь и в славу, возлелеянного и захваленного благодаря идиотке-покровительнице и обольщенному, на все согласному покровителю, в дом которого он попал наконец после долгих странствований?»

Писатель анализирует характерные детали изменившегося состояния:

«Наверстал-таки он свое прошедшее! Низкая душа, выйдя из-под гнета, сама гнетет. Фому угнетали — и он тотчас же ощутил потребность сам угнетать; над ним ломались — и он сам стал над другими ломаться. Он был шутком и тотчас же ощутил потребность завести и своих шутов. Хвастался он до нелепости, ломался до невозможности, требовал птичьего молока, тиранствовал без меры, и дошло до того, что добрые люди, еще не быв свидетелями всех этих проделок, а слушая только рассказы, считали все это за чудо, за наваждение, крестились и отплевывались» (Село Степанчиково и его обитатели).

Процессуальные фразеологизмы субкатегории деятельности называются, как правило, действия, относящиеся к ритуалу чести или дающие оценку интеллектуальной деятельности: **заявить честь, доказать честь, пролить кровь за честь, восстать за честь, вменять себе в честь, считать себе за честь, сделать честь, оказать честь** и др. под.

В 19 веке складывается особый ритуал чести, которого придерживались в бытовой и официальной обстановке русские люди разных сословий, Достоевский фиксирует в своих романах этот особый речевой ритуал чести:

Прямо из города, благодетель! прямо оттуда, отец родной! все расскажу, только позвольте сначала честь заявить, — проговорил вошедший старичок и направился прямо к генеральше, но остановился на полдороге и снова обратился к дяде...

А кто знает, может быть, и обратно, то есть уверены, что я и в самом деле так думаю. Во всяком случае, господа, оба мнения ваши я буду

считать себе за честь и особенное удовольствие. А отступление мое мне простите.

Слово **честь** послужило компонентом для немногочисленных процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения: купить честь, посягать на честь, возвратить честь и нек. др.

Такие фразеологизмы могут выражать различные отношения между людьми или предметами:

Тут он объявил мне, что ищет руки моей, что долгом своим почтует возвратить мне честь, что он богат, что он увезет меня после свадьбы в свою степную деревню, что он хочет там зайцев травить; что он более в Петербург никогда не придет, потому что в Петербурге гадко, что у него есть здесь в Петербурге, как он сам выразился, негодный племянник, которого он присягнул лишить наследства, и собственно для этого случая, то есть желая иметь законных наследников, ищет руки моей, что это главная причина его сватовства. (Ф.М. Достоевский. Честный вор).

Громко засвидетельствовали, что, во-первых, оба «служили королю» и что «пан Митя» предлагал им три тысячи, чтобы купить их честь, и что они сами видели большие деньги в руках его. (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы).

Ведь вы перед всеми — грубое-то словцо мое простите — разоблачаться не станете; вот так точно и бедный человек не любит, чтобы в его конуру заглядывали, что, дескать, каковы-то там его отношения будут семейные, — вот. А то что было тогда обижать меня, Варенька, купно со врагами моими, на честь и амбицию честного человека посягающими! (Ф.М. Достоевский. Бедные люди).

Возражение его прекрасно, я согласен, и делает честь его бесспорному уму; прекрасно уже тем, что самое простое, а самое простое понимается всегда лишь под конец, когда уж перепробовано всё, что мудреней или глупей; но я знал это возражение и сам, раньше Васина; эту мысль я прочувствовал с лишком три года назад... (Ф.М. Достоевский. Подросток).

Со словом **честь** в 19 веке русские люди, принадлежавшие, в основном к служилым, военным и государственным, чинам, использовали в своей речи фразеологизмы-связки: **иметь честь, считать за честь, не находить чести, оказать честь:**

Напротив, вы даже показали пренебрежение к нам и, может быть, ждали той минуты, когда я сам приду просить вас сделать нам честь отдать вашу руку моему сыну. Но все-таки я упорно оставался вашим недоброжелателем. Оправдывать себя не стану, но причин моих от вас не скрою. Вот они: вы не знатны и не богаты. (Ф.М. Достоевский. Униженные и оскорбленные). Поверьте, нет. Поверьте, не нахожу никакой чести называться Версиловым. (Ф.М. Достоевский. Подросток). Уж не

взыщите, ваше превосходительство, — сказала она, кланяясь, — а уж коль не погнушались нами, оказали честь к сыночку на свадьбу пожаловать, так уж просим милости, поздравьте вином молодых. Не погнущайтесь, окажите честь. (Ф.М. Достоевский. Скверный анекдот). Но послушайте, monsieur Де-Грие, — перебил я его, — вы вот и в этом деле взялись быть посредником. Я, конечно, «un outchitel» и никогда не претендовал на честь быть близким другом этого дома или на какие-нибудь особенно интимные отношения, а потому и не знаю всех обстоятельств; но разъясните мне: неужели вы уж теперь совсем принадлежите к членам этого семейства? (Ф.М. Достоевский. Игрок).

Широкую сочетаемость с разнообразными по семантике инфинитивами имел связочный фразеологизм «честь иметь»: видеть, знать, узнать, доложить, объяснить, прочесть, предупредить, начать, кончить, разъяснить, рекомендовать, рекомендоваться, принять, посетить, представить, просить, поздравить и др. под.

Употребляется он как в речи автора, в том числе в письмах и дневниках, так и в речи персонажей:

Еще в детстве его, в той специальной военной школе для более знатных и богатых воспитанников, в которой он имел честь начать и кончить свое образование, укоренились в нем некоторые поэтические воззрения: ему понравились замки, средневековая жизнь, вся оперная часть ее, рыцарство; он чуть не плакал уже тогда от стыда, что русского боярина времен Московского царства царь мог наказывать телесно, и краснел от сравнений. (Ф.М. Достоевский. Бесы). Великий писатель квартировал в доме своей сестры, жены камергера и помещицы; оба они, и муж и жена благоговели пред знаменитым родственником, но в настоящий приезд его находились оба в Москве, к великому их сожалению, так что принять его имела честь старушка, очень дальняя и бедная родственница камергера, проживавшая в доме и давно уже заведовавшая всем домашним хозяйством. (Ф.М. Достоевский. Бесы). Но барону я спустить не намерен, — продолжал я с полным хладнокровием, нимало не смущаясь смехом мсье Де-Грие, — и так как вы, генерал, согласившись сегодня выслушать жалобы барона и войдя в его интерес, поставили сами себя как бы участником во всем этом деле, то я честь имею вам доложить, что не позже как завтра поутру потребую у барона, от своего имени, формального объяснения причин, по которым он, имея дело со мною, обратился мимо меня к другому лицу, точно я не мог или был недостойн отвечать ему сам за себя. (Ф.М. Достоевский. Игрок).

Процессуальные фразеологизмы с компонентом **честь** могут быть многозначными, и тогда они относятся к разным субкатегориям. Так, фразеологизм **делать честь**, кстати, очень по-разному интерпретируемый во фразеологических словарях, может иметь как номинативный, так и релятив-

ный тип семантики, кроме того, в разных значениях он относится к разным субкатегориям. Анализ употреблений этого фразеологизма в полном собрании сочинений и писем Ф.М. Достоевского позволил выявить у него 5 значений:

1. Прощ., ном., деят.; кто кому. Сов. и несов. вида. Устар. Выказывать кому-либо почет, уважение.

Герой наш вышел от Петрушки весьма недовольный собою. К тому же грубостью и неподатливостью Петрушки он немного обиделся. «С шельмецом заигрывают, шельмецу барин честь делает, а он не чувствует, — подумал господин Голядкин. — Впрочем, такая уж тенденция подлая у всего этого рода!» Ф.М. Достоевский. Двойник.

Настасья Филипповна, — сказал князь, тихо и как бы с состраданием, — я вам давеча говорил, что за честь приму ваше согласие, и что вы мне честь делаете, а не я вам. Вы на эти слова усмехнулись, и кругом, я слышал, тоже смеялись. Я, может быть, смешно очень выразился и был сам смешон, но мне всё казалось, что я... понимаю в чем честь и уверен, что я правду сказал. Вы сейчас загубить себя хотели, безвозвратно, потому что вы никогда не простили бы себе потом этого: а вы ни в чем не виноваты. Быть не может, чтобы ваша жизнь совсем уже погибла. Ф.М. Достоевский. Идиот.

Это от добродетели твоей происходит; а буйный и глупый-то я, побирушка-то я; а вот же добрый человек меня не оставил небось; честь, вишь, делают; вот им и хозяйке спасибо; видишь ты, вот в поклон земной правлю, вот оно, вот; долг, долг исправляю, хозяйюшка! Ф.М. Достоевский. Господин Прохарчин.

Напротив, даже очень мило воспитан и с прекрасными манерами. Немного слишком простоват иногда... Да вот он и сам! Вот-с, рекомендую, последний в роде князь Мышкин, однофамилец и, может быть, даже родственник, примите, обласкайте. Сейчас пойдут завтракать, князь, так сделайте честь... А я уж, извините, опоздал, спешу... Ф.М. Достоевский. Идиот.

«Господи, мое ли это общество! — думал я. — И каким дураком я выставил себя сам перед ними! Я, однако ж, много позволил Ферфичкину. Думают балбесы, что честь мне сделали, дав место за своим столом, тогда как не понимают, что это я, я им делаю честь, а не мне они! «Похудел! Костюм!» Ф.М. Достоевский. Записки из подполья.

2. Прощ., ном., отн.; что чему. сов. и несов. вида. Книжн. Являться положительной характеристикой чего-либо.

На какой ляд дернуло меня идти к Дергачеву и выскочить с моими глупостями, давно зная за собой, что ничего не сумею рассказать умно и толково и что мне всего выгоднее молчать? И какой-нибудь Васин вразумляет меня тем, что у меня еще «пятьдесят лет жизни впереди и, стало быть, тужить не о чем». Возражение его прекрасно, я согла-

сен, и делает честь его бесспорному уму; прекрасно уже тем, что самое простое, а самое простое понимается всегда лишь под конец, когда уж перепробовано всё, что мудреней или глупей; но я знал это возражение и сам, раньше Васина; эту мысль я прочувствовал с лишком три года назад; даже мало того, в ней-то и заключается отчасти «моя идея». Вот что я думал тогда в трактире. Ф.М. Достоевский. Подросток.

Такое ретроградное желание, сударыня, — сказал незнакомец, стараясь не перевалиться как-нибудь к нам и устоять за порогом, — не делает чести вашему развитию и обуславливается недостатком фосфора в ваших мозгах. Вы немедленно будете освистаны в хронике прогресса и в сатирических листках наших... Ф.М. Достоевский. Крокодил.

3. Проц., ном., сост.; что кому. Употребляется преимущественно в форме третьего лица ед. числа несов. вида. Книжн. Положительно характеризовать кого-либо.

Ты пожалуйста не обижайся, Степан Трофимович, черта времени, я широко смотрю и не осуждаю, и это, положим, тебе делает честь и т. д., и т. д., но опять-таки главное в том, что главного-то не понимаю. Ф.М. Достоевский. Бесы.

Послушайте, Павел Павлович, мне решительно ведь все равно, согласитесь сами, знали вы там или не знали? Если вы не знали, то это делает вам во всяком случае честь, хотя... впрочем, я даже не понимаю, почему вы меня выбрали своим конфидентом?.. Ф.М. Достоевский. Вечный муж.

Ну, Аркаша! это даже делает честь тебе; я тебя, право, особенно уважать начинаю за вкус, — сказал Вася, плутовски схитрив в умилении своего сердца пред Аркашей, — прелесть твой челпик, но поди-ка сюда! Ф.М. Достоевский. Слабое сердце.

Поверьте, Варвара Петровна, что Николай Всеволодович нисколько не виноват, не ответил на ваш давешний вопрос тотчас же, радикальным объяснением, несмотря на то, что дело плевое; я знаю его еще с Петербурга. К тому же весь анекдот делает только честь Николаю Всеволодовичу, если уж непременно надо употребить это неопределенное слово «честь»... Ф.М. Достоевский. Бесы.

Если я схожусь с тобою в мыслях, то это делает мне только честь, — с деликатностью и достоинством проговорил джентльмен. Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы.

Такой взгляд делает вам честь, — великолепно одобрила Варвара Петровна. Юлия Михайловна стремительно протянула свою руку, и Варвара Петровна с полною готовностью дотронулась до нее своими пальцами. Всеобщее впечатление было прекрасное, лица некоторых присутствовавших просияли удовольствием, показалось несколько сладких и заискивающих улыбок. Ф.М. Достоевский. Бесы.

Наконец, один из товарищей, очень едкий малый и с которым я всего только в год раз разговаривал, с серьезным видом, но несколько смотря в сторону, сказал мне: Такие чувства вам, конечно, делают честь, и, без сомнения, вам есть чем гордиться; но я бы на вашем месте все-таки не очень праздновал, что незаконнорожденный... а вы точно именинник! Ф.М. Достоевский. Подросток.

Кажется идиот на этом тезисе, которому обучили его, и сошел с ума окончательно, хотя, конечно, повлияли на умственное расстройство его и падучая болезнь, и вся эта страшная, разразившаяся в их доме катастрофа. Но у этого идиота промелькнуло одно весьма и весьма любопытное замечание, сделавшее бы честь и поумнее его наблюдателю, вот почему даже я об этом и заговорил: «Если есть, сказал он мне, который из сыновей более похожий на Федора Павловича по характеру, так это он, Иван Федорович!» Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы.

4. Прощ., ном., деят., кто кому чем. Сов. и несов. вида. Выказывать кому-либо почет, уважение своим поступком, действием.

Но сознаться себе самой, что этот старый болтун осмеливается ее сожалеть и почти протезировать, понимая, что делает ей честь своим присутствием, было очень досадно. А генерал не отставал и всё болтал без умолку. Город, говорят, не стоит без семи праведников... Ф.М. Достоевский. Бесы.

Я хочу говорить то, что думаю, и уверен, что, выражая мнение о важности моей особы и моих интересов, не только не манкирую перед почтенным собранием, но даже делаю ему честь моею снисходительною откровенностью.

Да, mesdames, я с радостью готова поверить вам мою семейную тайну. Сегодня после обеда князь, увлеченный красотой и... достоинствами моей дочери, сделал ей честь своим предложением. Князь! — заключила она дрожащим от слез и от волнения голосом, — милый князь, вы не должны, вы не можете сердиться на меня за мою нескромность! Только чрезвычайная семейная радость могла преждевременно вырвать из моего сердца эту милую тайну, и... какая мать может обвинить меня в этом случае? Ф.М. Достоевский. Дядюшкин сон.

5. Прощ., репят., рац.; кто кому. Только сов. вида. Устар. Побуждать, приглашать кого-либо к действию.

Довольно ли вам этого объяснения, Аркадий Макарович, по крайней мере теперь, пока? Сделаете ли вы мне честь поверить вполне моей искренности? Ф.М. Достоевский. Подросток.

Прежде всего трепещущий и заискивающий Шенелон почтительнейше объявил графу, который «сделал ему честь удостоить его аудиенцией», что он явился от комитета вовсе не для того, чтобы «сметь предлагать графу какие-нибудь условия», но лишь для того, чтобы, так ска-

зять, «почтительнейше разъяснить положение дел» (буквальные выражения отчета).

Признаюсь, я до такой степени презираю всех моих обвинителей, настоящих и будущих, что никогда не соглашусь сделать им честь защищаться перед ними. И если говорю теперь перед таким почтенным собранием, то единственно для того, что сам хочу позабавиться.

Напротив, вы даже показали пренебрежение к нам и, может быть, ждали той минуты, когда я сам приду просить вас сделать нам честь отдать вашу руку моему сыну. Но все-таки я упорно оставался вашим недоброжелателем. Оправдывать себя не стану, но причин моих от вас не скрою. Вот они: вы не знатны и не богаты. Ф.М. Достоевский. Униженные и оскорбленные.

Именно подвернулся наш приятель Липутин. Он явился к Николаю Всеволодовичу тотчас после объяснений того с мамашей и убедительно просил его сделать честь пожаловать к нему в тот же день на вечеринку, по поводу дня рождения его жены. Ф.М. Достоевский. Бесы.

Алеша, вы, кажется, сошли с ума. Так как вечером во вторник ваш отец сам просил Наташу сделать вам честь быть вашей женою, вы же этой просьбе были рады, чему я свидетелем, то, согласитесь сами, ваше поведение в настоящем случае несколько странно. Знаете ли, что вы делаете с Наташей? Ф.М. Достоевский. Униженные и оскорбленные.

Соллогуб обегал всех и, зашедши к Краевскому, вдруг спросил его: Кто этот Достоевский? Где мне достать Достоевского? Краевский, который никому в ус не дуется и режет всех напрапалую, отвечает ему, что «Достоевский не захочет Вам сделать чести осчастливить Вас своим посещением». Оно и действительно так: аристократишка теперь становится на ходули и думает, что уничтожит меня величием своей ласки. Ф.М. Достоевский. Письма.

На наш взгляд, это еще не все значения, присущие этому фразеологизму. Изучение употреблений фразеологизма **делать честь** у других авторов может выявить как новые его значения, так и изменения в частотности использования значений и в их стилистической окраске.

Небрежную, неточную и неполную характеристику получил этот фразеологизм во «Фразеологическом словаре» под ред. А.И. Молоткова:

Делает честь кому, чему

«По достоинству характеризует кого-либо, что-либо».

Три значения выявлены у исследуемого фразеологизма во «Фразеологическом словаре» А.И. Федорова:

Делать честь кому. Сделать честь чему. Устар.

1. Оказывать уважение, внимание кому-либо.

2. Только в совершенном виде. В речевом этикете: устойчивый оборот, выражающий приглашение, побуждение к чему-либо.

3. Чему. Является заслугой, достоинством чего-либо.

Обе интерпретации следует признать недостаточными.

Смысловая ценность слова в лексических и фразеологических контекстах Достоевского отражает менталитет эпохи: середина 19 века не похожа ни на его начало, ни на его конец, хотя концептуальная связь контекстов с этим словом не прерывается на протяжении всего столетия. Достоевский использует это слово так же часто, как Пушкин, Чехов, Толстой, но в начале 20 века оно перестает быть употребительным, превращаются в архаизмы и историзмы многие фразеологические единицы с этим компонентом.

*Роль фразеологизмов с компонентами «дух» и «душа» в раскрытии внутреннего мира героев Ф.М. Достоевского**

Познать себя, чтобы понять окружающий мир, современника и человека вообще - такие задачи ставил перед собой великий русский писатель Ф.М. Достоевский. Поэтому часто слова **дух** и **душа** на страницах его произведений становятся предметом целенаправленного, внимательного, детального и вдумчивого писательского исследования. В художественных произведениях Достоевского эти слова встречаются более тысячи раз! Это говорит об огромном интересе писателя к внутреннему миру своих героев.

Слова **дух** и **душа** употребляются Достоевским как самостоятельные лексические единицы и как компоненты фразеологических единиц. Так, например, в предложении: «Удивительно, что может сделать луч солнца с душой человека!» («Униженные и оскорблённые») слово **душа** встречается в свободном употреблении. А в предложении «Монахи про него говорили, что он именно привязывается душой к тому, кто грешнее, и кто всех более грешен, того он всех более и возлюбит» («Братья Карамазовы») слово **душа** употребляется в составе фразеологизма. Или, например, слово **дух** в «Записках из мёртвого дома» встречается как самостоятельное слово: «Ругательство возведено было у них в науку; старались взять не столько обидным словом, сколько обидным смыслом, духом, идеей - а это утонченнее, ядовитее». А в предложении «Наконец она собралась с духом и начала говорить...» («Дядюшкин сон») слово **дух** - компонент фразеологизма.

В произведениях Достоевского фразеологизмы с компонентами **дух** и **душа** имеют различную частеречную семантику. Самой многочисленной

* В соавторстве с Севостьяновой М.С.

является группа процессуальных фразеологизмов, сюда относим: **падать (упасть) духом, испустить дух, воскреснуть духом, захватило дух, собраться с духом, душа разрывается (на части), душа перевернулась, душа в пятки ушла, души не слышит, открыть (открывать) душу** и др. Самый частотный фразеологизм здесь - **переводить (перевести) дух**. Встречаются такие предметные фразеологизмы, как **расстройство духа, упадок духа, сила духа, продажная душа, лакейская душа, добрая душа, пропащая душа** и др. Разряд призначных представлен такими единицами, как **расстроенный духом, не унывающий духом, твердый духом, весел духом, спокоен духом** и др. В произведениях Достоевского встречаются такие качественно-обстоятельственные фразеологизмы, как **ни сном ни духом, в душе, на душе, за душой, в глубине души, от (всей) души** и некоторые другие. К количественным отнесем такой фразеологизм, как **ни души**. Служебные фразеологизмы с компонентами **дух** и **душа** не встречаются. Из модальных есть равные междуометиям: **чтобы духу (чьего) здесь не было**. Душевный настрой героя может у Достоевского характеризоваться с помощью фразеологизма **не в духе**, соотносимого с категорией состояния.

Слова **дух** и **душа** в свободном употреблении и в составе фразеологизмов наиболее часто встречаются при характеристике и самохарактеристике тех героев, которые интересуют Достоевского, чей внутренний мир он пристально изучает. Это, например, князь Мышкин, Алеша Карамазов, Подросток. Подчеркивая целостность и гармонию внутреннего мира Алёши, Достоевский говорит о душе этого героя поэтическим языком. Например: «Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих, сияющих звёзд...». Или: «Это ободрило Алешу, у которого душа дрожала от слез». Интересно, что даже мысли Алёши Достоевский находит тут же, в его душе: «Обрывки мыслей в душе его загорались как звёздочки и тут же гасли, сменяясь другими, но зато царило в душе что-то целое, твердое, утоляющее». В отличие от Алёши Карамазова, слова Раскольников подчёркивают, что у него «ум с сердцем не в ладу», что он противопоставляет ум и душу, дух и разум. Он говорит: «И я теперь знаю, Соня, что кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин». Или: «Ты могла бы жить духом и разумом» («Преступление и наказание»).

Часто взволнованное состояние духа своих героев Достоевский показывает с помощью фразеологизмов **перевести (переводить) дух, дух захватило, пересекло дух, дух замирает, дух прервался**. Внутренний настрой своего героя писатель изображает, используя фразеологизмы **расположение духа, состояние духа**, встречается также выражение **настроение духа**. Достоевский очень точно показывает внутреннее состояние человека. Используя разнообразные определения, автор помогает увидеть движения души героя, понять его поступки. Автор не ог-

раничивается определениями грустное или весёлое, расположение духа его героев может характеризоваться как веселейшее или грустнейшее, и даже, к примеру, ангельское или фантастическое. Иногда о душевном настрое героя говорит сам автор. Например: «Павел Александрович был в превосходнейшем расположении духа» («Дядюшкин сон»). А иногда речь идет от лица героя. В этом случае состояние души максимально конкретизируется, сам герой называет свое состояние. Например: «Я воротился домой в ужасно веселом состоянии духа, хотя очень смутном» («Подросток»). Иногда настрой героя характеризуется как упадок духа. Например: «Но его веселие, хотя и восторженное, видимо было какое-то непрочное и моментально могло смениться совершенным упадком духа...» («Подросток»).

В художественных произведениях Достоевского более двухсот раз встречается слово **душа** в форме дательного падежа единственного числа. Оно употребляется самостоятельно в значении «внутренний мир человека, его переживания, настроения» и «нематериальное бессмертное начало в человеке, связывающее его с богом»; а также в составе фразеологизмов в душе, на душе, по душе (не по душе). Это объясняется огромным интересом писателя к внутреннему состоянию героя. Достоевский позволяет персонажу высказаться, раскрыть то, что есть в его душе, что просится наружу или скрыто за семью замками. Например: «Грусть, тоска такая напала! На сердце холодно, на душе темно; в памяти всё вы были...» («Бедные люди»). Или: «Бывало, в воскресенье дома резвишься, прыгаешь, иной раз и побранит матушка- всё ничего, всё хорошо на сердце, светло на душе» («Бедные люди»). Здесь мы видим, что героиня говорит и о душе, и о сердце одновременно, показывая свое внутреннее состояние. На душе - светло или темно, а на сердце - хорошо, легко или тяжело. Но иногда душа и сердце являются вариативными компонентами фразеологизмов.

Чутко и внимательно выслушивает своих героев Достоевский, когда они изливают свою душу или пытаются скрыть за словами глубокие переживания. Смело и правдиво изображает он внутренний мир человека, оставляя последнее слово недосказанным, считая невозможным понять до конца безбрежный океан души, меняющий погоду каждое мгновение. Всегда в центре внимания у него человек – сложный, неоднозначный, живой, страдающий. Он показывает нам такого человека, и большую роль здесь играют фразеологизмы с компонентами **дух** и **душа**. Но идеал Достоевского - человек прежде всего свободный духом, и свобода эта - в боге. Поэтому так упорно изучает Достоевский душу современного ему человека, да и человека вообще, ища в ней искорку божьего духа как источник единения людей.

Предметный мир в поэзии К. Бальмонта

Поэтический язык, представляющий собой индивидуальную картину мира, есть высшее проявление национального языка в его эстетической функции. Русская языковая картина мира во всей ее сложности, изысканности и глубине может быть понята только при изучении устной и письменной форм речи, художественного прозаического и поэтического слова, а также стилистически ограниченных срезов деловой, научной и публицистической речи.

К. Бальмонт, безусловно, является харизматической личностью. Это понятие введено в литературоведческий обиход в словаре «Константы: словарь русской культуры», автор которого – Юрий Сергеевич Степанов, филолог и философ, академик РАН, автор работ, получивших мировое признание, по вопросам теории и философии языка, истории культуры [Степанов, 2001].

Имя Бальмонта в русском литературоведении подается как в пейоративном, так и в мелиоративном контексте. Ему воздавали и хвалу и хулу. Любопытную оценку творчества поэта дали другие поэты, его современники.

Закономерности формирования и функционирования поэтической речи могут быть выявлены при изучении идиостиля поэта, его главных составляющих – лексики и фразеологии. Цель данного исследования – построить модель предметного фразеологического мира на материале стихотворений К. Бальмонта, вошедших в сборники «Тишина» и «В безбрежности». Ко времени выхода сборника в свет тридцатилетний поэт был признанным мастером-символистом.

В двух сборниках стихов выявлено 802 употребления фразеологизмов, из которых более трехсот приходится на долю предметных.

Фрагмент картины мира, выраженный предметными фразеологизмами, представлен многоаспектно. Большое разнообразие семантики и структуры характеризует их, ср.: *боль Мира, вестник Мая, вольный ветер, Враги беспокойного мира, Голубиная книга, Голос Молчания, жар души, Звезды неправых Небес, мечты без названия, Небесная кадьница, Судьбы неправый суд, храм Гениев единственных, черная измена, темная ночь жизни, старая любовь, сказка морских глубин, властитель зла и ночи.*

Фрагмент индивидуальной картины мира начинают живописать предметные фразеологизмы, обозначающие конкретные предметы. Мир конкретных предметов состоит из натурфактов (*бледный серп луны, небесная кадьница, звезда пустыни, оплоты мира, воздушный белый храм, огненный столб и под.*) и артефактов (*мертвые корабли, светлые одежды, белый парус, альпийский рожок*).

Особые участки предметной картины мира представлены вещественными (*Балтийские воды* (Стекло **Балтийских вод** под ветром чуть дро-

жало), *плакун-трава* (С той поры до дней текущих Только Правдой и жива Меж цветов и трав цветущих Жизни грусть, **плакун-трава**), *предвечным снегам* (Где ласка горячего лета Лишь снится **предвечным снегам**) и др.) и собирательными предметными фразеологизмами (*смертные Земли* (Внемлите, **смертные Земли**, Я Тот, Кто был, Кто есть, Кто будет), *Люди родные* (**Людей родных** мне далеко страданье, Чужда мне вся Земля с борьбой своей), *дети Эфира* (И шепчут: «Мы - **дети Эфира**, Мы - любимцы немой тишины, Враги беспокойного мира, Мы - пушистые чистые сны) и др. под.

Первая закономерность описываемой подсистемы - преобладание неодушевленных фразеологизмов над одушевленными. Одушевленные предметные фразеологизмы называют, в основном, вымышленных живых существ мужского и женского пола (*Гений Света, гений светлоокий, стихийный гений, Гений гор, светлый дух, белый призрак, сын Земли, Избранник Судьбы; Матерь Бога, незримая душой, чужая жена*), собирательные множества людей (*дети Эфира, смертные Земли, отверженные братья, люди первородные*). Четыре фразеологизма называют вымышленных символических животных: *лебедь белый, лебедь чистый, птица Страшим, венчаный змей*.

Весь этот вымышленный поэтом мир живых существ страдает, любит, мучается, бродит по земле и Небу небес, выполняя волю неистового Бальмонта:

Из-за лесов и морей,
Медлит на высях обрывистых гор,
Смотрится в зеркало синих озер,
Мчится **Богиня Рассвета**...

Вторая закономерность - четырехкратное преобладание абстрактных предметных неодушевленных фразеологизмов над конкретными. Тематика сборников выражена абстрактными предметными фразеологизмами, обозначающими философские, психологические, социальные понятия: *таинственный зов, правда небес, земная жизнь, сила жизни, сладкая смерть, Высший Сон, Безмолвный Глагол, немые голоса, Голос молчания, Египетские ночи, персидский ритуал, земная печаль и т.п.*

Поэтический хронотоп К. Бальмонта создается названиями пространства и времени: *царство звезд, царство подводное, Царство белой смерти, царство живых видений, царством белых льдов, царство могилы, царство сказок и чудес, царство звезд, туманность эфира, нездешние миры, Золотая Звезда; непознанный час, темная ночь жизни, час успокоения и мн. др.*

Природа в сборнике «Тишина» редко выражена фразеологическими номинациями: *белый снег, вечный ветер, черная гроза, предвечные снега, тени Чудесного и др.* Особые чувства вызывало у Бальмонта море. «*Море синее, «море - вечное стремление», «пустыня ледяная», «цар-*

ство белых льдов», «царство живых видений» и «царство белой смерти», всегда привлекало поэта, который слышал «сказку морских глубин», сжился «душой морской с вечным ветром, с Морем синим», «всегда свободный, всегда один».

Созданная в сборнике «Тишина» картина предметного мира являет нам эстетику К. Бальмонта, выражает лирическое я поэта, позволяет нам увидеть мир в символах, создающих настроение огромного мира, в котором человек чувствует себя призраком, духом, Гением, погруженным в размышления, в чувства.

В построении формы предметных существительных принимают участие имена прилагательные.

Большая зыбкость прилагательного, а отсюда и его большая символичность, так как прилагательное не навязывает нашему уму сковывающей существенности, делает прилагательное едва ли не самым любимым словом Бальмонта.

118 качественных прилагательных создают предметные фразеологизмы, привнося в них цветовую символику (*черная гроза, черная измена, черная подземная пустыня, белый лебедь, белые крыла, белые цветы, царство белых снегов, светлая слава, светлые одежды, светлый гений, сын светлый, светлый сон, темная судьба, темная ночь жизни, темные сонмы рабов, синее Море, синяя безбрежность, синие дали, лазурная мгла*), звуковые эффекты (*даятель немых сновидений, немые голоса, немые корабли, тихое царство мертвых гор*).

Любимые прилагательные Бальмонта - вечный, предвечный, родимый, родной, чужой, нездешний (*чужая жена, чужая сторона, чужие края, родимая межа, тени родные, предвечные снега, предвечная завеса, нездешняя любовь, нездешние миры, нездешние цветы, вечная Красота, вечное счастье, вечная тревога*).

Спектр относительных прилагательных компонентов предметных фразеологизмов также многообразен: они вносят в семантическую структуру фразеологизма семы времени (*полуденный час, час вечерний, час ночной, вечерняя звезда, ночная тишина, липы вековые, полночный лес*), пространства (*земное страдание, пути небесные, обитель земная, земная жизнь, дальние страны, дальние звезды, волны морские, мирные нивы, небесная кадьница, неземные цветы, кошмар мировой*), отношение к стране, народу (*испанская столица, персидский ритуал, русские женщины, сон Египетских ночей*).

«Стих это - новое яркое слово, падающее в море вечно творимых». Это и бесконечно новая поэтическая фразеология, неустанно создаваемая пульсирующей, творимой в процессе свободного художественного отображения реальной и вымышленной действительности мыслью поэта. Предметный мир, созданный поэтом-символистом, есть часть индивидуальной картины мира.

Конец XX века ознаменован лексикографическим бумом: созданы и создаются ортологические словари, продолжается работа над толковыми словарями, актуальной становится авторская лексикография.

Изучение фразеологии К.Д. Бальмонта позволит создать материальную базу для авторского фразеологического словаря.

*Концепт «роза» в поэтической фразеологии К. Бальмонта**

Поэтическая фразеология в последнее время все чаще становится объектом рассмотрения в теоретической и прикладной лингвистике. Полемика ведется вокруг понятия «поэтический фразеологизм» (некоторые исследователи обнаруживают поэтические фразеологизмы в прозаической речи [1], применяя этот термин для анализа стилистической квалификации фразеологии. Слово «поэтический» многозначно. В Большом академическом словаре современного русского литературного языка [2, 1767] отмечено 3 значения: «1. Относящийся к поэзии (в 1 и 2 знач.); 2. Проникнутый поэзией (в 3-местоименн знач.); 3. Обладающий повышенной эмоциональностью». Мы использовали слово «поэтический», соотнося его со словом поэзия во втором значении: «2. Стихи, стихотворная ритмическая речь (противоп.: проза)» [2, 1762]. Таким образом, в нашем понимании, поэтическая фразеология – это совокупность фразеологизмов, использованных с изменениями и без изменений, в узуальном и окказиональном употреблении в стихотворных произведениях.

Анализу подвергнута поэтическая фразеология разных русских поэтов. Особенно повезло А.С. Пушкину. Активизировалось изучение поэтической фразеологии поэтов-символистов: Бальмонта К. (М. Лебединская), Ходасевича Вл. (Гончарова Н., Коршкова Е.), Мандельштама О. (Гончарова Н.).

В нашей статье объектом анализа избран концепт «роза» в лексической и фразеологической реализации.

Слово «роза» как лексическая единица и как компонент фразеологизмов, безусловно, заслуживает исследовательского внимания. В поэтической речи оно широко используется как символ, концепт, на базе которого создаются разнообразные семы фразеологических единиц.

Отдали дань этому цветку поэты-символисты.

К. Бальмонт – «старший символист». Ему покровительствовал патриарх символистов – И. Аннинский, написавший о нем сокровенную статью «Бальмонт – лирик», сам Бальмонт покровительствовал Юргису Балтрушайтису, сотрудничал в одних журналах с Брюсовым, Блоком, З. Гиппиус, Д. Мережковским, Ф. Сологубом, Вяч. Ивановым, уже «младшими символистами».

Так, лексические и фразеологические единицы, реализующие концепт

* В соавторстве с М.И. Лебединской

«роза», встречаются в стихах Вяч. Иванова, который создал, возможно, лучшую из перифраз для обозначения розы, назвав ее «солнцевым перстнем». Словом «роза» Вяч. Иванов часто заканчивает стихотворную строчку, что придает этим стихам характер магических заклинаний и выявляет разнообразный символический потенциал этой лексемы:

Страж последнего порога — Роза.
Дверь невестина чертога — Роза.
Разомкнутся с тяжким стоном цепи;
Но твое мерило строго, Роза.
Меж столпов, меж алмазных, рдеет
И струит дыханье Бога — Роза.

По аналогии с «розой ветров» Вяч. Иванов создает множество окказиональных фразеологизмов: *роза дня, роза меча, роза преобразования, роза союза, роза обручения, роза вечных врат, роза трех волхвов, роза возврата*. Как правило, таким целостным по значению словосочетанием называется стихотворение, в котором формируется индивидуальное целостное значение окказионального фразеологизма.

Слово «роза» и фразеологизмы с этим словом встречаются в стихах старшего символиста К. Бальмонта. Именно он в одном из своих стихов вспоминает перифразу, обозначающую розу:

Вот пышная роза, Персидский цветок,
Душистая греза Ирана,
Пред розой исполнен влюбленных я строк,
Волнует уста лепестков ветерок,
И сердце от радости пьяно.

Символический смысл приобретают окказиональные фразеологизмы с компонентом «роза», соединенным с цветковым прилагательным: *алая роза, белая роза, голубая роза, розовая роза, черная роза*.

В одном из стихотворений – «Алая и белая» – возникают индивидуальные значения «алая роза» – жизнь, «белая роза» – смерть, ср.:

Мы встретились молча. Закат умирал запоздалый.
Весь мир был исполнен возникшей для нас тишиной.
Две розы раскрылись и вспыхнули грезой усталой,—
Одна — озаренная жизнью, с окраскою алой,
Другая — горящая снежной немой белизной.
И ветер промчался. Он сблизил их пышные чаши.

При этом следует отметить, что символический потенциал фразеологизма *алая роза* достаточно широк, можно говорить, по крайней мере, о двух значениях, развившихся одно из другого в результате расширения, абстракции первого: 1. Жизнь. 2. Праздник жизни, «нарядность земли». Ср.:

Звонко в горячей молитве хвали
Алую розу, нарядность земли,
Звонче же — ветку в дорожной пыли!

В стихотворении «Голубая роза» К. Бальмонт создает фразеологизм с окказиональным метафорическим значением – так называет он горное озеро:

Фирвальдштетское озеро — Роза Ветров,
Под ветрами колышатся семь лепестков.
Эта роза сложилась меж царственных гор
В изумрудно-лазурный узор.
Широки лепестки из блистающих вод,
Голубая мечта, в них качаясь, живет.
Под ветрами встает цветовая игра,
Принимая налет серебра.
Для кого расцвела ты, красавица вод?
Этой розы никто никогда не сорвет.
В водяной лепесток—лишь глядится живой,
Этой розе дивясь мировой.
Горы встали кругом, в снеге рады цветам,
Юной Девой одна называется там.
С этой Девой далекой ты слита Судьбой,
Роза-влага, цветок голубой.

Другой поэт из Серебряного века «голубой розой» называет старость:

Больше нет Алины милой,
Пересох давно колодец,
Я ж лелею одиноко
Голубую розу — старость.
В. Ходасевич. *Путем зерна*

Появились в творчестве Бальмонта «морские розы». Окказионализм рождается из общей символики белых, воздушно-белых цветов поэта:

Морские розы — розы белые,
Они цветут во время бурь,
Когда валы осwirепелые
Морскую мучают лазурь.
И бьют ее, взметают с грохотом,
И возмущают ревом гроз,
И возвращают с мертвым хохотом
Мгновенность пышных белых роз.

Цветовая символичность розы служит основой для создания окказиональных фразеологизмов, и поэты широко используют этот способ создания фразеологических неологизмов.

Литература

1. Алещенко Е.И. Типы вариативных изменений поэтических фразеологизмов // Динамика фразеологического состава языка: Тезисы междунар. научн. конф. – Курган, 1999.
2. Большой Академический словарь современного русского литературного языка. – М. –

Л.: Академия Наук СССР, 1957. – Т. 10.

3. Гончарова Н.В. Фразеология О. Мандельштама // Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в начале XXI века: Сб-к статей междунар. научн. конф. – Велико-Тырново, Болгария, 2002.
4. Коршкова Е.А. Взаимодействие лексических, синтаксических и фразеологических факторов в поэтической фразеологии // Славянская фразеология и уровни языковой системы: Сб-к статей междунар. научн. конф. – Гданьск, Польша, 2002.
5. Лебединская М.И. Предметный мир в поэзии К. Бальмонта // Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в начале XXI века: Сб-к статей междунар. научн. конф. – Велико-Тырново, Болгария, 2002.

«Мышиная фразеология» В. Ходасевича

Животный фразеологический мир В. Ходасевича представлен бедно, всего шестью фразеологическими единицами: летучие мыши, псы сторожевые, бездомная собака, мышь полевая, белый голубь, пара вороних коней.

Летучие мыши появляются в жизни поэта в скорбную минуту:

Протянулись дни мои,
Без любви, без сил, без жалобы...
Если б плакать – слез не стало бы...
Протянулись дни мои.
Оглушенный тишиной,
Слышу лет мышей летучих,
Слышу шелест лап паучьих
За моей спиной.

Летучие мыши скрашивают жизнь поэта в одиночестве и горе. Это его первые друзья в мире животных. Потом он «породнится» с мышью полевой:

Я с последней мышью полевой
Вечно брат.

У поэта появляется особый тип стихов – мышинные стихи. В них он повествует о мышинных молитвах, - которые отождествляются с «неслышными стихами»:

За Россию в день великой битвы
К небу возношу неслышный стих:
Может быть, мышинные молитвы
Господу любезнее других...

Рождается фразеологический сравнительный оборот, в который поэт вносит новые семантические элементы:

День и ночь под звон машинной стали
Бельгия, как мышь, трудилась ты, -
И тебя, подруга, растерзали
Швабские усатые коты...

Семантически с глаголом **трудиться** привычнее сочетается сравнительный оборот **как муравьи**, но поэту милее образ мыши – возникает даже сложная ассоциация мыши с человеком, поэтом:

Франция! Среди твоей породы
Свищет меч, лозу твою губя.
Колыбель возлюбленной свободы!
Тот не мыш, кто не любил тебя!

Последняя строка становится крылатой, она наполняется общим смыслом в контексте индивидуальных взаимоотношений поэта с этими братьями нашими меньшими. В современный русский язык входит окказиональный фразеологизм – «мышиные стихи». В них поэт размышляет о яростном мире, который его окружает, о женщинах, которых он любит, о бренности конечного и бесконечного бытия, о нациях, о сложности поэтического труда, о смерти, о жизни... Мышиные стихи рождаются в одиночестве, под шум мышиных лапок, под «лет мышей летучих». Поэт поднимает образ мыши до образа сердца:

Как шаровидная молния, сердце опасно –
И осторожно, и зорко, и тихо, как мыш.

В творчество Ходасевича вторгается окказионализм «жить с мышами»:

Пять лет уж прошло, как живу я с мышами.
Великая дружба и братство меж нами.
Чуть вечер настанет, померкнет закат –
Проворные лапки легко зашуршат:
Приходят они, мои милые мыши,
И сердце смиряется, бьется все тише.

Мыши получают имена: Сырник, Бараночник, Книжник, Ветчинник, Свечник... Такие разные, такие любимые поэтом, они исполняют танец, вызывающий искры поэтического вдохновения:

И длится их танец, как тихое чудо,
И мыши все пляшут и пляшут, куда
Зарей не окрасятся неба края, -
А видят их пляску – лишь месяц да я.

Через многие стихи проходит образ мыши. Заболел Бараночник – поэт иссекает из себя двенадцать строчек, в которых обращается к богу с просьбой исцелить его (Бедный Бараночник болен...). Книжника поэт уговаривает «не кушать» книг, ворчит на него:

Хоть бы с меня пример ты брал:
Я день-деньской читаю книжки,
Но разве кто-нибудь видал,
Что я грызу их, как коврижки?

В мышиных стихах философские вопросы перемежаются с социально-бытовыми, поэт погружает нас в сложный мир эмоций, но не забывает о своей дружбе с мышами и убежденно повторяет:

Пять лет уж прошло, как я живу с мышами.
Приязнь великая наладилась меж нами.
Да что и ссориться? Я этим не грешу:
Они себе шуршат, а я себе пишу.

В 1917 году случился этот пятилетний юбилей. Поэт-москвич, поляк и еврей по крови, но русский по менталитету, младший брат Пушкина, арапа по рождению, но русского по образу жизни и мыслей... Большую и сложную жизнь проживает Ходасевич в стихах. Россия и в эмиграции Европа, точнее Москва и Париж, будут географическими точками рождения его творчества, но истинным источником его поэзии будет социальное одиночество Ходасевича, скрашиваемое его философским общением с мышами. Отсюда его «мышинные стихи», отсюда его определение особого стиля жизни – «живу с мышами».

Литературоведы считают, что в «мышинных стихах» у образа мыши тройной смысл: мышь - бытовой, и не так уж почитаемый людьми зверек; мышь - хтоническое животное древней мифологии, мыши - выходцы из подземного царства, отсюда их ночной образ бытия; мышь – животное, имеющее прямое отношение к поэзии, ибо генетически между собою связаны древнегреческие слова «мышь» и «муза», поэтому в пору античности мышь входила в окружение Аполлона и была источником поэтического творчества.

Еще два зверька импонируют поэту: сверчок и крысы. Сверчок стал образом, родившим в поэзии Ходасевича три окказиональных фразеологизма: скрипеть пером, дружок запечный, жизнь запечная.

В стихотворении «Милому другу» поэт рисует новый, свой, поэтический образ сверчка. Он не только «милый друг», но и «дружок сердечный», «дружок запечный»:

Сверчок да человек –
Друзья заветные: у печки, где потепле,
Живем себе, живем, скрипим себе, скрипим,
И стынет сердце (уголь в сизом пепле),
И все бывшее – призрак, отзвук, дым!

Ассоциация поэт-сверчок рождается из «угля в синем пепле»: несмотря на жизненные невзгоды, припомнив, «как жил любя» и «как жил потом, счастливые волненья в душе измученной похоронив навек...». История любви поэта к М.Э. Рындиной – ключ к объяснению мрачных мыслей поэта, мрачного надрывного восприятия мира, в котором лишь изредка появляются светлые пятна – одно из них сверчок, «дружок запечный».

Поэт готовит себя к «запечной жизни» с «милым другом»:

Для жизни медленной, безропотной, запечной
Судьба заботливо соединила нас.

Так пой, скрипи, шурши, дружок сердечный,
Пока огонь последний не погас!

Мотивы грусти – тоски, безнадежности, трагичности преобладают в творчестве Ходасевича. Цикл «Молодость» воспринимается «как горькое признание, сказанное сквозь зубы и с сухими глазами» (В. Брюсов).

8 августа 1911 г. в Звенигороде Ходасевич принимает решение жить «запечной жизнью». Но в сердце поэта еще до «милого друга» - сверчка поселились мыши:

В сердце поселяйся наконец,
Тихонький, послушливый зверок!
Сердцу истомленному венец –
Бархатный, горяченький комок.

Уже в самом конце поэтической биографии, закончившейся в 1928 году, поэт пишет стихотворение, посвященное крысолову. Сердцеед, шутник, игрок, рубаха-парень, крысолов «ловит на дудочку» крыс, ведет по городу «крысиный хоровод» к глубокой яме. Крысы для «умного крысолова» («Один искусный крысолов Ученых стоит ста голов») – «дуры»: заслушавшись «тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю», они танцуют, идя за крысоловом в волшебную страну – страну мечтаний, и попадают в «глубоко вырытую яму». А любящий «по-своему» крыс крысолов «служит службу» королю, он «нужен королю», чтобы опять провести по городу крысиный хоровод.

Сложная семантическая структура у этого стихотворения: крысы, «бедный зверь», заслушавшись дудочными мелодиями, в которых преобладает один звуковой комплекс лир, а он сродни лире и лирике, направляются в страну мечтаний и гибнут... А петь, плясать и гибнуть в этом мире суждено поэтам, - ведь ... «с дурами в готовый ров Не прыгнет умный крысолов...»

Так, отделив себя от умника-крысолова, поэт в последний смертный раз душою соединился с мышиним родом через крыс, влекомых на смерть через волшебную страну мечтаний.

Таким образом, в творчестве Ходасевича сложился особый уголок – мышинная тема, в ней родились мышинные стихи и в ней сложилась особая «мышинная» фразеология.

В 1923 году поэт, ища свои новые пути, вспоминает о сверчке, который несмотря ни на что скрипит за печкой, но это воспоминание остается за «поэтическим кадром», а к нам из стихов приходит фразеологизм:

Вдруг из-за туч озолотило
И столик, и холодный чай.
Помедли, зимнее светило,

За черный лес не упадай!
Дай посеять в румяном блеске,
Прилежным поскрипеть пером.
Живет в его проворном треске
Весь вздох о бытии моем.

Пушкин и Ходасевич

Через время протянута прочная нить, связующая двух великих, хотя и неравных поэтов.

Когда летом 1917 года В.Ф. Ходасевич опубликовал в журнале «Народоправство» статью «Безглавый Пушкин», в которой он писал о необходимости просвещать народ, «идти в народ», по существу, связал свою судьбу с главной идеей А.С. Пушкина о великости и темности русского народа. Идея просвещения народа связывается с идеей о бессмысленности и беспощадности русского бунта и в то же время с идеей о пользе революции: «Верю и знаю, что нынешняя лихорадка России на пользу». Будущее просвещенной России Ходасевич связывает с тем, что «будет у нас честная трудовая страна, страна умных людей, ибо умен только тот, кто трудится».

Пушкинский оптимизм и вера в Россию, в русский народ, преобразовались в стихах Ходасевича в мифологему «путь зерна». Цикл стихов «Путем зерна» пронизан этим оптимизмом:

*Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.
Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.
И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.
Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет – и оживет она.
И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, -
Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.*

Стоящая под стихом дата, 23 декабря 1917 года, о многом говорит. Россия погружалась во мглу, для многих наступало отчаяние и безверие, а поэт, который скоро отправится в изгнание – эмиграцию, по-пушкински мудро и светло верит в «путь зерна», путь своей родины и своего народа.

Поэт, утолявший жажду «Моцартом и Сальери», «Цыганами», в трудное для России время «высосал мучительное право», вместе с молоком своей кормилицы, тульской крестьянки Елены Кузиной, право любить Рос-

сию и проклинать ее. Как и для Пушкина, прибежищем, спасающим веру и душу, оказывается «чудотворный гений», русский язык. Волшебный этот язык завещал беречь потомкам А.С. Пушкин. Ему вторит Ходасевич:

*И пред твоими слабыми сынами
Еще порой гордиться я могу
Что сей язык, завещанный веками,
Любовней и ревнивей берегу...*

«Глупое слово» родина останется для поэта навсегда святым словом. Есть что-то общее в судьбах поэтов. Они, волею судеб, оказались пасынками России: один с «арапскими святыми губами», другому отец тоже не завещал «ладанки с землей родимой»:

*России – пасынок, а Польше,
Не знаю сам, кто Польше я.
Но: восемь томиков, не больше, -
И в них вся родина моя.*

Поэт видит свою родину не в Польше: «Я дыма над польской кровлей не видал...» В свое изгнание он «с собой свою Россию» унес в дорожном мешке. И тут-то их, двух великих поэтов России, обнаруживается единенье:

*Вам нужен прах отчизны грубой,
А я где б ни был – шепчут мне
Арапские святыя губы
О небывалой стороне.*

Принимая жизнь в ее тяготах, изломах, потрясениях, Ходасевич нес миру, как эстафетную палочку, пушкинскую красоту, пушкинский оптимизм, пушкинскую веру в великое предназначение России.

Красота в стихах Ходасевича принимает чудесные поэтические облики: **алые розы** молодости, **серебряные розы** размышлений и мечтаний, **голубая роза** – старость, **белая роза** смерти.

Поэтический образ розы был введом и Пушкину:

*Есть роза дивная: она
Пред изумленною Киферой
Цветет, румяна и пышна,
Благословенная Венерой...
Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза...*

Перекликаются голоса поэтов в поэтической фразеологии. И вот уже другая роза манит другого поэта:

*Трудолюбивою пчелой,
звения и рокоча, как лира,
Ты, мысль, повисла в зное мира
Над вечной розою – душой.*

Поэтический мир фразеологии Ходасевича включил в себя развитие

важнейших философских понятий, которые были близки А.С. Пушкину: **чертоги великого Рамсеса, в незапамятные дни, долгие труды, слова приходят на уста, земля родимая, в былые дни, путь бытия, земные мгновения, час смерти, могильный камень, шум земного бытия, золотой жезл поэта, подлунный мир, красота земная, слепая сердца мудрость, земной путь, юдоль земная, божий суд, в Харонову ладью, земное лихолетье.**

«Европы темные сыны» перекликаются с «России храбрыми сынами». Переключка, связь через времена обусловлена одним из источников вдохновения - античностью, из которой у Пушкина – Овидиев прах, тихая Лета, подарок Вакха, Горациев фиал, баловень Киприды, игры Терпсихоры, гром Зевса, избранник Феба, а у Ходасевича – бедный Орфей, берега Коцита, Орфеев путь, сумрак Эреба, тень Аида, два Солнца: Диск и Аполлон, Харонова ладья, любимец Вакха.

Пушкинское отношение к женщине завещано Ходасевичу, из 19 века переходит в 20:

*Я вновь перечитал забытые листы,
Я воскресил угасшее волненье,
И предо мной опять предстала ты,
Младенчества прекрасное виденье.*

Ходасевич, как и его великий предтеча, много думает о назначении и судьбе поэта, ему «мил изменницей покинутый поэт», и он знает: «несчастен, кто несет Коцитов дар стенок на берега земных веселых рек». Пожалуй, поэтов разъединяет лишь представление о своей судьбе. Пушкин уверен, что его высоко оценят потомки, что назовет его всяк сущий в ней (России) язык, через века он здороваются с нами и с грядущими поколениями, которые еще не пришли. Он верил: взойдет заря. А Ходасевич не верит в то, что его «поймет народ»:

*Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять, и твердо знаю, что народу
Моих творений не понять...
Ни грубой славы, ни гонений
От современников не жду...*

Владислав Ходасевич верил в то, что поэты притягивают к себе мечтателей всех времен, это их объединяет, делает сильными:

*Четыре звездочки взошли на небосвод.
Мечтателей пленяет их мерцанье...
С какою неразрывностью суровой
Сплетаются в свой узел, в свой узор
Созвездье Герцена – с созвездьем Огарева.*

Служение обществу – главная цель политиков и поэтов. На этой стезе судьба в 19 веке свела двух великих поэтов – А. Пушкина и А. Мицкевича. Об этой встрече у Пушкина есть прекрасные стихи:

*Он между нами жил
Средь племени ему чужого, злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили.*

Пушкин свидетельствует о единении душ поэтов:

*С ним
Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновлен был свыше
И свысока взирал на жизнь).*

Пушкин благодарно подтверждает: «мы жадно слушали поэта».

Поэтов объединяет общая мечта о соединении народов в великую семью. В истории взаимоотношений Пушкина и Мицкевича эта идея была наиболее романтической. Общечеловеческий универсальный миф вошел в душу и стихи Ходасевича через космическое притяжение поэтов, между которыми не может быть разногласий. В стихах Пушкина живет память о поэте, который часто говорил «о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся: Александр Пушкин – Адам Мицкевич – Владислав Ходасевич... А теперь о каждом из трех поэтов можно сказать:

Он между нами жил...

Времен связующая нить соединила их: 1799 – 1899 – 1999 – 2099 – 2199 ...

Для русского человека эти годы уходят в вечность. Уже двести лет благодарные сердца русских бьются в такт, в унисон со строчками великого поэта. И иногда на землю будет приходить поэт, который напомним о великой судьбе России, о великом народе, который пашет землю, и из земли прорастает зерно. Верим, что во второе тысячелетие Россия пойдет **путем зерна**. Вместе с поэтом нам придется сейчас сказать:

*Путь неведом и далек,
но ... истинны, как небо,
Земля, любовь и труд.
и ... душу полнит сладкой полнотой
Зерна немое прорастанье.*

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Боль моя и тревога - русский язык

В канун третьего тысячелетия три разрушительные волны ударили по русскому языку: первая - за пределами России, когда по всей Европе горели костры из учебников, книг, журналов на русском языке в Польше, Чехии, Словакии, Болгарии, Румынии, когда в порыве социального гнева ненависть к тоталитарному режиму перенесли на язык, при помощи которого он насаждался; вторая пришла из скороспешно, сумбурно сложившегося Ближнего Зарубежья, нанесшего безрассудный удар тоже по книгам, учебникам, печатному русскому слову, когда на Украине, в Белоруссии, в Латвии, Литве отказались от изучения русского языка в школах, исчезло понятие «второй родной язык», были приняты на первых порах обескураживающие законы о языке; и, наконец, третья беда постигла русский язык, уже не только письменный, но и устный, в самом сердце России, в ее городах и весях, когда русская речь начала разрушаться под воздействием заимствований и огрубления или омертвления слов.

Первая агрессивная волна угасла быстро. Надо торговать, надо совместно налаженное хозяйство обустраивать. Опять заговорили на русском языке в Дальнем Зарубежье. Мировая значимость русского языка восстанавливается. Не полностью, конечно. Приходится отвоевывать еще позиции русского языка как рабочего языка научных форумов, конференций, совещаний. Кое-где утраченные русским языком позиции занимает английский. Но это тоже ненадолго. Жизнь сама постепенно поставит все на свои места. То же будет и со второй волной-разрушительницей. Экономическую, культурную и даже политическую значимость вновь обретет русский язык в Ближнем Зарубежье.

Сложнее всего будет противостоять третьей волне-разрухе, которая накатывает наиболее яростно и, что удивительно, незаметно. Русский язык разрушают сами русские. На поверхности лежат печальные последствия этих разрушений.

В политический язык ворвались иностранные термины, при помощи которых пытаются увести народ от сути происходящих событий: тут и консенсусы с секвесторами, и путчи с дизайном, и маркетинги с менеджерами, и примкнувшие к давно притаившимся в языке филерам киллеры и дилеры, и много всякого другого, что каждый день выносит наверх мутная языковая пена заимствований.

В бытовой язык ринулись предметные слова-варвары: макдональдсы, пиццы, сэндвичи, сникерсы, юпи, зуко, спримы, кетчупы, спагетти, мерендинки, крекеры, китекаты, педигри, чаппи, скиттлсы, натсы, йогурты... Всего не перечислишь! Видно, пустые русские прилавки заполнять нечем.

В газетном языке - свой пир во время чумы... Разнузданность, похабщина, матерщина. Телеязык с газетным соревнуется. Почти изысканный ведущий известной телепрограммы вдруг переходит на такую «блатную музыку», что, кажется, уже ко всему привыкшие уши вянут. Перлы газетного языка сдобрены «тонкими» и «толстыми» орфографическими, пунктуационными, речевыми «ляпами».

Одна весьма независимая журналистка процитировала Маяковского, вставив в предложение «капусту недокушенных, недоеденных щей». Что щи «недоели», понять и нам, читателям, можно, но как их «недокусили»?! А если их «недокушали», то тогда они «недокушанные»...

О книгах говорить не хочется. Горы нерусского. И на вершинах гор вырвавшиеся из засекреченных хранилищ матерные анекдоты, матерные частушки, матерные словари. Сим победиши? До какой свободы дожили!

В начальной, средней, высшей школе безграмотные (без грамоты воспитанные, без грамоты оставленные) школьники и студенты; в вузах - не очень грамотные ассистенты, доценты, профессора, кандидаты и доктора наук; в госучреждениях - неграмотные чиновники (простите, госслужащие); в парламенте - жаргоном вскормленные депутаты, тоже неграмотные, в правительстве... Проблема безграмотности в современном обществе относится к числу остросоциальных.

Национальное российское бедствие - сочинения на приемных экзаменах в вуз - пытаются обойти при помощи типовых тиражированных шпаргалок и слаженной работы послушных и неподкупных приемных комиссий.

Камо грядеши, русский народ?

Особенно печально воспринимаются на этом фоне лихие пируеты реформаторов образования. В школе русскому языку предлагают учить среднеарифметически: по три часа в неделю с пятого по девятый классы, в старших классах - факультативно, и по одному часу хватит. А уж в вузах вообще давайте забудем про эту головную боль. Лучше всего бы приемные сочинения отменить. Ведь живем же без экзамена по устному русскому языку! Слава богу, избавились от него на инязе, на историческом факультете. Все ли в этом слава богу?? Мы вырастили поколение языковых гомункулов и теперь им, почти безъязыким, пытаемся вмонтировать в голову всю мировую цивилизацию.

Традиционно в русской национальной школе русский язык был первым предметом, развивающим ум, нравственные начала, духовность. Почему в современной школе он превратился в некоторую надоедливую категорию, в «головную боль» учителей, родителей и учеников?

Нет, великий и могучий язык не оскудел. В нем заложена огромная (колоссальная!) информационная, духовная, эстетическая ценность. А вот массовая речь современных русских (старых и новеньких, как копейка) ослабела. Иногда до немоты, до мычания.

Тревогу бьют, программы спасения русской речи предлагают и сверху, и снизу.

С 1991 года русскому языку присвоен статус государственного. В декабре 1995 года создан Совет по русскому языку при Президенте России. В июне 1996 года Правительством России одобрена, утверждена федеральная программа «Русский язык». Учреждаются в некоторых регионах и областях экспертные Советы по русскому языку.

Предлагается сделать грамотность признаком образованности, для этого надо из средней общеобразовательной школы выпускать элементарно грамотных учеников, необходимо ввести русский язык, культуру речи, риторику, основы деловой речи на всех факультетах всех вузов.

В июне 1997 года в Челябинске под эгидой Института русского языка Российской Академии Наук, общества «Знание» России и Администрации Челябинской области была проведена международная конференция «Русский язык как государственный», на которой прозвучало много дельных предложений по спасению русской речи, был проделан анализ состояния русского языка в современной России и русской диаспоре.

Думаю, что и в Курганской области пора взяться за дело, объединить усилия людей, причастных к исследованию и преподаванию русского языка, создав Совет по русскому языку при областной Администрации и региональную программу «Русский язык».

Главная национальная программа

Выстраивание новой единой России идет системно и планомерно: созданы федеральные целевые программы в разных сферах жизни – экономики, образования, культуры. В сфере образования, например, выделены основные направления его развития, программы «Одаренные дети», «Компьютеризация сельских школ». Особое место среди этих и других программ занимает федеральная целевая программа «Русский язык».

При всей стихийности и неуправляемости многих процессов, новая Россия осознает всю важность сохранения и развития русского языка как фундамента государственности, единства, национального здоровья, наконец, нашего будущего. Не будет единого упорядоченного сильного языка – не будет и самой России.

В 1996 г. была создана, частично профинансирована и реализована первая ФЦП «Русский язык», подписанная главными тогда лицами государства Б.Н. Ельциным и В.С. Черномырдиным. Ни у руководства области, ни у руководства университета тогда не хватило воли, настойчивости, да и просто заинтересованности для реализации этой программы в области, хотя соответствующая областная программа на филологическом факультете КГУ специалистами была создана и предоставлена в распоряжение руководства области и университета бесплатно на основе одного про-

фессионального энтузиазма. Ни копейки не нашлось нигде для изучения языковой ситуации в области, для выработки языковой политики, для проведения мероприятий, направленных на сохранение и развитие русского языка в Курганской области. Энтузиасты из КГУ и ГлавУО начали формировать областной совет по русскому языку, но некие умные головы в Администрации области (в Правительстве, как они себя именуют) нашли маленькое постановление, подписанное Ельциным (тогдашним дряхлеющим президентом, плохо держащим в руках руль управления государством) о прекращении финансирования ФЦП «Русский язык» Этой маленькой бумажки да безынициативности деканата филфака хватило, чтобы похоронить в долгом канцелярском ящике областную программу «Русский язык» и Областной совет по русскому языку.

Наступил 2000-й год. 17 января 2000 г. принимается решение о создании нового Совета по русскому языку при Правительстве РФ. Совет возглавляет В.И. Матвиенко. В него входит 44 человека, более половины Совета составляют крупнейшие специалисты по русскому языку: Костомаров В.Г., Куравлев А.Ф., Лопушанская С.П., Молдован А.М., Нерознак В.П., Ремнева М.Л., Сиротинина О.Б. и др. Создаются основные направления деятельности Совета – «Русский язык как основа русской художественной и духовной культуры», «Русский язык как государственный», «Русский язык в странах СНГ и ближнего зарубежья; русский язык как язык мировой», «Русский язык в средствах массовой информации», «Научные исследования в области русского языка», «Изучение русского языка в средней и высшей школах».

Были подведены итоги выполнения мероприятий ФЦП «Русский язык» в 1995-1999 гг. В рамках той программы были профинансированы многие научно-исследовательские проекты: разработка федерального закона : «О государственном языке РФ», «Русский язык в СМИ», «Организация информационной службы русского языка», «Учебно-лингвистический стандарт «Русский язык» для высшей школы», «Компьютерный лингвографический фонд русского языка» и многие другие.

Главный результат деятельности ученых, политиков, администраторов в рамках «ФЦП» был обобщен в следующем выводе: «Русский язык может служить мощным средством в риторике и технологиях, направленных на воспитание, пропаганду и развитие чувства права и долга, на внедрение межгрупповой толерантности и доверительности, межэтнической солидарности, государственной лояльности».

10 марта 2000 г. Советом по русскому языку при Правительстве РФ была утверждена новая ФЦП «Русский язык» на 2000-2005 гг. Было рекомендовано Миннауки, Минфину, Минэкономики РФ «включить программу «Русский язык» в перечень федеральных целевых программ и предусмотреть в проекте федерального закона о бюджете РФ на 2001 г. финансирование программных проектов и мероприятий в полном объеме».

Какой была реакция на новую ФЦП «Русский язык» в Кургане, в 45 регионе?

Воспрянули духом специалисты: наконец-то наше правительство, президент Путин В.В., наше общество поняли, что значит русский язык для возрождения России. Конечно, денег нет, зарплата у бюджетников унижительная, но признание важности укрепления русского языка как оплота русской духовности имеет знаковый характер. Появилась уверенность, что конец языковому беспределу, разрушению государственности русского языка будет положен.

Некоторую суету проявили чиновники из областной Администрации, придумав вместо областного совета по русскому языку «межведомственную комиссию по развитию и сохранению русского языка» В означенную комиссию даже включили 4-5 специалистов по русскому языку. Составили сумбурную канцелярскую бумагу на ломаном непрофессиональном языке, которая, очевидно, должна была играть роль областной программы «Русский язык». Во главе этого административного действия встали В.Ф. Охохонин, В.Д. Уфимцев (председатель Комиссии и заместитель председателя), добавив к своим многотрудным обязанностям еще одну – заботу о русском языке.

В университете, учтя горький опыт прошлой региональной программы и новый опыт канцелярских игр вокруг программы «Русский язык», создали вузовскую программу, сформировав университетский Совет по русскому языку. В принципе, мы считаем, что Совет по русскому языку должен быть в каждой школе, в каждом учебном заведении. Работы хватит на всех. При этом должен функционировать региональный Совет по русскому языку, объединяющий усилия всех организаций, всех носителей русского языка по возрождению русской духовности, по восстановлению государственного статуса русского языка, по сохранению чистоты, красоты и коммуникативной пригодности современного русского языка.

Администрация 45-го региона должна знать языковую ситуацию, иметь лингвистический паспорт каждого района Курганской области, выработать и проводить научно обоснованную языковую политику в регионе. Для этого нужно:

- 1) создать региональный совет по русскому языку, в состав которого должны войти специалисты из вузов, школ, училищ и администраторы, располагающие полномочиями для внедрения мероприятий по становлению русского языка как государственного, как фундамента русской культуры, русской духовности;

- 2) создать региональную программу «Русский язык», в которую вошли бы финансируемые мероприятия и мероприятия, осуществляемые на общественных началах, при помощи которых в регионе осуществлялась бы правильная, научно обоснованная, целенаправленная языковая политика;

3) выделить бюджетные средства и привлечь к реализации мероприятий региональной программы «Русский язык» средства спонсоров и меценатов.

4) создать в 45-м регионе «Общество любителей русского языка».

Забота о русском языке как государственном и национальном достоянии должна стать общей заботой профессионалов, администраторов, политиков.

Роль уральской лингвофольклористики в духовном возрождении России

Фольклор в жизни современного общества занимает достойное место. Неустанны поиски собирателей фольклора, внимательно слушающих народную речь и записывающих в разных уголках России самовитое народное слово. Урал богат фольклорными традициями. Народные песни, сказы, частушки, загадки, скороговорки, пословицы и поговорки записывали и записывают на Урале Ф.Н. Баранов, В.Т. Бирюков, В.Е. Гусев, А. и В. Железновы, И.В. Зырянов, А.И. Мякутин, И.Ф. Ильиных, Г. Иванов-Балин, Л. Христиансен, В.П. Тимофеев, А.И. Лазарев, В.П. Федорова и мн. др.

Научная интерпретация уральского фольклора активнее всего ведется в литературоведческом аспекте. Лингвистическое изучение ведется пассивно. В специальном изучении нуждаются лексика и фразеология различных жанров уральского народного творчества. Одни исследователи считают, что лексический и фразеологический состав фольклора богат, другие высказывают суждение о простоте и ограниченности номинативных средств фольклорного языка. Выводы об истинном лексико-фразеологическом состоянии уральского фольклора могут быть сделаны только на основе тщательного анализа каждого фольклорного памятника, сплошной выборки из него слов и фразеологизмов, составления словариков и словарных статей, фиксирующих частоту употребления того или иного слова и фразеологизма, частеречную их квалификацию, синтаксическую и лексико-семантическую сочетаемость, словообразовательные, фонетические, морфемные, семантические и синтаксические свойства. Известно, что семантическое богатство фольклорного языка представлено не только количеством лексических и фразеологических единиц в тексте, но и способами их соединения друг с другом, порождающими символическую глубинность фольклорно-поэтического смысла. Высокая степень эмоциональной, предметной, «мыслительной» насыщенности фольклорного текста достигается очень простыми, на первый взгляд, безыскусными средствами. «Мыслительность народная» - характеризуется особой про-

стотой сложности. Это главное свойство народного слова усвоил и развил А.С. Пушкин: «...Разум не истощим в соображении понятий, как язык не истощим в соединении слов.» Не случайно в простоте слова заключена огромная, интеллектуально-накопленная, философская глубина, она аккумулирует в себе народный опыт, народную мудрость, народную эмоциональность.

В русском языкознании накоплены прочные традиции изучения фольклорного языка. Разные стороны, свойства, отдельные элементы фольклорного языка рассматривали Н.А. Потебня и А.Н. Афанасьев, изучавшие фольклорную символику метафорического языка, Н.Н. Веселовский, А.П. Евгеньева, Д.С. Лихачев и И.А. Осовецкий и мн. др. В преддверии XXI века настало время перейти от фрагментарного изучения языка фольклора к системному.

Фольклорный язык находится в антиномических отношениях с государственным языком. У них много различного: первый функционирует как устный, второй - как письменный, для государственного языка характерны публицистический, научный, официально-деловой стили речи, фольклорный язык реализуется в поэтических, разговорных стилях речи; государственный язык характеризуется идеологизированностью, политизированностью, рационалистичностью, точностью, нормативностью, стремлением к интернационализации, фольклорный язык деидеологизирован, аполитичен, эмоционален, символичен, поэтичен, стремится к идиоматичности, имеет сугубо национальную форму. Однако несмотря на противоположные свойства, государственный и народный язык составляют диалектическое единство. В этих двух сообщающихся резервуарах осуществляется национальная идентификация современного русского языка. В сложном взаимодействии этих двух форм русского языка на основе нормализаторской деятельности общества складывается литературный язык.

Фольклор - это историческая и современная память народа. В уральском фольклоре сложилась особая казачья песенная традиция. Записанные песни Уральского и Оренбургского казачества еще не подвергнуты системному лингвистическому анализу. Семантическое пространство исторических песен Урала объемно, оно включает разнообразные номинации предметной семантики, индивидуальные (Яик-река, Азов-город, Хан Араб, Стенька Разин, Москва-город, Дон-река, Иванушка, Емельян-казак, Марьюшка), общие (путь-дороженька, матушка, батюшка, охотник-стрелец, горе-печаль, кручина, чужая-дальняя сторона, рябина, казачка); обозначения качественных, количественных и процессуальных признаков (ретивой, одинокий, родимый, мягкий, молодой; один, три (года), срок (веретен), тридцать (кораблей); сели-пали, ходил-гулял, привыкать, портить красоту, печаль в голову вложить, дрогнуло сердце, обираться).

Анализ семантического пространства песенного фольклора выявляет великие ценности русского народа: трудолюбие и мастерство (не безде-

лье и воровство, как утверждают некоторые современные идеологи в писательских и актерских обличьях), смекалку, ум, здравый смысл, бессребренничество и хозяйственность, милосердие, способность понять и разделить чужую боль, прямоту и критичность, миролюбие и задиристость, неиссякаемый оптимизм и мученическую терпеливость. Во все времена народ ценил справедливое устройство общественной жизни, всем миром наваливался на тяжкую работу и созидал Россию, русское государство, обустроивал границы, охранял их, стоял за Россию грудью и насмерть, «собираясь во единый круг», добивался правды-истины и в самые противоречивые времена хранил единение, отражая атаки злодеев, басурманов. Вглядываясь в песенную картину мира уральского фольклора, начинаешь любить ивушку-ракетовый кусток, сыр-матерый дуб, сине моречко, путь-дороженьку, соловья-соловушку, чисто поле, родимую сторонушку.

Своя картина мира складывается в частушках. Частушка как особая жанровая разновидность фольклора характеризуется краткостью формы и внешней простотой содержания. Литературоведческая интерпретация частушек обретет полнокровность, когда статистическому анализу будет подвергнут их лексико-фразеологический состав. Короткие, «частые» песни в отличие от «долгих», «протяжных», всегда и везде пелись на «злобу дня». Они - часть культуры русского народа. Об их форме, жанровом своеобразии говорят старые названия этих коротких песен: нескладушки, коротушки, причудки, припевки, прибрешки, собираушки.

Частушки русского народа всегда были средством критики и самокритики. Сейчас в сферу их внимания вовлечены Ельцин и Чубайс, Черномырдин и Лебедь, губернаторы и мэры-сэры-пэры. Шутливая критика частушек всегда бывает не в бровь, а в глаз. Поневоле вспомнишь, что, смеясь, человечество избавляется от своих пороков и недостатков.

В частушке прослушиваются время, место, интонация, вся ментальность русского народа. 4806 частушек, зафиксированных «Библиотекой русского фольклора» (т. 9. М.: Сов. Россия, 1990), тематически объединены в четыре раздела («Маленькие судьбы в большой истории России XX века», «Посиделки и гулянья», «Любовь: радость и горе, надежды и разочарования», «Частушки - смешинки»), обобщают частушечные материалы Вятчины, Новгородчины, Ярославщины, Костромы, Поволжья, Псковщины, Белгородчины, Саратовской, Пензенской, Воронежской областей, Сибири. 31 уральская частушка вошла в это собрание из книги «Уральские частушки» (составитель-собиратели П. Галкин, Е. Калуцкий) и 36 частушек - из сборника «Дореволюционный фольклор на Урале» (составитель-собиратель В.П. Бирюков). Это только малая толика частушечного творчества русского человека, живущего на Урале. Современные уральские фольклористы А.И. Лазарев, В.П. Тимофеев, В.П. Федорова и др., постоянно собирающие произведения устного народного творчества в разных областях и районах Урала, опубликовали несколько сборников ча-

штушек. Работа эта необходима, так как дает возможность изучать язык и ментальность части русского народа, освоившего достаточно крупный российский регион. Регистрация уральского частушечного творчества еще не стала регулярной. Курганский университет должен развернуть активное собирательство этих текстов. Одновременно должна идти их лингво-литературоведческая интерпретация.

Лингвофольклористика одной из своих задач имеет описание лексического и фразеологического состава частушек, способов соединения слов между собой. Не сомневаемся в том, что описание номинативных средств частушек приведет к созданию особой жанровой картины мира, в которой обнаружится взгляд современного русского человека на природу, общественное устройство жизни, на весь мир в целом.

В жанрово разнообразном уральском фольклоре представлен тип русского человека, обживавшего окраинные территории русского государства, поднимавшего неосвоенные степные земли, осваивавшего фабрично-заводское дело, верившего в могущество России, потом и кровью создавшего сильное могучее отечество. Верим, что, прикинув к чистым истокам уральского фольклора, современное поколение россиян найдет силы для возрождения России.

Сила русского слова

В последнее время обеспокоилась русская общественность ослаблением, засорением – порчей русского языка. Кое-кому кажется, что русский язык вот-вот погибнет, вот-вот перейдет в отрицательное качество.

Скажем сразу: не погибнет, не пропадет «великий и могучий».

Ведь сила его на самом деле велика, и она прежде всего в прозрачных и чистых его индоевропейских истоках, откуда у нас слова, необходимые по сей день: мать, солнце, семя, гость, два, дверь, день, держать, дерзать.

Основа нашего словарного фонда, наши древние непроизводные слова, служат нам верно и праведно. На том стоим, на чем индоевропейцы, арии, древние наши предки, стояли. Оттуда текут в нашу речь, изрекаются наши главные слова. Изреченное – залог наших древних связей, которые в этой жизни, на изломе тысячелетий составляют языковую память нашего родства и являются основой нашего мирного, дружественного сосуществования с немцами и французами, итальянцами и испанцами, голландцами и шведами и многими еще народами, выходцами из индоевропейского истока.

Сила русского слова в его славянских корнях. Славянское братство языков ведет нас к братству народов. Мы одной славянской крови с поляками и болгарами, чехами и сербами, украинцами и белорусами. Нельзя прерывать языковые связи современным политическим недружелюбием.

Украина и Белоруссия, сестры России, негоже ссориться, раздорами губить славянское братство. Вслушайтесь в слова, объединяющие нас с южными, западными и восточными славянами: болгарин скажет *хлев*, украинец – *хлів*, поляк *chlew*, словак – *chliev*, русский произнесет так же, как и болгарин: *хлев*. Слово *хлеб* будет звучать в украинском *хліб*, в болгарском – *хляб*, в сербо-хорватском – *хлеб*.

Выстраиваются целые славянские цепи: русская *брынза*, украинская бринза, польская *bryndza*, чешская *brynza* (заимствовано в сл. из румынского *brinza*); русское *вино*, украинское *вино*, болгарское *вино*, словенское *vinо*, польское *wino*, русское *десна*, словенское *dlesna*, словацкое *d'asno*, польское *dziasto*, русское *дыня*, украинское *диня*, болгарское *диня*, чешское *dyne*, польское *dynia*, русское *яд*, болгарское *яџт*, чешское *jed*.

И так от А до Я, во всех понятийных сферах, во всех стилях речи. Родные имена, родная славянская кровь. Помнить об этом надо всем: молодым и старым, политикам и бизнесменам, физикам и лирикам, отцам и детям, русским и украинцам, болгарам и полякам, чехам и словакам, сербам и хорватам...

Конечно, у родственных когда-то языков свой путь развития, своя история. Свой, достаточно противоречивый путь развития прошел русский язык: менялись звуки (*рука – рученька, друг – друзья, возить – везти, начинать – начать, звенеть – звонкий, блин – млеть*); морфемы (*пи-р, жи-р, да-р, не-доумевать, о-безлюдеть, об-лако*); слова (*ушли из языка: смерд, боярин, офеня, брань* в значении битва, сражение, *хабить, ср.: похабить, испохабить, похабный; сей, оный, иже*; пришли в XX веке в русский язык: *наличка, безналичка, послеоттепельный, слепапутчевый, слепаельцинский, постперестроечный*; вернулись в современный русский язык: *обет, постриг, катехизис, ворожей, лицей, гимназия* и др.); фразеологизмы (*устарели: бить челом, целовать крест, ваше превосходительство*; пришли новые: *сесть на иглу, брать на арапа, белые воротники, черный четверг, фильм ужасов*). Складываются по ходу истории ряды сложносокращенных слов, сменяя друг друга несут вахту слова ГБ – ГПУ – ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ; ГАИ – ГИБДД).

Остановить прекрасное (и не прекрасное) мгновенье при помощи языковых знаков можно, однако остановить жизнь языка, закрепить его в каком-либо состоянии декретом, договором никак нельзя. Меняется жизнь – меняется мир – меняется язык... Язык, отличающийся динамичностью, открытостью, неравномерностью развития, сложностью и асимметричностью, вариантностью и устойчивостью, совершает медленно и неуклонно свое поступательное движение. Социальная стабильность в обществе способствует размеренному медленному развитию языка. Времена исторической социальной нестабильности, потрясений, переворотов, революций вызывают ускорение процессов языкового развития. В недавнем прошлом русский язык пережил три ускорения: в 18 в. (эпоха Петра Велико-

го), в 20 в. (революции 1917 г.) и в конце 20 – начале 21 в. (наше смутное, нестабильное время). Каждое из этих ускорений сопровождалось быстрой массовой неологизацией лексики и фразеологии и не менее активной ее архаизацией.

Наше беспокойное языковое время отмечено разнонаправленными бурными процессами. Коммунизация, советизация, политизация, идеологизация языка сменяются декоммунизацией, десоветизацией, деполитизацией и деидеологизацией. Налицо кризис в политической терминологии, которая подверглась архаизации, десемантизации, перестройке семантической структуры. Это привело к кризису таких наук (дисциплин), как марксизм-ленинизм, диамат, истмат, история КПСС. Из жизни уходят такие слова как АПК (агропромышленный комплекс), ВПК (военно-промышленный комплекс), *актив* (партийный, комсомольский, профсоюзный), *контрпропаганда*, *антисоветизм*, *антисоветский*.

На смену дехристианизации языка начала XX в. идет христианизация и рехристианизация русского языка конца XX в. Возвращаются к новой неоднозначной жизни такие слова, как *апокалипсис*, *обет*, *монах*, *приход* (*церковный*), *бабушка*, *пострижение*, *воскресение*, *великопостный*, ... *сатана*, *святешество*, *святить*, *Святки*, *сочельник*, *солея*, *клирос*, *всенощная*, *дьякон*. «Ренесанс» наступил не только в сфере христианства, но во всех религиях, поэтому пошли в ход термины сакрализация, десакрализация и ресакрализация языков. Этот термин обобщает исламизацию, католизацию и т.п.

Следует добавить, что чрезвычайно активизировались в современном русском языке заимствованные приставки *де-* (*дебюрократизация*, *девальвация*, *деидеологизация*, *деимпериализация*, *деиндустриализация*, *декриминализация*, *демонополизация*, *демонтаж*, *деколлективизация*, *декриминализация*, *денационализация*, *деноменклатуризация*, *департизация*, *деполитизация*, *депортация*, *дестабилизация*, *десталинизация*, *дефляция*, *деформация*, *децентрализация*), *ре-* (*реинвестиция*, *репрезентативный*, *репрессии*, *реприватизация*, *рефинансирование*, *реформирование*).

Длинные, неуклюжие, большегрузные слова-мастодонты, они рождаются и живут только в научном, официально-деловом, публицистическом стилях, но, по-видимому, они необходимы нашему времени. Соперничает с ними приставка *анти-* (*антиалкогольный*, *антивирус*, *антигорбачевский*, *антиельцинский*, *антигуманный*, *антидемократический*, *антизабастовочный*, *антизаконный*, *антикоммерческий*, *антикоммунистический*, *антикризисный*, *антиконституционный*, *антимонопольный*).

В язык слова вливаются целыми блоками – гнездами. Первый хорошо заметный блок связан с корнем *секс* (допустимо: *сэкс*, *секс*): *секспросвещение*, *сексвидеофильм*, *сексдайджест*, *секстренинг*, *секс-бум*, *секс-идол*, *секс-меньшинства*, *секс-революция*, *секс-символ*, *секс-туризм*,

секс-культура, секс-клуб, секс-магазин, секс-шоп, секс-бизнес, секс-бомба, сексуальный, сексология, сексопатология, сексотерапевт, сексапильный, сексуализация, бисексуальный, бисексуал, гомосексуал, гетеросексуал.

Особняком под сенью молодежного жаргона сложился наркоязык: *абстяк, аптека* (фармакологические средства как наркотики), *анаша, вдолбиться, вдувать, волокуша, гашик, глюк, глюкалово, глюква, гонец, доза, дозануться, дозняк, дрянь, дряп, иглиться, кайф, кайфовать, кайфить, кайфануть, кайфово, кайфолом, кайфоломка, соломка, таблетолог, таблеточник, транквилик* и т.д.

Большая компьютеризация страны сопровождается созданием компьютерного языка. Новые словари русского языка создают компьютерные приложения, которые помогают входить в контакт с компьютероманами. Слова эти большей частью заимствованные и не освоенные русским языком: *BB, CD, CD-ROM, DOS, IBM, INTERNET, Macintosh, MS-DOS, NC, PC, Pentium, Soft, Unix, Windows*. Но освоение этих слов протекает достаточно активно, от этих слов образуются производные русские слова: *сидиром, сидиромный диск, интернетовский, MS-досовский*. Сложился длинный словообразовательный ряд: *компьютер – компьютеризировать – компьютеризироваться – компьютеризация; компьютерный, компьютерщик*.

Вхождение России в мировой рынок повлекло за собой всеобщую “экономизацию” языка. Главные неологизмы XX в. – экономические термины. Появились *агрофирмы и агробанки, акцизы, авизо, акции, биржи, бюджет, валюта, ваучер, вексель, венчур, дотация, инвестиции, квота, концерн, лизинг* и т.д.

Особая любовь у русских экономистов к иностранным словам типа *коммерция, коммерциализировать, коммерциализация; маркетинг, маркетинговый, маркетингология, бизнес, бизнесмен, бизнес-вумен, бизнес-леди, бизнес-класс, бизнес-план, бизнес-право, бартер*. “Повезло” в русском языке *бизнесмену* – его со всех сторон окружили *бизнесменками и бизнесменшами*, которые вступили в конкуренцию с *бизнес-вумен и бизнес-леди*. Что ж, по этому поводу можно сказать только одно: наш язык (наше зеркало) зафиксировал не только экономические понятия, но и отразил определенный этап в развитии “женского вопроса” в России.

Лингвистический бум наблюдается в сфере юридических и политических терминов. Чуть не вся страна включилась в освоение юриспруденции и политики. Престижны вузы и факультеты, готовящие чиновников и политиков. Язык наш сегодня “переваривает” огромное количество юридических и политических терминов: *администрация, губернатор* (странно, что губерний нет), *мэрия, мэр, великороссы, великорусы, вердикт, вожак, вождь, лидер, гильдия, ГНИ (городская налоговая инспекция); криминализация – декриминализация; демократы, деморосы, демосоциалисты,*

демохристиане, перестройка, нефтедоллары, наркорубли. Народ успевает включиться в политическое языкотворчество и создает, как всегда, “обидные” слова: *дерьмократ, дерьмократия, катастрошка, жутики, тамиздат, самиздат, совок...*

Политические и бытовые архаизмы еще мелькают в публицистике: *генсек, ГКЧП, гзачеписты, перестроечник, контрпропаганда, диверсия, ежовщина, неблагонадежность, общепит, обзхазник, очередь* и под.

Лавинообразный характер современного русского словообразования, неустойчивость образовавшихся слов отмечают многие лингвисты. Особенно активизировались такие слова, как *рынок, перестройка, бомж: перестройка – перестроечный, доперестроечный, постперестроечный, контрперестроечный; рынок – рыночник, антирыночник, дорыночный, нерыночный, квазирыночный; бомж – бомжиха, бомжевать.*

Полемичные оценки у современных русских языковедов вызывает процесс заимствования слов из других языков. Заимствования в русском языке на пороге третьего тысячелетия многолики, разнонаправленны. В какой-то мере они необходимы, но в иных случаях необходимости в них нет, они имеют избыточный, манерно-претенциозный характер; в некоторых случаях они просто скрывают от непосвященных истинную сущность явлений. К примеру, кому и зачем понадобились слова *килер, рэкетир, бутик, шоп* и им подобные?

Килер и рэкетир призваны опозитизировать бандитов и убийц, *бутики и шопы* свидетельствуют о необразованности русских предпринимателей, а *ваучер и консенсус* выполняют политическую функцию – скрывать от народа грабительский характер экономических реформ и расслоение нашего общества на сверхбогатых и нищих.

Язык наш не враг нам, он предупреждает нас о главных социальных опасностях и болезнях: *алкоголизация, наркоманизация, ваучеризация, долларизация, фашизация, олигархизация.* Все болезни общества нанизывает язык на одну словообразовательную модель.

А какие обобщения скрываются за существительными, образованными от имен собственных! Вы только послушайте: *брежневизм, горбачевщина* (как не вспомнить *пугачевщину и шариковщину*), *ельцинизм...* Закончен ли скорбный список? Кто следующий?

Неоднозначна так называемая демократизация языка. По существу, она привела современное общество к анархическому, свободно-разнужданному огрублению языка. Грязные потоки матерщины, тотальная жаргонизация всех стилей, жанров, видов и разновидностей речи делают проблему культуры общества, культуру речи ненужной, архаичной, “пуристской” и “пуританской”. Шквал сквернословия обрушивается на незащищенные детские души, на нежные сердца женщин, на старомодные “интеллигентские” души стариков. В демократическом обществе все оказываются беззащитными перед сквернословием, матом, нецензурщиной, уголов-

щиной. Все поставлено на мощную финансовую основу: словари мата, словари жаргонные сыплются как из рога изобилия. Об удивительной жизнестойкости жаргона пишутся научные дифирамбы, в этих дифирамбах плавают сомнительные речевые фигуры: “живительная свобода”, “мощная струя жаргонизмов”, “горнило живой русской речи”, “словесное многоцветье”, “единая мозаичная система”, “безбрежный речевой океан” и т.д. и т.п.

Экстраполируется на это многоцветье прекрасный образ К.И. Чуковского: “живой как жизнь”. Читаешь и думаешь, что за этими словами: “... жаргон с большим трудом и напряжением прорывался сквозь кордоны цензуры и словесной полиции нравов, неусыпно следящей, правильно ли мы говорим”. Итак, за что борются, чему открывают дорогу популяризаторы жаргона? Читаем: “Ав-Ав, неизм. Угол. жр. Шутл.-ирон. 1. Орогениальные половые контакты... 2. Половой акт.” “Удмуртия, -ии, ж. Мол. Пренебр. Некрасивая девушка.”

Даже не вглядываясь в смысл, ощущаешь грубость, насилие, разнузданность за этими словами: хабалка, хабара, хабира, хабло, хав, хавалка, хавир, хаза, хайло, хайральня, хайфай, халтай, хамло, харево-порево, харка, хеврак... А если вглядеться в смысл? “Хабалка, -и, ж. Гом. Неодобр. Крикливый, скандальный гомосексуалист, который компрометирует своих пассивных партнеров, афишируя их гомосексуальность при посторонних.”

Никогда не было запрета на эти слова, никуда они не прорывались сквозь кордоны цензуры. За этими словами особая философия зла, насилия, разврата, пустоты души человеческой, цинизма, скверны. И вдруг придумывается “словесная полиция нравов”, ведутся защитительные речи в пользу длинных синонимических рядов, обозначающих мужской половой член, проституток, половые извращения и т.п. Может, не валить все в кучу, отделить козлов от козлищ, живительный поток человеческой речи от мутной грязи речи бесчеловечной? Нет, нельзя забывать, что язык обнажает душу человека, а душа бывает больной, уродливой, заблудшей, падшей, порочной, и отбор слов только на первый взгляд кажется простым выбором слов, а на самом деле это выбор жизненных принципов, выбор философии жизни, выбор ориентиров и ориентации, поэтому деление словарей на нормативные и ненормативные не отменить заботой о свободе слова.

В чем же все-таки сила современного русского слова? В том, что оно хранит мудрость вековую, чистоту человеческую, радость жизни, добро, любовь, красоту.

“Язык сам собою правит”. Язык не заблудится, сорняками не зарастет, от скверны избавится. Но помогать языку надо.

К концу XX в. встал наконец вопрос о государственности русского языка. Много устойчивых словосочетаний породило слово *государственный*: *государственный флаг*, *государственный гимн*, *государственный аппа-*

рат, государственная безопасность, государственная собственность. И вот еще одно: *государственный язык.* Русский язык как государственный. Прокатившийся по России “парад суверенитетов” привел к размыванию понятия *государственный язык.* Государственными были объявлены татарский, башкирский, ингушский и др. под. языки. В России около 200 народностей. Сколько же в ней будет государственных языков? Сможет ли русский язык стать государственным в такой ситуации? Плохие советчики в этом деле как великороссы, так и русофобы. Россияне ищут решения проблемы государственного языка. Уверена, решение будет найдено правильное. Государственная языковая политика определяется сейчас федеральными целевыми программами “Русский язык”. Первая из них была реализована в 1996-2000 гг. Вторая была подписана президентом России в 2000 году и определила направления языковой политики на 2001-2006 гг. Утвержден “Перечень научно-исследовательских работ и мероприятий для проведения конкурса по федеральной целевой программе “Русский язык”. Научно-исследовательские работы включают в себя проблему развития русского языка как государственного языка РФ (изучение языковой политики и языковой ситуации в России, исследование сфер функционирования русского языка как языка межнационального общения, перспектив развития его государственных функций, гармонизации взаимоотношений русского языка и национальных языков в федеральных структурах России).

Предполагается активизировать исследования в области теории и истории русского языка, культуры речи.

Особого внимания заслуживает оценка качества и уровня владения русским языком у лиц, работающих в органах власти и средствах массовой информации, в ближайшее время планируется разработать квалификационные требования к владению русским языком.

Предстоит также усовершенствовать содержание образовательных программ, учебников, учебных пособий и учебных словарей по русскому языку, русскому языку как неродному, русскому языку как иностранному, русской литературе. Необходимо разработать инновационные технологии и методы обучения русскому языку для всех форм обучения и различных категорий обучающихся.

Выполнение этих задач придаст русскому языку силу и статус государственного.

Газетный язык во времена социально-политических, экономических и идеологических кризисов

Зеркального отражения кризисных потрясений в языке, конечно, не происходит, но кризисные времена обязательно преломляются в газет-

ном языке: в его системе появляются неуправляемая динамичность, дисгармония и семантическая напряженность, что имеет как негативные, так и позитивные последствия.

Среди положительных процессов, характеризующих газетный язык сегодня, - демократизация языка, освобождение от жестких пуристических рамок, обновление лексической и фразеологической семантики, некоторая интернационализация и интеллектуализация, расшатывание (пока еще не разрушение) догматизма газетного канцелярита, некоторое раскрепощение мысли, веяния живой речи и т.п.

Однако шумовые эффекты от этих положительных процессов не всегда имеют рациональный и допустимый вид. В речь авторов и персонажей газетной речи просачиваются просторечие, жаргон, сленг, наблюдается зависящая и независящая от газетчиков иностранизация русского языка и, что самое печальное, становится все более ощутимым нарушение орфографических и пунктуационных норм, сохраняющих похвальную консервативность языкового состояния.

Наблюдения над неуправляемой динамизацией языка и анархической свободой применения некоторых шоковых средств языка привели к появлению поспешных умозаключений о разрушении языковых норм и даже «гибели языка». Наиболее энергичные современники начали продумывать планы спасения (цензурирования) русского языка, а под этим прикрытием – планы регулирования современной русской мысли и поддержания на высоком уровне нравственности представителей современных СМИ.

Ареной лингво-мыслительных боев стали некоторые традиционные оппозиции, организующие и обновляющие языковую систему. Для оценки современного состояния газетного языка особенно важны антиномии устной и письменной речи, нормы и антинормы, устойчивости и изменчивости, языка и мышления, языка и общества. Газетный язык в кризисные и мирно-эволюционные периоды подчиняется названным оппозициям, однако равновесности в функционировании членов этой оппозиции никогда нет. Что касается кризисных периодов развития общества, то они увеличивают асимметрию в указанных оппозициях: устная речь быстрее взрывает нормы языка, антинорма всплывает на поверхность, бьет в глаза и режет ухо; мышление под давлением социальной неразберихи и какофонии становится противоречивым и лживым, семантическая сеть языковой системы не справляется с фильтрацией мысли, усиливающиеся процессы изменчивости создают видимость разрушения языковых традиций. Спасительным якорем социального оптимизма хочется видеть продолжение пословицы: море не высохнет, народ не заблудится, язык не умрет.

Показатели асимметрии языковых оппозиций в газетной речи следует подвергнуть аналитическому рассмотрению, учитывая все уровни языковой системы: фонетический ряд газетной речи, лексико-фразеологический инвентарь, функционирование грамматических средств. При этом нужно

учитывать опыт прошедших времен: традиция, здоровый консерватизм функционирования любого языка всегда преобладает над процессами его обновления, иными словами, устойчивость и изменчивость языка образуют диалектическое противоречивое единство.

Газетный язык в наше время продолжает выполнять свои главные функции: информационную и воздействующую (агитационно-пропагандистскую), при этом убедительность газетного языка напрямую зависит от его экспрессивности. Главный вопрос нашего времени – куда вести современное общество, на что тратить интеллектуально-языковой заряд современной газетной речи.

Кризис общества во все времена ликвидировался процессами гармонизации и согласия, поэтому идеи гармонизации и согласия общества должны, на наш взгляд, пронизывать не только содержание, но и форму газетной речи. Понимая всю сложность реализации этих идей в современном обществе, мы все же не видим иного пути в третье тысячелетие. Поскольку язык наш выражает как глобальные, так и микроскопические детали реального мира, он, играя не только пассивно-созерцательную, но и активно-преобразовательную роль в обществе, должен в большом и малом слове способствовать консенсусу, а не конфронтации, согласию, а не противостоянию, миру, а не войне. И тогда газетчик остается один на один с вечным вопросом: говорить правду или ложь. Слабое человечество придумало ложь во спасение, но она не панацея. Только горькое лекарство правды, разума и справедливости может быть основой согласия в обществе.

Есть ли женский язык?

Выражения **женская логика**, **мужской ум** в современном русском языке встречаются часто и наводят на мысль о том, что где-то в языковых запасах (строго говоря, в системе языка) должны быть мужская логика и женский ум, однако память услужливо подсказывает другие устойчивые словосочетания: бабий ум, железная логика. Настолько причудливо и покапризному хаотично вплетаются в смысловое пространство языка продукты образного мышления, что не всегда объяснишь, почему есть женская логика (как отрицательная характеристика человеческого мышления) и нет мужской, почему женщину должен украшать мужской ум, а бабий ум короток, в отличие от ее волоса. Еще две загадки из этой серии – женский язык и мужской разговор.

Вдумаемся в понятие «женский язык». У некоторых народов Кавказа им обозначают жестовый (ручной) язык, на который обязана перейти жена после смерти мужа, при этом молчание ее, запрет на вербальное общение может продолжаться в течение года или всю оставшуюся жизнь. Вероятно, такое наказание женщину постигает за ее словоохотливость, если

не сказать болтливость. Но не о таком женском языке мы хотели бы поговорить применительно к русскому языку.

В русском языке женское начало настолько ощутимо, что можно говорить об особом женском языке, созданном женским умом, женским сердцем, женской любовью.

Женский язык прежде всего ласков. Нет сомнений в том, что ласковые имена собственные создала женщина: Ванятка, Ванюша, Ванечка; Сашенька, Сашуля, Санечка; Машутка, Машуня, Машенька; Натальюшка, Поленька, Олюнечка, Валюшечка. Ласкательные суффиксы сыплются как из рога изобилия. Счастливы дети, которые живут под звуки этих ласковых имен. Суффиксы прибавляются и к нарицательным именам: детонька, деточка, крохотуля, голубонька, голубок.

В песнях русская женщина обращается к мужчине ласково: «Миленький ты мой, возьми меня с собой...»

Женский язык создает вокруг себя поле ласки, доброты, любви. Нежность этого языка неизмерима, неизбывна, неиссякаема.

Женский язык добр, предупредителен, заботлив. «Ты не ушибся? Дай твой пальчик, я его поцелую, и все заживет! Не печалься, утро вечера мудренее. Завтра что-нибудь придумаем». В наше время, увы, русской женщине приходится не в горящую избу входить и не коня на скаку останавливать, а умудряться прокормить семью на такую зарплату, которая ни в какое сравнение не идет с самой скромной (самой заниженной) продовольственной корзиной. Добротой только можно частично компенсировать отсутствие на столе мяса, молока, масла. Так и хочется возвать к совести производителей этих продуктов: не слишком ли взвинтили цены на продукты? Не слишком ли они, заботясь о своей наживе, рассчитывают на соленую материнскую слезу?

Женский ум гибок и трудолюбив. Женщина освоила разные профессии, некоторые из них стали по преимуществу женскими. Врачи, учителя, социальные работники, в основном, - женщины. Бесстрашно штурмуют женщины научные высоты. Кандидаты, доктора наук женского пола держат на своих плечах вузовское образование, медицину. Женский язык в науке обогатился точностью, корректностью, интеллектуальным изяществом. Он привносит в науку особую тонкость ума, творческую находчивость, богатство аргументации.

Женский язык смел. Он призывает к откровенности, искренности. Вспомните как волнующе проникновенно звучал в устах женщины-поэтессы вопрос: «Мой милый, что тебе я сделала?»

Мужчины и женщины отличаются не только строением тела, психикой, интеллектуальными потенциями, но и языком, речью. Жорж Санд уверенно утверждала: «Что женщина отличается от мужчины, что сердце и ум имеют пол, - в этом я не сомневаюсь». Нам остается к этому добавить, что язык женский отличен от мужского.

В чем причина речемыслительных различий между мужчиной и жен-

щиной? Представители разных наук ищут ответ на этот вопрос. В середине 70-х годов XX века была создана теория половой дифференциации мозга. Интерпретируются следующие установленные наукой факты: 1) женский мозг по весу легче мужского; 2) пучок нервных волокон, передающих сигналы из правого в левое полушарие, у женщин шире, чем у мужчин; 3) через многие отделы женского мозга протекает за единицу времени крови больше, чем через такие же отделы мужского; 4) надежность и прочность женского мозга как биологического органа больше, чем соответствующие качества мужского. Можно также вспомнить, что мужчины агрессивнее женщин. Неоспоримо и то, что мужчины рассудочнее, рациональнее женщин, а женщины эмоциональнее мужчин. Все это вместе взятое не могло не сказаться на различиях между женским и мужским языком.

Роль женщины в обществе грядущего столетия

Мы стоим на пороге XXI века. Скоро скажем об уходящем двадцатом: век минувший. Итогом двадцатого века стало смутное в политическом и экономическом отношении переходное время. Откуда эта смута? Откуда растерянность человечества? Почему торжествует хамство, ложь, зло, насилие?

Смуту конца века можно сравнить лишь с мраком, «мглой» его начала. Что спасет мир? За что цепляться, как за соломинку? Все чаще взоры людей обращаются к загадочным, волшебным полотнам Н.К. Рериха. С полотен шлют кванты живительного оптимистического света синие горы, синяя даль неба, белые снега на вершинах гор... Рерих вечен, как вечен мир...

Из глубины XX века нам слышны вещие слова, слова-зовы Рериха: «Женщины, ведь вы соткете и развернете Знамя Мира. Вы безбоязненно станете на страже улучшения жизни. Вы зажжете у каждого очага огонь прекрасный, творящий и ободряющий. Вы скажете детям первое слово о красоте, Вы научите их благословенной иерархии знания, Вы скажете малым о творчестве мысли» (Письмо Н.К. Рериха «Женскому сердцу»).

Рерих воспевал «мужество женщин у края безысходности». Женщины - матери и жены, сестры и бабушки - отправились в Чечню на поиски сыновей, мужей, братьев. Женщины в первую очередь, взвалили на себя нелегкий труд нашего времени: как на современные зарплаты, пенсии поддерживать огонь домашнего очага, прокормить тех, кого так унизительно зовут иждивенцами.

Когда становится необходимым подвиг женщины? Рерих отвечает: «когда в доме трудно», «когда вражда и взаимное разрушение достигают пределов», «когда злые силы одолевают», «когда не помогают расчеты и вычисления»...

Известны подвиги женщин: первый подвиг – подвиг материнства. Ни

война, ни разруха, ни безработица, ни катаклизмы не могут остановить жизнь. Женщины служат Роду, продолжая род человеческий.

Второй подвиг – подвиг самоотречения, самопожертвования. Себе, о себе – в последнюю очередь. Сначала – детям, внукам. Суровую необходимость поддержания, продолжения жизни включает в себя этот подвиг.

Третий подвиг – подвиг труда. Труда ежедневного и еженощного, незаметного и, часто, неоцененного. Труд домашний таков. Но ведь в России уже не осталось женщин - «домохозяйек». Все виды труда, промышленного и сельскохозяйственного, освоены женщиной. Женщина в науке в XIX веке была редкостью. Успешно отвоевав себе право на образование, женщина заполнила нишу науки и образования.

XXI век влечет женщину на ниву Культуры. Многие поколения лучших людей мира возлагали надежды на женщину: Данте и Рерих, Достоевский и Чехов... Культуру следует понимать широко, по-рериховски: это почитание Света, неограниченность познания, неустанное творчество, бесстрашие мысли, любовь к человеку, гуманизм, сочетание жизни и красоты, оптимизм.

Зов Рериха к женщинам, посланный из XX века, должен осуществиться в XXI столетии: «Вы первые скажете малым о преимуществе духовных ценностей. Вы произнесете священное слово Культура».

Элементы феминизма в грамматической категории рода

Категория рода – одна из сложнейших лингвистических категорий – отражает в своем развитии изменение взаимоотношений между полами в истории человечества. В современных языках мира род как лингвистическая категория не универсален: в одних языках он сформировался как трехкомпонентная категория (русский, украинский, белорусский, немецкий), в других – как двухкомпонентная (испанский, французский), третьи – не имеют рода (финно-угорские, семито-хамитские, тюркские языки). Трехкомпонентная категория рода включает в себя, кроме мужского и женского, средний род, а двухкомпонентная может состоять из мужского и женского (французский, испанский) или общего, одушевленного, и среднего, неодушевленного, (хеттские языки). В английском языке род был трехкомпонентной категорией, а сейчас в нем утрачены родовые различия: род превратился в скрытую категорию, обнаруживаемую только через анафорические местоимения he, she, it.

История рода в русском языке свидетельствуют о драматических событиях в истории взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Содержание этой категории у одушевленных и неодушевленных су-

ществительных различно. В одушевленных существительных значение мужского и женского рода в большинстве случаев выражает половую принадлежность живого существа (человека или животного). В русском языке формы мужского и женского рода одушевленных существительных образуют пары. В отличие от видовых пар глагола родовые пары существительных недостаточно системно оформлены. Так, сложились родовые пары у существительных, обозначающих людей по родству: мама – папа, мать – отец, дочь – сын, дед – баба, прадедушка – прабабушка, дядя – тетя, племянник – племянница, кум – кума, зять – сноха, муж – жена, супруг – супруга, жених – невеста и т.п.; по возрасту: старик – старуха, мальчик – девочка, юноша – девушка, мужчина – женщина, отрок – отроковица и т.д.

Существование этих пар имеет чисто биологическое обоснование: для создания родственных, семейных отношений необходимо сочетание человеческих особей разного пола, что и привело к формированию народных по роду существительных, создающих древнюю достаточно регулярную подсистему наименований человека по родству. Равновесие полов в семейных отношениях – дань традициям первобытного общества.

Противопоставление родовых названий человека по социальному признаку наблюдается с древнейших времен: князь – княгиня, царь – царица, король – королева, барин – барыня, государь – государыня (сударь – сударыня). Оно продолжается в современных названиях людей по социальным или профессиональным признакам: деятель – деятельница, директор – директриса, в заимствованиях: маркиз – маркиза, граф – графиня, кузен – кузина, дон – донна, синьор – синьора.

Уже в названиях человека по родству начинает складываться приоритет мужского имени. Если слово «мать» безусловно древнее русского слова «отец», содержащего исторический суффикс, если в парах **сын – дочь, дед – баба, зять – сноха, муж – жена, жених – невеста** приоритетность мужского или женского рода не может быть установлена в силу современной непроизводности этих слов (в истории русского языка), то производность женского имени от мужского не подлежит сомнению в следующих парах: **племянник – племянница, старик – старуха, отрок – отроковица** и т.п.

Парность по роду является развивающейся категорией в названиях людей по профессии. Первые профессиональные названия в современном русском языке были созданы для мужчин: коваль, бондарь, дударь, кобзарь, лекарь, пекарь, шинкарь, токарь, пушкарь, пономарь, корчмарь, звонарь, писарь, чеботарь, золотарь, кустарь, почтарь, знахарь, пахарь и т. д. Лишь редкие из этих названий развились в родовые пары: шинкарь – шинкарка, знахарь – знахарка. Затем названия людей по национальному признаку, по профессии, партийной принадлежности или по производимому действию стали регулярно создаваться суффиксами **-ист-** (кита-

ист, штабист, лингвист, отзовист, уклонист, артист, стенографист, нацист, реваншист), **-тель** (страхователь, поджигатель, вымогатель, предатель, работодатель, покровитель, вредитель, гидростроитель, укротитель), **-ец** (китаец, индеец, продавец, метростроевец, петрашевец, сослуживец, гестаповец, владелец, чудотворец) и др.

Далеко не со стопроцентной регулярностью от этих имен образуются родовые пары. Более или менее строгая регулярность характеризует эти и другие наименования женщин по национальному и партийному признаку: коммунист – коммунистка, нацист – нацистка, фашист – фашистка, индеец – индейка, украинец – украинка, белорус – белоруска, туркмен – туркменка). Названия с суффиксом **-тель** легко соотносятся в родовой паре с женскими именами, образуемыми суффиксом **-ница**: вымогатель – вымогательница, предприниматель – предпринимательница, предатель – предательница и т.п.

Однако в сфере профессиональных названий мужчины и женщины в современном русском языке существует скрытое табу на женские наименования. Профессия врача, как и учителя, стала в наше время «женской». При наличии в языке слов врача и учительница в официально-номенклатурном языке используются только мужские наименования: врач Лебедева, учитель Казанцева. Та же судьба у слов инженер, строитель, ректор, доцент, поэт, профессор. На одних поставлен ярлык разговорности (врача, профессорша), другие, хоть и имеют литературный характер, недостаточно официальные (учительница).

Таким образом, в сфере наименований по профессии сложилась проблема с явным феминистическим оттенком, преодолеть которую современный русский язык пытается через наименования с заимствованными суффиксами: барон – баронесса, виконт – виконтесса, принц – принцесса, стюард – стюардесса. Уже заявили о себе женские слова: поэтесса, патронесса, диакониса, аббатиса, инспектриса, директриса. Возможно, в ближайшем времени будут востребованы пары спикер – спикериса (спикересса), министр – министресса, президент – президентесса, ректор – ректриса, метр – метресса, шеф – шефиня и т.п.

Еще в древнерусском языке сложились родовые парные названия животных: корова – бык, овца – баран, утка – селезень, гусыня – гусак, свинья – кабан, курица – петух, коза – козел и некоторые другие. Пары созданы потребностью различать самку и самца. Когда в этом потребности не было, то одно слово могло обозначать одновременно и самца и самку, дифференцируя лишь вид животного: гусь, утка, собака, сокол, ласточка и т.д. Реализация потребности обозначать род животного, а также дифференцировать самца и самку сформировала в русском языке триады названий: гусь – гусак – гусыня; овца – баран – ярка; коза – козел – козлуха; лиса – лис – лисица и т.п.

Слова «лебедь», «выхухоль» употребляются в современном русском

языке в том и другом роде: лебедь белая – белый лебедь, красивая выхухоль – красивый выхухоль. Интересную особенность поэтического языка обнаружил А.А. Потебня: «При том состоянии мысли, когда от имени животного (птицы) известного рода не образуется другого рода, это животное в поэзии паруется с животным другого рода: лиса и кот, лебедь (жен.) и сокол, муха и комар».

Слово «мать» - одно из самых древних, этимологически оно дало жизнь нескольким современным словообразовательным гнездам (материя, материк, материть, матриархат).

Матрицентричность русского менталитета и русского языка – вещь очевидная. Названия русских государств женского рода: Русь, Россия, Гардарика. Широко известно поэтическое отношение русских людей к женщине, воспевание красоты, силы, здоровья, доброты, ласковости, нежности, верности. Рядом с такой женщиной и мужчина воспитывался добрым, сильным и нежным.

Матрицентричность русского языка проявляется в разновременных и равнообъемных переходах слов мужского и среднего рода в женский: в диалектной речи (стул – стула, коромысло – коромысла), в процессе заимствований (компонент – компонента, коррелят – коррелята; мой тюль, вуаль, шампунь – моя тюль, вуаль, шампунь).

О силе женского рода свидетельствует временный отход от мужского рода одушевленных существительных с оценочными суффиксами: мальчик – мальчонка, мужик – мужичонка, старик – старикашка, хахаль – хахалишка, сын – сынишка, брат – братишка, сват – сватушка, черт – чертушка, тесть – тестюшка, бог – боженька, черт – чертяка и т.п.

Наконец, более сильный характер женского рода в русском языке можно ощутить в словах так называемого общего рода. Во-первых, слова общего рода имеют типичные женские окончания: -а и нулевое при мягкой основе: голуба, тетка, здоровяга, трудяга, непоседа, вежа, невежа, сладена, бродяга; голь, ноль, бездарь и т.п. Наиболее продуктивны слова на -а.

На грустные размышления наводит тот факт, что в этих словах мужчины под общей женской формой как бы пытаются обобщить грехи, собственные человеку независимо от его половой принадлежности: зазнайка, полужнайка, незнайка, немогузнайка; попрошайка, зубрилка; лежебока, растрепа, недотепа, бука, злюка; худышка, замухрышка, коротышка; забияка, гуляка, кривляка, подпевала, прихлебала, доставала, приживала, прилипала; мазила, громила, воротила, ловчила; задира, притвора, таратора и т.д.

Таким образом, наблюдения над мужским и женским родом существительных позволяют прийти к некоторым любопытным феминологическим выводам: лингвистическая категория рода имеет в функционировании формы и содержания ярко выраженные феминистические признаки;

становление и развитие категории рода в русском языке отражает сложные биологические, социальные, профессиональные перипетии борьбы между мужчинами и женщинами и установление между ними дружеских партнерских отношений.

Современный русский язык характеризуется антропоцентричностью (как любой язык человечества) и матрицентричностью. Понятия матрицентричность и патрицентричность языка несомненно должны быть в поле зрения лингвистов.

СОДЕРЖАНИЕ

О ПРОФЕССОРЕ В.А. ЛЕБЕДИНСКОЙ	5
СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ ПРОФЕССОРА В.А. ЛЕБЕДИНСКОЙ	10
НАУЧНЫЕ СТАТЬИ	
<i>ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФРАЗЕОЛОГИИ</i>	20
История создания «научного продукта» Челябинской фразеологической школы	20
Взаимодействие семантики и грамматики в сфере лексики и фразеологии	35
Фразеологическое значение как лингвистический феномен	39
Внешняя форма фразеологизмов как объект компьютерной фразеографии	41
К вопросу об аспектах исследования фразеологизмов	42
Роль компонентов в создании фразеологического значения	45
Сущность перехода свободных синтаксических образований во фразеологические единицы языка	52
<i>ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ</i>	55
Субкатегории процессуальных фразеологизмов	55
О морфологии процессуальных фразеологизмов	62
Принципы анализа семантики процессуальных фразеологизмов	64
О структуре категории лица процессуальных номинативных единиц языка	70
К вопросу о категории лица глагольных фразеологических единиц	76
Проблема тождества и различия процессуальных фразеологизмов с компонентом не	82
<i>ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ</i>	88
Семантическое пространство слова «честь» в идиостиле Ф.М. Достоевского	88
Роль фразеологизмов с компонентами «дух» и «душа» в раскрытии внутреннего мира героев Ф.М. Достоевского ¹⁰	100
Предметный мир в поэзии К. Бальмонта	103
Концепт «роза» в поэтической фразеологии К. Бальмонта ¹¹	105
«Мышиная фразеология» В. Ходасевича	108
Пушкин и Ходасевич	112
<i>НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ</i>	115
Боль моя и тревога - русский язык	115
Главная национальная программа	117
Роль уральской лингвофольклористики в духовном возрождении России	120
Сила русского слова	123

Газетный язык во времена социально-политических, экономических и идеологических кризисов	128
Есть ли женский язык?	130
Роль женщины в обществе грядущего столетия	132
Элементы феминизма в грамматической категории рода	133

Научное издание

Лебединская В.А.

ИЗБРАННОЕ

Сборник научных статей

Ответственный редактор Н.Б. Усачева
Редактор Н.А. Леготина

Подписано в печать
Печать трафаретная
Заказ

Бумага тип № 1
Усл.-печ. л. 9,68
Тираж 100

Формат 60*84 1/16
Уч.-изд. л. 9,68
Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет.